

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

*И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4*

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1, 2025

Периодичность 4 номера в год

*Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым*

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС 77-76204 от 02 августа 2019 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

Главный редактор

- **Шапсугов Дамир Юсуфович** – доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, Заслуженный юрист РФ, директор центра правовых исследований, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Заместитель главного редактора

- **Краковский Константин Петрович** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва).

Состав редакционной коллегии

- **Авакян Р. О.** – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности (Армения, г. Ереван).
- **Авдеев Д. А.** – кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, кафедра теоретических и публично-правовых дисциплин, руководитель Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, член Тюменского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (Россия, г. Тюмень).
- **Алиев А. И.** – доктор юридических наук, ректор Академии Коллегии Адвокатов Азербайджанской Республики, профессор кафедры «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Алиева С. И.** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории», Азербайджанский государственный педагогический университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Баранов П. П.** – доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Душаклова Л. А.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и служебного права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Егорова М. А.** – доктор юридических наук, профессор, начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва).
- **Корецкий А. Д.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, судья Ростовского областного суда (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Лазарева Н. Ю.** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, член Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Маремкулов А. Н.** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Россия, г. Нальчик).
- **Мехмет Али Бейхан** – доктор исторических наук, профессор, Стамбульский университет (Турецкая Республика, г. Анкара).
- **Момотов В. В.** – доктор юридических наук, профессор, судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).
- **Овсепян Ж. И.** – доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры конституционализма юридического факультета, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).

- **Овчинников А. И.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шатковская Т. В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шелухин С. И.** – доктор права, университетский профессор, Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции (США, г. Нью-Йорк).

Состав редакционного совета

- **Акопов Л. В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» юридического факультета, Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону).
- **Бойко А. И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону).
- **Волова Л. И.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Казинян Г. С.** – доктор юридических наук, профессор юридического факультета, Ереванский государственный университет (Армения, г. Ереван).
- **Исмаилов М. А.** – доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического факультета, Дагестанский государственный университет (Россия, г. Махачкала).
- **Исмаилов Х. Д.** – доктор юридических наук, профессор, юридический факультет Бакинского государственного университета (Азербайджан, г. Баку).
- **Ляхов Ю. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Озова Ф. А.** – доктор исторических наук, Академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, доцент, заведующий отдела истории народов, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсирокова (Россия, г. Черкесск).
- **Радачинский Ю. Н.** – кандидат юридических наук, доцент, председатель Территориальной избирательной комиссии г. Батайска, доцент кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Сайдумов Дж. Х.** – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Россия, г. Москва), профессор кафедры истории, Чеченский государственный педагогический университет (Россия, г. Грозный).
- **Титова Е. В.** – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Россия, г. Челябинск).
- **Фаргиев И. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, судья Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

“To be ahead of the nation, show the way
to its people directing their legal awareness
towards the benefit and truth in human
relations – that is the genuine duty of juris-
prudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 1, 2025

Regularity 4 times a year

*Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific
publications where main research results of dissertations
for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

Registration number and date of the decision on registration:
series PI № FS77-76204 dated August 02, 2019

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial board

Chief Editor

- **Damir Yu. Shapsugov** – Doctor of Law, Professor, Academician of AMAN and MANEB, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Center for Legal Studies, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).

Deputy Chief Editor

- **Konstantin P. Krakovskiy** – Doctor of Law, Professor of the Department of State and Law Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of Public Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow).

The editorial board

- **Ruben O. Avakyan** – Doctor of Law, Professor, Academician of MANEB and All-Armenian Academy of National Security Problems (Armenia, Yerevan).
- **Dmitry A. Avdeev** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Head of the Tyumen Branch of the Interregional Association of Constitutionnalists of Russia, Member of the Tyumen Regional Branch of the All-Russian Public Organization "Association of Lawyers of Russia" (Russia, Tyumen).
- **Amir Ibragim ogly Aliev** – Doctor of Law, Rector of the Academy of the Bar Association of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department "Human Rights and Information Law", Baku State University (Azerbaijan, Baku).
- **Sevindzh I. Alieva** – Doctor of History, Professor, Head of the Department "General History and Technology of Teaching History", Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan, Baku).
- **Pavel P. Baranov** – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Lesya A. Dushakova** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Service Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Maria A. Egorova** – Doctor of Law, Professor, Head of the International Cooperation Office, Professor of the Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow).
- **Arkadiy D. Koretskiy** – Doctor of Law, Professor, head of the Department of Civil Law, Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice), judge of the Rostov Regional Court (Russia, Rostov-on-Don).
- **Natalia Yu. Lazareva** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal-Legal Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Russian Association of Criminology (Russia, Rostov-on-Don).
- **Arsen N. Maremkulov** – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (Russia, Nalchik).
- **Mehmet Ali Beihan** – Doctor of History, Professor, Istanbul University (Republic of Turkey, Ankara).
- **Victor V. Momotov** – Doctor of Law, Professor, Judge, Secretary of the Plenum, Member of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).
- **Zhanna I. Ovsepyan** – Doctor of Law, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutionalism, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexey I. Ovchinnikov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Tatiana V. Shatkovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Sergey I. Shelukhin** – Doctor of Law, University Professor, City University, Faculty of Law, Police and Criminal Justice (USA, New York).

Editorial Council

- **Leonid V. Akopov** – Doctor of Law, Professor of the Department of "Criminal Law and Public Law Disciplines" of the Law Faculty, Don State Technical University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexander I. Boiko** – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Larisa I. Volova** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law of the Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Magomedsaid A. Ismailov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Research Laboratory «Customary Law» of the Faculty of Law, Dagestan State University (Russia, Makhachkala).
- **Khayyam J. Ismayilov** – Doctor of Law, Professor of the Department Theory and History of State and Law, Law Faculty (Azerbaijan, Baku).
- **Gagik S. Kazinyan** – Doctor of Law, Professor of the Faculty of Law, Yerevan State University (Armenia, Yerevan).
- **Yuri A. Lyahov** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
- **Fatima A. Ozova** – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Peoples, Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies named after X. X. Khapsirokov (Cherkessk, Russia).
- **Yuri N. Radachinsky** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chairman of the Territorial Election Commission of Bataysk, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Dzhambul H. Saidumov** – Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Professor at the Department of History, Chechen State Pedagogical University (Russia, Grozny).
- **Elena V. Titova** – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University) (Russia, Chelyabinsk).
- **Ibragim A. Fargiev** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-279-41-62,

e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.....11

Д. Ю. Шапсугов

Об истории юридической науки как процессе становления культуры творчества:
размышления и краткие зарисовки о правовой эврикологии
(науке о творчестве в познании и осуществлении права) 11

Х. Дж. Исмайлов

Об особенностях правового регулирования имущественных отношений
в Северном Азербайджане в период российского владычества.....27

А. Н. Маремкулов

Влияние дефицита юридических возможностей
на реализацию естественных прав.....44

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА.....51

А. М. Цалиев

О совершенствовании основ конституционного строя
Республики Северная Осетия-Алания
(к 30-летию принятия Конституции РСО-Алания) 51

Л. А. Душакова

Правоэкспертная деятельность в позитивном публичном управлении..... 62

М. А. Мокосеева, Д. А. Галямова

Конституционно-правовые аспекты
соотношения частных и публичных интересов
в законодательстве о банкротстве 74

Р. А. Пестов, М. Е. Богушева

Совершенствование нормативно-правового регулирования
превенции административных правонарушений в семейно-бытовой сфере83

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА93

С. А. Закирова, Л. Ю. Емченко

Семья как абсолютная традиционная ценность правового государства..... 93

В. Д. Бурдова

Особенности правового регулирования деятельности музеев 102

А. С. Дороганова

Правовая природа приносящей доход деятельности
некоммерческих организаций 110

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ, ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА 118

К. В. Корсаков

Уголовное наказание в зеркале противоречивых подходов 118

В. В. Багаев

Опыт фиксации квалифицирующих признаков состава преступления
в странах СНГ..... 130

<i>В. В. Чибизов, Д. А. Старков</i>	
Институт отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран	138
<i>И. А. Семенцова, Е. А. Федорова</i>	
Криминологические особенности личности преступника-мигранта	146
ПЛАГИАТОВЕДЕНИЕ	157
<i>А. И. Ситникова</i>	
Имитация диссертационных исследований в праве	157
РЕЦЕНЗИИ	169
<i>С. В. Королёв</i>	
Политико-правовое исследование институтов избирательного права, избирательного процесса и технологий (рецензия на учебник Алексеева Р. А. «Избирательное право, избирательный процесс и технологии»)	169
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	173

CONTENT

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE	11
<i>Damir Yu. Shapsugov</i>	
On the history of legal science as a process of formation of a culture of creativity: reflections and brief sketches on legal eurycology (the science of creativity in the knowledge and exercise of law).....	11
<i>Khayyam j. Ismayilov</i>	
On the features of legal regulation of property relations in Northern Azerbaijan during the period of Russian rule.....	27
<i>Arsen N. Maremkulov</i>	
The impact of a shortage of legal opportunities on the exercise of natural rights.....	44
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW	51
<i>Alexander M. Tsaliev</i>	
On improving the foundations of the constitutional system of the Republic of North Ossetia-Alania (on the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Republic of North Ossetia-Alania)	51
<i>Lesya A. Dushakova</i>	
Legal expert activity in positive public governance.....	62
<i>Marina A. Mokoseeva, Darya A. Galyamova</i>	
Constitutional and legal aspects of the relationship between private and public interests in bankruptcy legislation	74
<i>Roman A. Pestov, Mariya E. Bogusheva</i>	
Improving the legal regulation of the prevention of administrative offenses in the family and household sphere	83
PROBLEMS OF CIVIL LAW	93
<i>Svetlana A. Zakirova, Lyudmila Yu. Yemchenko</i>	
Family as an absolute traditional value of the rule of law	93
<i>Veronika D. Burdova</i>	
Features of legal regulation of the activity of museums.....	102
<i>Anastasia S. Doroganova</i>	
Legal nature of income-generating activities of non-profit organizations	110
PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PROCEDURAL LAW	118
<i>Konstantin V. Korsakov</i>	
Criminal punishment in the mirror of contradictory approaches.....	118
<i>Vladimir V. Bagaev</i>	
Experience of recording qualifying features of a crime in the Commonwealth of Independent States countries	130

<i>Vladimir V. Chibizov, Danila A. Starkov</i>	
The institute of deferred execution of punishment in the Islamic Republic of Iran.....	138
<i>Irina A. Sementsova, Ekaterina A. Fedorova</i>	
Criminological features of the personality of a migrant criminal.....	146
PLAGIARISM STUDIES	157
<i>Alexandra I. Sitnikova</i>	
Imitation of dissertation researches in law.....	157
REVIEWS	169
<i>Sergey V. Korolev</i>	
Political and legal research of institutions of electoral law, electoral process and technologies (review of the textbook by R. A. Alekseev "Electoral law, electoral process and technologies").....	169
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES	173

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-11-26>

EDN ZKLFNQ

Об истории юридической науки как процессе становления культуры творчества: размышления и краткие зарисовки о правовой эврикологии (науке о творчестве в познании и осуществлении права)

Дамир Юсуфович Шапсугов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, shapsugov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7813-6368>

Аннотация

Цель. Выявление основных тенденций в развитии юридической науки, поиск и анализ сложившихся в процессе ее исторического развития стереотипов и нерешенных вопросов, значительно, по мнению автора, снижающих эффективность юридической науки в современных условиях, серьезно деформирующих процесс мышления о праве и познания права, с акцентом на становление культуры творчества в юридической науке и социальной практике, рассматриваемой как новая парадигма ее современного развития. В качестве таких стереотипов характеризуются отождествление юриспруденции с юридической наукой, отождествление правового и юридического мышления, отождествление методологий познания в фундаментальной и прикладной юридической науках (в последующих работах), опирающееся на понимание метода познания как внешнего порядка, общей схемы, налагаемых на любое содержание, способное дать по утверждению Г. Гегеля только примитивное знание.

Методы. Критика сложившегося понимания методологии познания, разновидностей методов, постоянно цитируемых в любой научной работе, обоснование исчерпанности общенаучных парадигм, на которые опирается современная методология. Обоснована необходимость перехода к методологии, основанной на развивающемся учении о рассудке и разуме, опирающемся на идею культуры творчества в познании и реализации права, свободу мысли.

Результаты. Представлен анализ с этой точки зрения отождествления юриспруденции с юридической наукой, отождествления правового и юридического мышления и познания, проведено выделение в структуре юридической науки фундаментальной, условно названной «правоведением», и юриспруденции как прикладной науки о праве, в единстве понимаемых как «юридическая наука». Указаны особенности ее становления в России. Обращено внимание на методологические особенности фундаментальной и прикладной юридической науки, проведено критическое осмысление истории названных методологий, обоснованы актуальные проблемы в современном научном знании, внесены предложения по его совершенствованию с опорой на развивающееся учение о рассудке и разуме, которое, по мнению автора, должно стать методологической основой познания права и мышления о нем.

Выводы. История становления юридической науки свидетельствует о том, что возникли необходимые предпосылки для разработки актуальных современных проблем на новом этапе ее развития. Речь идет об исследовании культуры творчества в фундаментальной и прикладной юридической науке, выражающейся в формировании, реализации и смене научных парадигм, оснований, понятийного аппарата, форм выражения, через которые возможно познание ее истории. Проведенное исследование позволяет сформулировать предельно общий вывод. Постоянное развитие культуры творчества находит свое выражение в постоянном поиске и нахождении разумного содержания права, облечении его в разумную форму, в степени достигнутой их единства. Культура творчества в юридической науке является стержневой идеей, обеспечивающей развитие как права, так и его познания с опорой на учение о рассудке и разуме.

Ключевые слова: возможность, действительность, культура творчества как новое направление в познании и мышлении о нем, метод, правовая эврикалогия, правовое и юридическое мышление, развитие юридической науки, разум, рассудок, реальность, существующее видимое, фундаментальная и прикладная юридическая наука

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Об истории юридической науки как процессе становления культуры творчества: размышления и краткие зарисовки о правовой эврикалогии (науке о творчестве в познании и осуществлении права) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 11–26. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-11-26>. EDN ZKLFNQ

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

On the history of legal science as a process of formation of a culture of creativity: reflections and brief sketches on legal eurycology (the science of creativity in the knowledge and exercise of law)

Damir Yu. Shapsugov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7813-6368>

Abstract

Purpose. Identification of the main trends in the development of legal science, search and analysis of stereotypes and unresolved issues that have developed in the course of its historical development, significantly, in the author's opinion, reducing the effectiveness of legal science in modern conditions, seriously deforming the process of thinking about law and knowledge of law, with an emphasis on the formation of a culture of creativity in legal science and social practice, considered as a new paradigm of its modern development. Such stereotypes are characterized by the identification of jurisprudence with legal science, the identification of legal and legal thinking, the identification of cognitive methodologies in fundamental and applied legal sciences (in subsequent works), based on the understanding of the method of cognition as an external order, a general scheme imposed on any content capable of providing, according to G. Hegel, only primitive knowledge.

Methods. Criticism of the established understanding of the methodology of cognition, the varieties of methods that are constantly cited in any scientific work, the justification of the exhaustion of general scientific paradigms on which modern methodology is based. The necessity of transition to a methodology based on the developing doctrine of reason and reason, based on the idea of a culture of creativity in cognition and realization of rights, freedom of thought, is substantiated.

Results. An analysis is presented from this point of view of the identification of jurisprudence with legal science, the identification of legal and legal thinking and cognition, the separation in the structure of legal science of fundamental (metaphysical) conventionally called "jurisprudence" and jurisprudence as an applied science of law, collectively understood as "legal science". The features of its formation in Russia are indicated. Attention is drawn to the methodological features of fundamental and applied legal science, a critical understanding of the history of these methodologies is carried out, urgent problems in modern scientific knowledge are substantiated, proposals are made for its improvement based on the developing doctrine of reason and reason, which, in the author's opinion, should become the methodological basis for the knowledge of law and thinking about it.

Conclusions. The history of the formation of legal science shows that the necessary prerequisites have emerged for the development of urgent modern problems at a new stage of its development. It is about the study of the culture of creativity in fundamental and applied legal science, expressed in the formation, implementation and change of scientific paradigms, foundations, conceptual apparatus, forms of expression through which knowledge of its history is possible. The conducted research allows us to formulate an extremely general conclusion. The constant development of the culture of creativity finds its expression in the constant search for and finding a reasonable content of law, putting it into a reasonable form, and achieving their unity. The culture of creativity in legal science is a core idea that ensures the development of both law and its knowledge based on the doctrine of reason and reason.

Keywords: opportunity, reality, culture of creativity as a new direction in cognition and thinking about it, method, legal eurycology, legal and legal thinking, development of legal science, reason, existing visible, fundamental and applied legal science

For citation: Shapsugov D. Yu. On the history of legal science as a process of formation of a culture of creativity: reflections and brief sketches on legal eurycology (the science of creativity in the knowledge and exercise of law). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):11–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-11-26>. EDN ZKLNFQ

* * *

Творчество права есть действующий познающий (свобода мысли) и практический (свобода воли) разум в их единстве.

* * *

Логика творчества – основана на свободе мысли, поэтому способ познания в ней разрабатывается в процессе самого познания в соответствии с природой содержания изучаемого или конструируемого предмета.

* * *

Традиционное понимание методологии познания как внешнего порядка, общей схемы, налагаемых на любое содержание, заранее установленных правил, не применимо к творчеству, вырабатывающему собственные методы, правила в процессе самого познания в соответствии с содержанием предмета исследования.

* * *

Творчество – действующий разум является способом познания и конструирования существующего невидимого, несуществующего, всеобщего, опирающегося на накопленный опыт получения непосредственного знания.

* * *

Истина о праве познается правовым мышлением (фундаментальной наукой о праве), переводится на язык юридического мышления (прикладная наука о праве) теорией среднего уровня (теория государства и права, отдельных отраслевых юридических наук), конструирующей образы, модели, технологии, через которые истина о праве может становиться действительностью права.

* * *

Интуиция является ядром логики творчества, порождая образы, смыслы, знаки, через обобщение которых разум субъекта творчества свободно конструирует результат познавательных усилий, дает ему действительную жизнь.

* * *

Культура творчества, реализуемая в политизированных и идеологизированных формах – разновидностях общественной мифологии, порождает дискредитирующую ее антикультуру, на которую вынуждена работать гуманитарная наука.

* * *

Становление культуры творчества в юридической науке есть процесс формулирования, реализации и смены парадигм, оснований, методов, понятийного аппарата, моделей, конструкций и внешних форм, в которые воплощается эта смена.

* * *

«Стремление к позитивизации» естественного права, повысив авторитет позитивного права, обеспечив его трансформацию к правовому закону и правовому государству, всё же привело к принижению роли естественного права, которое само обладает свойством прямого действия, выражая развивающуюся природу содержания общественного человека, породило обслуживающее его познание, как-вым стала философия положительного права и ее наследница – теория государства и права.

* * *

Юриспруденция являлась «вечной служанкой» по своей социальной роли и «вечным позитивизмом» по своему исследовательскому потенциалу, методологически оставаясь «догматическим деспотизмом» (И. Кант), не поднимаясь выше скептицизма и плюрализма, сохраняющих многообразие в его непосредственности.

* * *

Юриспруденция по существу стала «гибридной», «разбухавшей» за счет механического заимствования компонентов фундаментального познания и мышления (идей, категорий, конструкций) из философии, социологии, психологии, естественных наук, тем самым делая невозможным саморазвитие как органического целого.

* * *

Стереотип – преаксиоматичное застывшее, остановленное, рассудочное знание, лишенное творческого потенциала, являющееся разновидностью превращенной формы истины о праве в мышлении и практическом действии, преодолевается в процессе творчества, через познание его односторонности и примитивности как инструмента познания.

* * *

Стереотипы, выстроенные в логически стройную систему, могут блокировать развитие научного знания. Поэтому отождествление юриспруденции и юридической науки делает возможным отождествление правового и юридического мышления и познания.

* * *

Становление культуры творчества неизбежно ведет к формированию новой научной, а, возможно и учебной дисциплины «правовой эврикологии» – науке о творчестве, созидании права, не являющейся абстрактной наукой о будущем права, а наукой о становлении культуры творчества в познании и конструировании действительного права.

* * *

Нормативность является ядром позитивизма, на котором держатся все его разновидности.

* * *

Право является символом новой жизни, выражающей не только физическую, но и природу свободного, разумного человека, не отождествляется с нормативной юридической системой, существовавшей с древности и существующей в настоящее время как символ порядка, возможного и без права.

* * *

Каждый человек естественно может создавать право, когда познает и действует свободно и разумно.

* * *

Каждый человек естественно может создавать неправо – видимость права, его превращенную форму, когда познает только рассудочно и действует произвольно.

* * *

В основе права – становление свободного и разумного человека (сила права).

* * *

В основе неправа – произвол, формирующий «порядок» («право» силы).

* * *

Позитивное право может быть видимостью, превращенной формой не только права, но и нравственности.

* * *

Право и неправо первичнее чем норма, являющаяся лишь инструментом действующей власти для обеспечения устанавливаемого ею порядка.

* * *

Различение фундаментальной (правоведение) и прикладной (юриспруденция) науки необходимо предшествует процедуре обобщения, которой познается их единство в целостной юридической науке.

Д. Ю. Шапсугов

Введение

В осмыслении истории юридической науки сложились устойчивые стереотипы и нерешенные проблемы, выделение и анализ которых необходим для более объективного рассмотрения ее истории как процесса их становления и преодоления, выявления ее развивающегося содержания, способов выражения, от нерасчлененных форм целостного юридического знания, через становление его внутренних компонентов, очевидность которых проявляется только тогда, когда оно достигает высокого уровня развития, обозначаемого в современной юридической науке как культура творчества в познании и осуществлении права. Этот трудный путь еще не до конца пройден. Остается еще много помех в виде утвердившихся устаревших стереотипов в понимании и познании права, без преодоления которых оказалось невозможным ни познание, ни действие подлинного права современности.

В научной литературе понятие «стереотип» анализируется преимущественно в аспекте социального поведения. Применительно к мышлению и познанию оно используется в концепте «шаблонного мышления», в том числе и применительно к традиционным методам познания, использование которых не дает нового знания, более того, тормозит его появление вследствие незамечаемой исчерпанности их потенциала.

В диссертационном исследовании А. В. Барахоевой анализируется проблема стереотипов правовых установок [1], дается определение. «Стереотип в праве – это относительно стабильное представление о праве и правовом явлении, основанное на сознательной или неосознанной частях правоведения, а также опыта правового поведения, проявляющейся как в системе правовых предписаний, так и в правовых установках» [1].

В настоящей статье это понятие применяется с учетом ее проблематики в несколько более развернутом значении, включающем: во-первых, предаксиоматический характер знания, которое не исключает возможности сомнений в его истинности, но не углубляется в них. Во-вторых, предпочитает использовать неизменяемые стандарты познания, дающие очищенные от творчества, застывшие результаты примитивного рассудочного, остановленного познания, применяемые как надежные инструменты познания. Стереотипы в познании являются в методологическом отношении частью метода, понимаемого как внешний порядок, общая схема мышления, накладываемая на любое содержание и дающая примитивное знание [2], не являющееся фундаментальным, но широко применяемого в прикладной науке. Следует обратить внимание на тот занимательный факт, что стереотипы имеют отношение не только к одной отдельно взятой теме, но составляя целостную систему научного, неизменного знания обуславливают ее «стабильность», препятствуют ее эффективному развитию, одновременно претендуя на статус истинной науки. Более того есть основания, как нам представляется, опасаться использования в процессах цифровизации преимущественно стереотипами, в силу их большей «технологичности», чем новое знание.

В связи с этим, можно отметить, что методология юриспруденции как прикладной науки о праве в силу придававшегося ей статуса представительницы всей юридической науки, конечно серьезно продвинулась в собственной методологии как прикладной науки, но многие ее представители вынуждены были постоянно обращать внимание на необходимость разработки фундаментальных проблем правового познания. В современной науке отсутствуют сколько-нибудь обоснованные выводы на этот счет, более того, во вполне фундаментальных научных работах прямо указывается на отсутствие разграничения в них юридического и правового мышления. При отсутствии анализа правового мышления их достаточно важное значение для юридической науки сохраняется за счет того, что в них основательно разрабатывается юриспруденция как прикладная наука о праве, либо в рамках этой науки обращается внимание и на ее фундаментальные аспекты¹.

С этой точки зрения к стереотипам можно отнести отождествление юридической науки и юриспруденции и вытекающее из него отождествление правового и юридического мышления, фундаментальной и прикладной науки о праве.

В курсах истории политических и правовых учений и источниках, на которые она опирается, содержится весьма богатый материал, позволяющий проследить становление юридической науки как особой разновидности научного знания. Однако имеющиеся исследования этой проблематики акцентируют внимание на их тождестве, либо «утопают» в широком диапазоне знаний, которые имеют отношение к юридической науке, но не позволяют выявить ее особенности, поскольку они «разбросаны» хронологически по всей истории юридического знания и не выделяют проблемные аспекты становления юридической науки.

Примером такой работы является фундаментальная работа Н. И. Азаркина «История юридической мысли в России» [5], в которой, к сожалению, не выделены вопросы становления

¹ См., например: [3; 4, с. 12].

именно юридической науки как специфического вида научного творчества, не проанализировано ключевое понятие «юридическая мысль», которая «растворена» в социальных, политических, экономических отношениях и политико-правовых концепциях, не являющихся строго говоря чисто юридическими. Достаточно обратить внимание на то, что понятие правды, справедливости, блага и любви им рассматриваются как юридические понятия. Признавая, что они отражают социальное содержание, на котором должна базироваться юридическая наука и право, все же нельзя считать их юридическими понятиями.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что названный труд Н. И. Азаркина является весьма содержательным источником для анализа процесса становления юридической науки.

Теоретические основы

Теоретическую основу авторского исследования составляет концепция культуры творчества в юридической науке, опирающаяся как на свое исходное основание – свободу мысли в познании права и свободу воли при его осуществлении, на учение о рассудке и разуме, критику стереотипов в познании, мышлении и действии права.

Обсуждение и результаты

Исходя из изложенного, представляется целесообразным предварительно и кратко отметить особенности предлагаемого подхода к исследованию процессов становления юридической науки, с акцентом на выявление компонентов культуры творчества возникавших и развивавшихся на разных этапах ее становления.

Обобщенно и предварительно говоря, речь идет о становлении общенаучных парадигм, на которые ориентировалась юридическая наука в процессе своего становления, формулирование ее собственных оснований научного познания, развитие категориального аппарата не только понимания, познания, но и реализации достигнутого знания в социальной практике. Именно эти вопросы представляются самыми важными при анализе процесса становления юридической науки.

Имеющиеся характеристики этапов ее развития как становления классической науки и возникшие уже XX – XXI веках и развиваемые до настоящего времени постклассические, неклассические, постнеклассические концепции лишь конкретизируют и уточняют преимущественно позитивистские подходы к исследованию права, не обращая внимания на основное ее разделение на фундаментальную и прикладную науку, характеризующие ее становление вплоть до развитого состояния любой науки, предполагающего такое разграничение в рамках своего единства. Истоки такого подхода можно найти в трудах выдающихся представителей философии, политической и правовой мысли.

Необходимость различения юриспруденции и науки была установлена еще Г. Гроцием, решившим «прийти на помощь юриспруденции, которой – служил и прежде, насколько мог... Многие до сих пор» – писал он – предпринимали попытки придать этой отрасли юриспруденции **научную форму** – (выделено авт. – Д. Ш.), но никто не смог сделать этого, да, по праву говоря, это и невозможно было выполнить иначе как тщательно **отделив** (выделено авт. – Д. Ш.) то, что возникает путем установления, от того, что вытекает из самой природы: на подобное обстоятельство до сей поры как раз и не было обращено внимание, ибо ведь то, что вытекает из природы вещей всегда пребывает тождественным самому себе и потому без труда может быть приведено в научную форму; то же, что возникло путем установления часто изменяется во времени и различно в разных местах, а потому и лишено какой-либо научной системы, подобно прочим понятиям о **единичных** вещах (выделено авт. – Д. Ш.) ... поэтому, если бы жрецы справедливости предприняли попытку изложить отдельно естественную, неизменную часть юриспруденции, выделив то, что имеет источником свободную волю; если бы один из них учение о законах, другой о податях, третий о должностях судей, четвертый об истолковании, пятый о достоверности фактических документов, то из собрания всех частей могла бы получиться стройная система» [6].

С этой точки зрения критика естественного права представителями исторической школы права все же имела, как нам представляется, существенный изъян, состоявший в том, что установив значение «Духа народа» как источника действительного права, они, его познание искали в позитивном праве, необоснованно отвергнув основную идею естественного права как права природы человека, делающего его поэтому естественным. Естественное право является не просто требованием разума, а существующим исходным правом прямого действия, источником позитивного права.

Кроме того, понимание естественного права исторически не оставалось неизменным и нуждается в более детальном исследовании. Так, не имеют пока «широкого хождения» в научной литературе взгляды Г. Гроция, одного из основателей естественно-правовой концепции, остаются едва ли не забытыми. Между тем, его взгляды на естественное право очень четко определяют естественное право как **право природы** человека наравне с установленным правом, что остается не принятым во внимание до сих пор, в отличие от **устанавливаемого** права, в том числе и государством.

«Источник права, – подчеркивает Г. Гроций, – не следует искать нигде кроме самого Юпитера, и что по имени последнего, по всей вероятности, у латинян дано название самому праву» [7, с. 10]. В этом положении подчеркивается божественное происхождение и содержание права природы, с точки зрения которой «похищение» влюбленным Юпитером Европы, дочери финикийского царя, можно рассматривать как реализацию нового безусловного естественного права – права любви, свойственного только божественному существу, разумеется, в аллегорической форме.

Неслучайно в современной научной литературе высказывается предположение о «новом издании» концепции естественного права, или, если угодно, естественно-правовой Конституции человека», считая гениальной догадкой, что права человека основаны на природе человека [8–9].

Еще Гегель разграничивал науку положительного права, не являющуюся подлинной наукой о праве и подлинную науку о праве, которую он видел в философии права. Можно обратить внимание на известное разграничение видимого (позитивного) права и невидимого (истинного) права, представляющего собой Дух народа, которое обосновывали представители исторической школы права, в особенности, К.Ф. фон, Савиньи и Г. Пухта.

При желании это разграничение можно возвести и к концепции справедливости как основы государства у Платона, не обнаруживаемой им в эмпирически существующих государствах, и пребывающий в идеальном государстве переход к которому оказывается возможным при жестком соблюдении выделяемых им конкретных практических условий. В его методологии это различие четко зафиксировано как познание того, что есть (эмпирическое государство, закон) и того, что должно быть (идеальное государство).

Но дело не только в том, что такое разграничение юридической науки исторически существовало. Решающим является то, что до сих пор это разграничение не обосновано должным образом, вследствие чего не определяется четко предмет исследований в фундаментальной и прикладной науке о праве, не выяснено их взаимодействие в рамках единства, более того, отсутствие их разграничения приводит к их тождеству, что, очевидно, резко снижает возможности их эффективного применения в интересах развивающихся личности, общества, государства на основе известного принципа, сформулированного И. Кантом: «Разум един, но различные способы его применения».

В современной науке это различие игнорируется как минимум в двух формах: отождествление правового и юридического мышления, отождествление фундаментальной части юридической науки, которую условно можно рассматривать «правоведением» и юриспруденции исторически развивавшейся как прикладная наука о праве, считавшаяся юридической наукой в ее целостности.

На первый взгляд, такие отождествления кажутся вполне допустимыми, не существенными, но за ним стоят не различие понимания права и его познания, включая их методологию, смешение предмета познания, создающие возможности неэффективности юридической науки, создание в ней **дефектного монизма**, оставляющего за собой, если угодно, хаос в юридическом знании с которым не в состоянии справиться никакая синергетика.

В отношении других развитых отраслей наук такое разграничение не только не вызывает сомнений, но является необходимым условием их целостного развития. Можно ли себе представить современные естественные науки, в которых не различались фундаментальные и прикладные аспекты их развития, но в юридической науке оно остается недостаточно осознанным. Разграничение фундаментальной и прикладной юридической науки является способом обоснования их единства в целостной юридической науке, в качестве которого выступает познание сущности, истины о праве (фундаментальной), которая реализуется в существующее, практику жизни, через формулирование прикладного знания о праве, на основе которого начинается практическое конструирование и изменение мира права человека. Здесь можно отметить идею универсальной правовой структуры, выдвинутую Н. Н. Алексеевым [10], которая в контексте развиваемой мысли выглядит как поиск такого основания. Сам Н. Н. Алексеев пришел к этой идее на волне обоснованной критики правового эмоционализма и рационализма, не дающих, по его мнению, достоверного знания о праве. Его правовая структура выступала аналогом универсального знания о праве, которое может стать исходным пунктом практического создания подлинного права, постоянно воплощающего эту структуру.

Однако эта структура не представляла идеи единства фундаментального и прикладного подходов к познанию и созиданию права, перехода от одного к другому. Внешне она выглядела как произвольно сконструированный, но тем не менее, верный источник развития, подходящий для всех этапов развития права, это был некий универсальный эталон феномена права, результат преимущественно интуитивного прозрения, ценность которого состояла в том, что предлагалась некая матрица для выделения права как особенного феномена, не совпадающего с единичным и всеобщим как критерий правового, отличающий его от всего не правового, универсально зафиксированного в единстве компонентов правовой структуры.

Существующее некоторое время отождествление теории государства и права с фундаментальной наукой о праве, не было основано ни на истории возникновения этой науки, ни на определении ее действительного места в познании и преобразовании права, не говоря уже о том, что уже показала свою несостоятельность ее основная парадигма. Сегодня приходится принимать во внимание отсутствие такой дисциплины в правовом знании и системе образования, существующих во многих развитых государствах современного мира, что свидетельствует о неопределенности ее действительного места в современном юридическом знании. К тому же, даже в отечественной литературе представители отраслевых юридических наук высказывают сомнение в целесообразности ее искусственного существования.

Остановимся несколько конкретнее на понятиях «юриспруденция», «энциклопедия права», «энциклопедия законоведения», «правоведение», «наука положительного права», «философия положительного права», «философия права», «теория государства и права», отождествлявшихся либо с юриспруденцией, либо с юридической наукой на разных этапах ее становления.

Как видно из приведенного перечня, в нем нет вообще понятия о фундаментальной и прикладной науке о праве, как особенных разновидностях знания, на основе которого создается и развивается законодательство, практика его применения во всех существующих ее разновидностях. В истории юридической науки можно найти очень много исторических фактов, свидетельствующих о том, что она начинала свое существование и развивалась именно как прикладная наука, названная юриспруденцией (в самой этимологии слова отмечается ее направленность на практику), отождествленной с юридической наукой в целом в условиях, когда юридическое знание в иных научных формах не существовало. Возникнув как юриспруденция, она существовала много веков как единственная представительница

этого рода знания. И лишь с возникновением концепций естественного права в исследованиях позитивного права, законодательства был остро поставлен вопрос о фундаментальной правовой концепции, способной познать сущность права, которую, как утверждается, в предельно абстрактной форме, только как требование человеческого разума, поставила естественно-правовая концепция.

Здесь можно выделить новое направление в развитии юридической науки возникшее в условиях господства позитивизма, задачей которого было познание сущности права, реализовавшееся через основные положения концепции естественного права, исторической школы права к философии права в их различных вариантах, означавших становление фундаментального знания о праве его истине – сущности). Другое направление четко обозначенное в научной литературе как «стремление к позитивизации» естественного права, предполагало и осуществлялось путем его «внедрения» в положительное право (действующее законодательство) и практику ее применения, что призвано было обеспечить реализацию естественного права через позитивное, с опорой на государственное принуждение.

Это «стремление к позитивизации» привело к тому, что государству было передано право определять, что является таковым, тем самым естественное, природное право человека, стало правом государства, ярким примером подобного рода развития истории юридической науки является знаменитый курс естественного права проф. А. П. Куницына, читавшийся им в Царскосельском лицее и опубликованный в 1818 г. в Санкт-Петербурге [11]. В первой части этого курса предлагалось собственное содержание естественного права. В остальных его частях было реализовано «стремление к позитивизации» его в государственном законодательстве. Российские власти того времени не одобрили не только первую часть, но и остальные его части, а автор этого первого курса естественного права был лишен права его дальнейшего преподавания.

В XIX веке философия права утвердилась в России как философская наука о праве, особенно благодаря усилиям выдающегося ученого-юриста, профессора Б.Н. Чичерина [12]. Как нам представляется, его концепция философии права была наиболее обоснованной, увязанной с социальной практикой, свидетельством чего является первое формулирование общего закона развития правовой мысли. Это была весьма серьезная попытка овладеть «ведением права», получившем свое воплощение впоследствии в понятии «правоведение». Все это время юриспруденция как прикладная наука о праве интенсивно развивалась как энциклопедия права и законоведения, частично тяготея к философии права, авторитетом которой нельзя было пренебречь, но взять ее полностью на вооружение в рамках позитивизма не представлялось возможным. Выходом стала разработка философии положительного права – одной из первых попыток использовать категории – философия, социология, вкладывая в них юридическое содержание. Эти попытки, основанные на нарушении адекватности в соотношении содержания и формы понятия о праве, продолжались и в советской юридической науке [13–14], в том числе и в целом ряде работ под названием «Философия права».

Развитие юриспруденции в этот период ознаменовалось рядом работ по энциклопедии права, законоведению как прикладному юридическому знанию, получило практическую поддержку, (толчок) в связи с огромной работой по систематизации российского законодательства, проводившееся под руководством М.М. Сперанского. Императором России было принято решение об обучении юриспруденции студентов, непосредственно участвовавших в практической работе по систематизации законодательства, направлявшихся по окончании учебы в Европу для продолжения обучения в европейских вузах. Впоследствии они стали выдающимися учеными-юристами России. Расширившаяся в дальнейшем такая практика оказалась основой для формирования элиты в юридической науке России, которая достаточно быстро вывела ее не только на усвоение содержания юридической науки других стран, но создала возможности ее научной критики и появления оригинальных направлений, сделавших очевидным существование самостоятельной юридической науки (правоведения, юриспруденции в их единстве) в России.

Как отмечает Н.И. Азаркин, «Вплоть до начала XVIII века в русской юриспруденции господствовало религиозное мировоззрение, а развивающаяся наука о справедливости избирала компромиссные по отношению к богословию формы учения о раздельном познании истин божественных и человеческих. Служебную роль выполняла и юриспруденция, развитие которой проходило в основном за счет ассимиляции русского обычного права с христианскими концепциями» [5, с. 123].

Светская наука и образование, начало которым положил Петр I, стали исходным началом для становления светской юриспруденции.

Важным показателем становления научного знания в юриспруденции стало формирование профессионального юридического языка. Точка отсчета для его возникновения в России может быть обозначена утверждением первого профессора права в России С. Е. Десницкого о том, что до конца XVIII века в России применялся природный язык, не являвшийся профессиональным юридическим языком.

«Удивительно, писал С. Е. Десницкий, – в России до сих времен никакого почти старания к отечественной юриспруденции прилагается не было Все законодательство писалось на природном языке» [15]. Только в 1773 г. на юридическом факультете МГУ открыта кафедра русского законоведения. Характерна и предложенная им (С. Е. Десницким) общая система преподавания юриспруденции в России: нравоучительная философия; естественная (натуральная) юриспруденция; римское право; Российское право. Следует отметить, первая кафедра называлась кафедрой законоведения, а не права на что потребовалось разрешение самой Екатерины II – А само преподавание на русском языке началось 15 января 1768 г., т.е. спустя 13 лет после открытия Московского университета. Само слово «право», по мнению М. М. Сперанского, широко понималось в двух смыслах: в смысле закона и в смысле власти. В первом смысле, отмечал М. М. Сперанский, употребление его русскому языку *не свойственно*, – (выделено авт. – Д. Ш.). Во втором смысле оно не отождествлялось с властью, означало способность обладать властью в смысле «править» [16, с. 22–24].

Уже в начале XIX в. К. А. Невוליным была предложена новая структура законоведения. Можно допустить, что на этом этапе становления юридической науки в России, после систематизации законодательства под руководством М. М. Сперанского, или в связи с ее проведением, энциклопедия права фактически отождествлялась с энциклопедией законоведения, о чем свидетельствует продолжавшееся достаточно уверенное продвижение к формированию общей теории государства и права, включенной в действовавших в вузах программы обучения студентов-юристов. В этот период чрезвычайную актуальность приобрела концепция единства теоретико-правового знания, предложенная в выдающейся работе К. А. Невוליной «Энциклопедия законоведения», изданной в 1839–1840 гг. [17]. Первая часть этой работы стала рассматриваться впоследствии как первое изложение теории права, опирающееся на историю политических и правовых учений, историю государства и права зарубежных стран, историю права России.

Здесь мы имеем полный цикл дисциплин, вошедших в программу обучения по юриспруденции, действующей до сих пор. Предложенная К.А. Невוליным структура юридического образования положила начало бурному развитию как теоретических, так и историко-правовых исследований, интенсивно развивавшихся весь XIX век и начало XX века.

Можно отметить подготовленные и изданные курсы по истории политических и правовых учений: 5-томный курс Б. Н. Чичерина, исследования и учебники по истории русского права, истории государства и права зарубежных стран, энциклопедия права Н. Н. Палиенко и другие выдающиеся научные труды ученых-юристов этого времени. Впоследствии Ф. В. Тарановским была обоснована необходимость преподавания общей теории государства и права и издан, насколько мы можем судить, первый учебник по этой дисциплине [18].

Эти бесспорные достижения дореволюционной политико-правовой мысли, как известно, сначала были отвергнуты после Октябрьской революции 1917 г. Тем не менее, важно отметить замечание Н. М. Коркунова: «Создать из энциклопедии науку наук, которая была бы

вместе с тем и самостоятельной, особой наукой и обнимала бы собой содержание всех отдельных наук, оказалась невозможным» [19]. Это замечание, как нам представляется, вполне относимо и к энциклопедии законоведения и другим промежуточным научным дисциплинам, возникшим в тот период претендовавшим на статус «венца» юридической науки.

Термины «правоведение», «законоведение», «юриспруденция», «юридическая наука», отражая разные аспекты становления последней, как правило, отождествлялись с ней, выражая процесс ее становления в его реальном многообразии, отражая преобладание стоящего за ними знания в тот или иной период его развития. Это и есть становление юридической науки, не сводящееся ни к одной из названных дисциплин, но выражающее их взаимодействие в последовательно развивающемся знании о праве в целом.

Стержневой идеей, позволяющей выделить его (взаимодействие), является парадигма культуры творчества, пронизывающая все этапы ее становления, отслеживающая ее особенности, на этих этапах, «вырастающая» в процессе применения сменяющихся общенаучных парадигм, оснований и понятий, определяющих содержание юридической науки, формы существования и применения ее результатов в социальной практике. Сказанное относится и к возникавшим и преодолевавшимся стереотипам в познании и действии права.

От способов натуралистического изучения и понимания политико-правовых явлений, через здравый смысл и рассудочное мышление, способные дать только непосредственное знание о государстве и праве, не постигающее их сущности, из-за ограниченности оснований, терминов и рассудочных определений, обуславливающих его содержание, **к способам** мышления, являющимся особым выражением свободы мысли, историческая необходимость в которых уже назрела. В этот период юридическая наука вполне развивается как юриспруденция в рамках науки о положительном праве. Правоведение здесь существует в формах концепции естественного права, исторической школы права и философии права, которые не отменяются а «сосуществуют» с концепцией философии положительного права и завершающей ее существование общей теорией государства и права. До этого, как отмечается в научной литературе, отсутствие теории права возмещалось (компенсировалось) изучением римского права, «общих, логических форм, общих логических понятий и слов».

Опора на Римское право в формировании юридического знания в обществе и государства западно-европейского типа, закладке основ юриспруденции сейчас вряд ли вызывает какие-то сомнения. Об этом свидетельствует тот факт, что до сих пор обязательной дисциплиной, изучаемой в юридических учебных заведениях является «Римское право», наряду с историей государства и права зарубежных стран. Вместе с тем, огромное число народов и государств не западного мира вовсе не знало его. Однако, ограниченность римского права, самого по себе, переставшего развиваться при таком его применении, выявились и в западно-европейских странах. Исторический, осознанный, вызов ему сделала «историческая школа права», представители которой Ф. К. фон Савиньи и Г. Пухта были признанными, выдающимися знатоками римского права. Вывод этот состоял в том, что, по их мнению, подлинным источником права является дух народа, проявляющийся в создаваемом с его участием законодательстве. Это положило начало познанию национального права, становлению истории права конкретных народов.

Эта идея означала необходимость формирования народного, а затем, национального законодательства, что было новым словом в развитии юридического знания, глубоко преобразовывавшем его содержание. И хотя римское право оказывало влияние на формирование нового законодательства, но его главным источником становилось обычное право каждого народа и последующее развивающее его законодательство, которое и стало называться «национальным правом». Теоретической формой осознания этого изменения стала предложенная Г. Пухтой конструкция видимого и невидимого права [20], в соответствии с которой видимостью права становилась и римское право, и национальное законодательство (ставшее называться «положительным правом»), если его источником, проникающим в его содержание, не является Дух народа, являющийся невидимым, но действительным правом, отыскание

которого в позитивном праве, стало означать нахождение настоящего, а не видимого права. Это понятие – великое открытие исторической школы права, однако оно не было оценено надлежащим образом по причине непредъявимости Духа народа и реальной предъявимости законодательства, которое и названо было «правом» на данном этапе его познания.

Одновременно это было и «восстанием» против абсолютного господства римского права в юриспруденции, практике того времени, как раз игнорировавшей народные (национальные) корни законодательства любого народа и тормозившие правовое развитие каждого народа. Различение видимого (существующего положительного) и невидимого (Духа народа) становилось основной парадигмой познания права, способной преодолеть «узкий горизонт» понимания «уже» существующего положительного права как единственно возможного.

Заслуга К. Ф. фон Савиньи и Г. Пухты состояла в указании на то, что необходимо создать новое знание о праве, приступить к решению вопроса о поиске сущности права, которая позитивизмом и стараниями сторонников господства римского права рассматривалась как уже воплощенная, существующая в действующем позитивном законодательстве.

Здесь мы имеем дело уже не просто с требованиями разума, обращавшими внимания на отсутствие действительного права в существующем законодательстве, но прямое изучение его источника, «Духа народа», рассматриваемого как хотя и невидимый но подлинный источник права, которое **необходимо научиться познавать**. Тем самым поставлено под сомнение, найдена «ахиллесова пята» в позитивистской концепции права, представители которой уже вынуждены были искать правовую реальность не только в текстах нормативных актов, но, в частности, в интересах людей, борьбе интересов, провозглашенных Р. Иерингом [21–22] в качестве источника правового развития. Это объяснение стало господствующим на долгие годы и вполне соответствующим возникшей впоследствии, в условиях советской власти, концепции классовой сущности права, продлившей господство позитивизма еще на длительный срок.

Возникшая вслед за изданием сочинений Р. Иеринга критика этой разновидности позитивизма (С. Пахман) не имела серьезных практических последствий. Заслуга представителей новой волны позитивизма состояла в четком формулировании задачи юриспруденции – подведение практических действий людей под юридические нормы, их закрепление, толкование и осуществление. Это определение задачи позитивизма, общего для всех его разновидностей, было формулированием исторического содержания юриспруденции как прикладной науки о праве. И именно это обстоятельство обеспечивало и обеспечивает вечную жизнь позитивизму. Позитивизм тем самым объявляет найденным и познанным навсегда, единственно существующим законодательство, названное положительным правом.

Таким образом, история юриспруденции как постоянно необходимой человечеству прикладной науки о праве, вполне прослеживается от Римского права к науке положительного права включавший в себя большое число разновидностей, в том числе и в современных условиях, под разными актуальными названиями классических, постклассических, постнеклассических концепций (правовой реализм, правовой плюрализм, интегративная, социалистическая концепция права), постоянно своими средствами предлагают решать сформулированную выше общую задачу позитивизма.

Попытка соединения фундаментальной и прикладной науки через философию положительного права, политику и идеологию не удалось из-за преимущественного прикладного характера юриспруденции, которая «хотела» оставаясь прикладной наукой вобрать в себя философию права, породив только общую теорию права. Эта попытка не учитывала различия мышления и познания в фундаментальной и прикладной науке, что способствовало принижению самостоятельной роли фундаментальной составляющей юридической науки. Тем не менее, необходимые первые предпосылки для дальнейшего развития юридической науки, создания новой научной дисциплины – науки о творчестве права, которую условно можно назвать «правовой эврикологией», были созданы. Серьезный материал для ее становления уже накоплен во многих научных трудах ученых-юристов¹.

¹ См., например: [5; 23; 24].

Заключение

Становление юридической науки исторически происходило как становление юриспруденции всегда остававшейся прикладной наукой о праве, окончательное оформление получившее в позитивизме в исторически изменяющихся формах.

Фундаментальная юридическая наука фрагментарно присутствовала в юриспруденции, начала формироваться с возникновением концепции естественного права, через историческую школу права к философии права. Сложившаяся обособленность и даже противостояние, выражавшееся в жесткой взаимной критике представителей обоих направлений не давало возможности обнаружить их единство.

В юридической науке XIX–XX веков происходит медленный сложный синтез фундаментальной и прикладной юридической науки, начавшийся со «стремления к позитивизации» естественного права, понимаемого как включение в положительное право главных оснований естественного права в виде свободы и прав человека, это еще сохраняет приоритет позитивного права перед естественным, но обнаруживает отсутствие фундаментальности позитивной науки о праве, понимаемой как отсутствие подлинного ответа на вопрос о том, как может и должно быть познано право, на который дает ответ философия права. Характерно, что возникает концепция возрожденного естественного права в виде философии положительного права, призванной заменить классическую философию права, сохранив значимость позитивного права [25]. Неудавшийся эксперимент по этой замене, с одной стороны, приводит к поспешному формированию общей теории государства и права [18], с другой стороны вызывает необходимость в исследовании философских, социологических, психологических, культурологических проблем права, через которые предпринимается попытка наполнения категорий этих наук юридическим содержанием, в том числе и в советское время.

Противоположность между фундаментальной и прикладной науками о праве сохраняется, не отменяя попыток нахождения их единства, несколько смягчаясь резким ростом исследований по общей теории государства и права, теоретических частей отраслевых юридических наук.

Наступает этап, когда становится понятным, что единство фундаментальной (правоведение) и прикладной (юриспруденция) может быть раскрыто через выявление и исследование главного общего свойства этих наук культуры творчества, поднимающих создаваемую наукой систему знаний, над уровнем обыденности.

Проведенные исследования проблематики культуры творчества в юридической науке позволяют сделать вывод, что современная юридическая наука состоит из фундаментальной (правоведение) и прикладной (юриспруденция) науки, что необходимо различать правовое и юридическое мышление и познание, направленное на установление их единства, что новой парадигмой юридической науки становится культура творчества, из которой необходимо вывести ее основания и понятийный аппарат.

Установлена созданность первых предпосылок для дальнейшего развития юридической науки, которую можно назвать правовой эврикологией предметом которой станет накопленный опыт открытий в юридической науке, создании правовых конструкций правовой действительности и направлений поиска оптимальных актуализирующихся способов познания и действия развивающегося права. Это будет наука о творчестве в мышлении, познании и действии права в их единстве.

Содержание статьи кратко представлено в прилагаемой к ней примерной схеме *процесса становления юридической науки как истории творчества ее субъектов, формирования и смены научных парадигм, оснований, понятийного аппарата, концепций и стереотипов* (см. рис. 1).

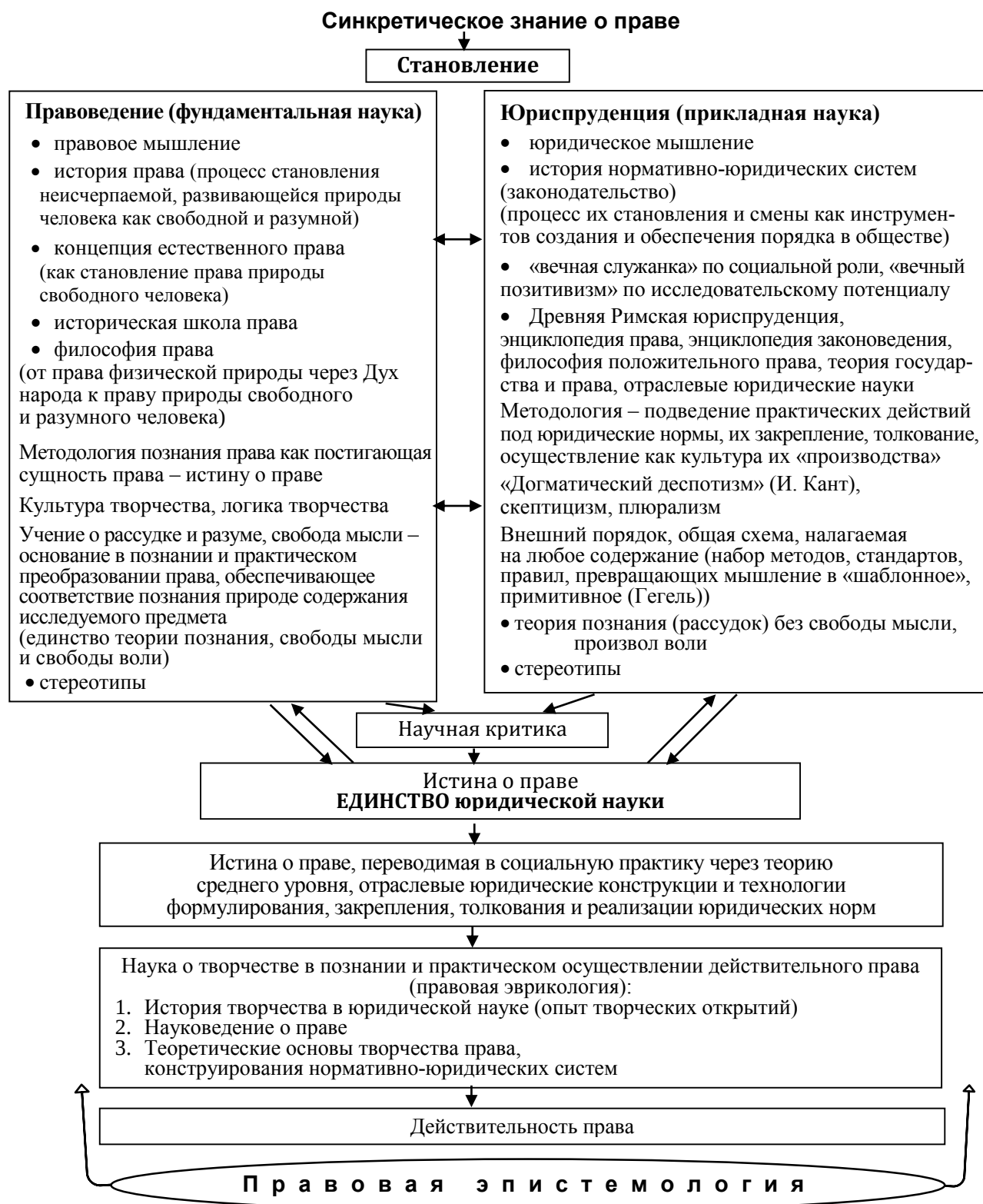

Рис. 1. Примерная схема процесса становления юридической науки как история творчества ее субъектов, формирования и смены научных парадигм, оснований, понятийного аппарата, концепций и стереотипов*

Fig. 1. An approximate diagram of the process of formation of legal science as the history of creativity of its subjects, the formation and change of scientific paradigms, foundations, conceptual apparatus, concepts and stereotypes.

* Составлено автором (Д. Ю. Шапсуговым).

Список источников

1. Барахоева А. Р. Стереотипы правовых установок : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. [Место защиты: Нижегор. акад. МВД России]. Нижний Новгород, 2010. – 179 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права [Пер. с нем.] [Авт. вступ. ст., с. 3-43, и примеч. В. С. Нерсесянц]; АН СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Боруленков Ю. П. Юридическое познание: некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты: монография; под науч. ред. В. Н. Карташова. М.: Юрлитинформ, 2014. – 391 с.
4. Овчинников А. И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ: монография; отв. ред. П. П. Баранов; Рост. гос. ун-т. - Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 341 с.
5. Азаркин Н. М. История юридической мысли России : Курс лекций. М.: Юрид. лит., 1999. – 526 с.
6. Шапсугов Д.Ю. Проблемы становления культуры творчества в юриспруденции России. Монография. Ч. I. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2024. – 244 с.
7. Гроций Г. О праве войны и мире. М.: Издательство АСТ ОГИЗ, 2023. – 912 с.
8. Зорькин В. Д. Сон права порождает произвол // Российская газета. 2010. № 6.
9. Куницын А. С. Профессор А.С. Яценко как поборник естественного права и «всемирный реформатор» // Русский журнал правовых исследований. 2018. Том 5. № 2. С. 210–218. EDN: VASDYS.
10. Алексеев Н. Н. Основы философии права; [вступ. ст. А. П. Альбова и др.]. СПб.: Юридический ин-т, 1998. – 215 с.
11. Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818. – 135 с.
12. Чичерин Б. Н. Философия права. М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 336 с.
13. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М.: ИНФРА-М, 2021. 472 с.
14. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: ИНФРА-М, 2022. 336 с.
15. Десницкий С. В. Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции. Публичная лекция. 8 мая 1768 г. М., 1768. 51 с. http://az.lib.ru/d/desnickij_s_e/text_1768_slovo_o_pryamom.shtml
16. Сперанский М. М. «Право есть власть, основанная на правде» (Неопубликованные юридические труды). /Сост. и ред. К.П. Краковский. М.: Статут, 2023.
17. Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. Т. 1–2. Киев: Унив. тип., 1839–1840.
18. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям. Издание третье. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2001. 552 с.
19. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — Изд. 8-е (без измен.). СПб.: [Н. К. Мартынов], 1909. 354 с.
20. Немецкая историческая школа права. М.: Социум, 2020. 526 с.
21. Иеринг Р. Борьба за право. Избранные труды в 2-х томах. Т. 1. СПб., 2006. 618 с.
22. Горбань В. С. Концепция борьбы за право Р. Иеринга // Право и политика. 2017. № 3. С. 1–14. EDN: YIUESF. <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2017.3.21770>
23. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII – XX веков. Очерки жизни и творчества. В 3-х томах. М., 2015.
24. Юриспруденция 21 века: горизонты развития: очерки / Под ред. Р. А. Ромашова и Н.С. Нижника. СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД РФ., 2006. 657 с.
25. Горбань В. С. Проблема «философии права» в понимании Р. Штаммлера // Политика и общество. 2017. № 10. С. 10–27. EDN: ZRCABJ

References

1. Barakhoeva A. R. *Stereotypes of legal attitudes* dissertation ... Candidate of Law Sciences. Nizhny Novgorod; 2010. 179 p. (In Russ.)
2. Hegel G. V. F. *Philosophy of law*. Moscow: Mysl, 1990. 524 p. (In Russ.)
3. Borulenkoy Yu. P. *Legal cognition: some methodological, theoretical and praxeological aspects*: monograph; edited by V. N. Kartashov. Moscow: Yurlitinform; 2014. 391 p. (In Russ.)
4. Ovchinnikov A. I. *Legal thinking: theoretical and methodological analysis*: monograph; ed. by P. P. Baranov; Russian State University. Rostov-on-Don; 2003. 341 p. (In Russ.)

5. Azarkin N. M. *The history of the legal thought of Russia : A course of lectures*. Moscow: Jurid. lit.; 1999. 526 p. (In Russ.)
6. Shapsugov D. Yu. *Problems of the formation of a culture of creativity in Russian jurisprudence*. Monograph. Part. I. Rostov-on-Don; 2024. 244 p. (In Russ.)
7. Grotius G. *On the law of war and peace*. Moscow: AST OGIZ Publishing House; 2023. 912 p. (In Russ.)
8. Zorkin V. D. The dream of law generates arbitrariness. *Rossiyskaya gazeta*. 2010;(6). (In Russ.)
9. Kunitsyn A. S. Professor A.S. Yashchenko as a champion of natural law and a "global reformer". *Russian Journal of Legal Studies*. 2018;5(2):210–218. (In Russ.)
10. Alekseev N. N. *Fundamentals of the philosophy of law*. St. Petersburg: Law Institute; 1998. 215 p. (In Russ.)
11. Kunitsyn A. P. *Natural law*. St. Petersburg; 1818. 135 p. (In Russ.)
12. Chicherin B. N. *Philosophy of law*. Moscow; 1900. 336 p. (In Russ.)
13. Kerimov D. A. *Philosophical problems of law*. Moscow: INFRA-M; 2021. 472 p. (In Russ.)
14. Kerimov D. A. *Philosophical foundations of political and legal research*. Moscow: INFRA-M; 2022. 336 p. (In Russ.)
15. Desnitskiy S. V. *A word about the direct and closest way to study jurisprudence. Public lecture*. May 8, 1768, Moscow, 1768. 51 p. (In Russ.). Available from: http://az.lib.ru/d/desnickij_s_e/text_1768_slovo_o_pryamom.shtml
16. Speransky M. M. *"Law is a power based on truth" (Unpublished legal works)*. Comp. and ed. by K.P. Kravkovsky. Moscow: Statute; 2023. (In Russ.)
17. Nevolin K. A. *Encyclopedia of jurisprudence*. Vol. 1-2. Kiev; 1839-1840. (In Russ.)
18. Taranovskiy F. V. *Encyclopedia of Law : A textbook for university students studying law. specialties*. Third edition. St. Petersburg; 2001. 552 p. (In Russ.)
19. Korkunov N. M. *Lectures on the general theory of law*. 8th Ed. (without changes). St. Petersburg; 1909. 354 p. (In Russ.)
20. *German Historical School of Law*. Moscow: Socium, 2020. 526 p. (In Russ.)
21. Iering R. *The struggle for the right*. Selected works in 2 volumes. Vol. 1. St. Petersburg, 2006. 618 p. (In Russ.)
22. Gorban V. S. The concept of the struggle for the right of R. Iering. *Law and politics*. 2017;(3):1-14. EDN YIUESF. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2017.3.21770>
23. Tomsinov V. A. *Russian jurists of the XVIII – XX centuries. Essays on life and creativity*. In 3 volumes. Moscow; 2015. (In Russ.)
24. *Jurisprudence of the 21st century: horizons of development: essays*. Edited by R. A. Romashov and N. S. Nizhnik. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2006. 657 p. (In Russ.)
25. Gorban V. S. The problem of "philosophy of law" in the understanding of R. Shtammler. *Politics and Society*. 2017;(10):10–27. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Professor, Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-27-43>

EDN YYKEGI

Об особенностях правового регулирования имущественных отношений в Северном Азербайджане в период российского владычества

Хайям Джабраил оглы Исмаилов

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан, хаууам-ismail@mail.ru

Аннотация

Введение. В начале XIX столетия раскол Азербайджана на две части и утрата независимости азербайджанской государственности привели к ощутимым переменам во всех сферах общественно-политической, социально-экономической и правовой жизни страны. Эти изменения частично сопровождались проведением своеобразной экономической политики Российской империи на территории Северного Азербайджана и принятием соответствующих законов в данной области. Регулирование имущественных отношений исламскими правовыми нормами было практически сведено к минимуму, поскольку эти вопросы целиком находились в ведении имперских законов. В этот период основными направлениями нормативного регулирования имущественных отношений на Южном Кавказе становятся вопросы землевладения (в том числе пользование и владение нефтеносными землями), водопользования, права собственности на хозяйственный инвентарь, а также арендные отношения.

Цель. Представленные в данной статье сведения об отношениях собственности, существовавших в рассматриваемый период, в основном взяты из архивных материалов и нормативно-правовых источников, анализ которых является целью данной статьи. Здесь, наряду с рассмотрением характерных особенностей имущественных отношений (в частности, в сфере землевладения и землепользования), уделяется большое внимание и специфическим особенностям правового регулирования со стороны имперских властей и отношений собственности на полезные ископаемые (нефть).

Методы и результаты. Исследование вопросов, связанных с правовым регулированием имущественных отношений в Азербайджане в рассматриваемый период имеет важное значение с точки зрения выяснения и учета исторических социально-экономических и правовых предпосылок совершенствования законодательной базы этих отношений на современном этапе.

С помощью различных методологических средств и способов, в частности методов историко-правового, сравнительно-правового и документального анализа был сделан **вывод** о том, что вопросы собственности и имущественные отношения в Азербайджане по сравнению с предыдущими временами в период правления Российской империи претерпели колоссальные изменения в результате принятия многочисленных законодательных актов, устанавливавших новые правила владения, пользования и отчуждения различных видов собственности.

Ключевые слова: арендная плата, водопользование, договор аренды, земельная собственность, имущественные отношения, особенности владения и пользования нефтеносными землями, право собственности, правовое регулирование, принцип акцессии

Для цитирования: Исмаилов Х. Дж. Об особенностях правового регулирования имущественных отношений в Северном Азербайджане в период российского владычества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 27–43. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-27-43>. EDN YYKEGI

On the features of legal regulation of property relations in Northern Azerbaijan during the period of Russian rule

Khayyam J. Ismayilov

Baku State University, Baku, Azerbaijan, xayyam-ismail@mail.ru

Abstract

Introduction. At the beginning of the 19th century, the split of Azerbaijan into two parts and the loss of independence of the Azerbaijani statehood led to tangible changes in all spheres of socio-political, socio-economic and legal life of the country. These changes were partially accompanied by the implementation of a peculiar economic policy of the Russian Empire in the territory of Northern Azerbaijan and the adoption of relevant laws in this area. The regulation of property relations by Islamic legal norms was practically minimized, since these issues were entirely under the jurisdiction of imperial laws. During this period, the main areas of regulatory regulation of property relations in the South Caucasus were issues of land ownership (including the use and ownership of oil-bearing lands), water use, ownership of household equipment, as well as lease relations.

Purpose. The information presented in this article about property relations that existed during the period under review is mainly taken from archival materials and regulatory sources, the analysis of which is the purpose of this article. Here, along with the consideration of the characteristic features of property relations (in particular, in the field of land ownership and land use), great attention is paid to the specific features of legal regulation by the imperial authorities and ownership of minerals (oil).

Methods and results. The study of issues related to the legal regulation of property relations in Azerbaijan during the period under review is important from the point of view of clarifying and taking into account the historical socio-economic and legal prerequisites for improving the legislative framework of these relations at the present stage. With the help of various methodological tools and methods, in particular, methods of historical, legal, comparative, and documentary analysis, **it was concluded** that property issues and property relations in Azerbaijan, compared with previous times, underwent tremendous changes during the reign of the Russian Empire as a result of the adoption of numerous legislative acts establishing new ownership rules. use and alienation of various types of property.

Keywords: property relations, property rights, legal regulation, land ownership, water ownership, lease agreement, features of ownership and use of oil-bearing lands, rental fee, principle of accession

For citation: Ismayilov Kh. J. On the features of legal regulation of property relations in Northern Azerbaijan during the period of Russian rule. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):27–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-27-43>. EDN YYKEGI

Введение

Заключенные в результате русско-иранской и русско-турецкой войн Гюлистанский (1813), Туркманчайский (1828) и Эдирненский (1829) договоры привели к известному разделу территорий Азербайджана. Помимо изменений административно-правовой системы в Северном Азербайджане, вошедшем в состав России, произошли и радикальные изменения в социально-экономической сфере, которые проводились, прежде всего, с учетом интересов империи.

Право собственности и имущественные отношения, охватываемые не только гражданским правом, но и сферами трудового, природоресурсного, аграрного права, были одними из важнейших вопросов в XIX в., требовавших самого серьезного внимания и интереса с точки зрения изучения связанных с ними теоретических и практических проблем. Постепенное становление новой общественно-экономической системы, отвечающей интересам имперского правительства, потребовало развития товарного производства и формирования системы объективных отношений между различными субъектами по поводу средств и результатов производства, где доминирующую роль играла собственность.

Первоначально право на собственность продолжало определяться правилами и обычаями, исторически сложившимися на данной территории. Имущественные отношения в основном строились на взаимоотношениях государства, частных лиц, крестьянских общин и т.д. Наряду с государственной, религиозной, частной и условной собственностью наличествовала и определенная доля общинной собственности. Начиная со второй половины XIX века, с принятием законодательных актов в сфере распределения собственности, имущественных, торговых, налоговых отношений постепенно формируются капиталистические отношения, что привело к возникновению рыночных, товарно-денежных отношений и возрастанию роли частной собственности. Появились определенные институциональные формы, по сути своей схожие с западноевропейскими. В связи с возникновением фабрично-заводских промышленных предприятий специальными законодательными нормами определяется свойство прав владения ими как казенное и частное. Частные и юридические лица (товарищества, акционерные общества, компании) на праве собственности владели и управляли промышленными и торговыми предприятиями, землями (в том числе и нефтеносными землями), приобретенными ими либо по наследству, либо путем заключения договоров с государством или иными собственниками.

Из содержания законов, принятых в сфере собственности и имущественных отношений, становится очевидным, что наиболее распространенной формой собственности на землю на территории Азербайджана была государственная собственность. Следующими крупными земельными собственниками являлись частные владельцы. Собственность религиозных учреждений и духовенства, а также общинная собственность по размерам была значительно меньше первых двух форм и не играла существенной роли в распределении земельного фонда уездов Азербайджана. В отличие от некрестьянского частного землевладения право собственности сельских общин и частных владельцев были далеко не полными, а их ограничения имели специфичность с точки зрения правовой оценки.

Землепользование малосостоятельных людей обычно основывалось на аренде земельных участков. Основными формами аренды были денежная и натуральная, хотя редко встречалась и такая форма, как отработочная аренда. Вопросы водопользования, издавна регулировавшиеся в Азербайджане местными обычаями, после принятия в конце XIX в. специального закона обрели свое нормативное закрепление.

Процесс переформатирования института права собственности в Азербайджане в рассматриваемый период был завершён закреплением в Своде законов Российской империи специальных норм, которые с целью достижения определенных общественных целей утаивали право государства на принудительное прекращение частной собственности, даже вопреки воли собственника.

Особенности регулирования вопросов землевладения и землепользования на начальном этапе присоединения Северного Азербайджана к Российской империи

В начале XIX века в сфере имущественных отношений в Азербайджане сохранились отдельные элементы предыдущей эпохи, а именно эпохи ханств. Так, на территориях, ранее принадлежавших азербайджанским ханствам, подавляющее большинство имущественных соглашений, в частности гражданско-правовых договоров о недвижимости составлялось и утверждалось на основе исламского законодательства. Это также относилось к вопросам приобретения и отчуждения земельных участков. Но в то же время многие исследователи, изучающие этот вопрос, ссылаясь на исламское право, считали существование частной собственности на землю условным.

Первоначально помимо основных форм собственности на землю – казенных и частнособственнических земель, продолжали существовать и другие формы, такие как тиюль (условное землевладение), мюльк (частное владение), мюльки-халисе (чистые мюльки) и вакфная (владения религиозных учреждений и духовенства) земельная собственность.

Накануне заключения вышеупомянутых договоров, оформлявших аннексию Северного Азербайджана, обширные участки земли, ранее принадлежавшие ханам и бекам, имущество которых было конфисковано, а также земли, используемые крестьянами как общины, были захвачены новыми властями и переданы в распоряжение казны.

Следует отметить, что существовавший ранее порядок предоставления тиюльных земель сохранился и при новой власти. С первых дней присоединения азербайджанских территорий к империи основной причиной удержания тиюльных владений в руках феодалов была их лояльность новому правительству, нахождение в военной и иной службе. В период военно-народного (комендантского) управления такое право, то есть право принятия соответствующего решения о сохранении тиюлов в руках местных феодалов, принадлежало комендантам, которые являлись главами азербайджанских провинций, округов и дистанций. Источники указывают, что продажа, дарение или отчуждение условных владений, принадлежавшие феодалам пожизненно, были запрещены. Однако законный наследник лица, пользовавшегося этой землей, имел право наследовать данное имущество, если он оказывал государству определенные услуги. Из этого следует, что право полностью распоряжаться тиюльной земельной собственностью, которая ранее была условной, принадлежало представителям новой власти.

Правила, касающиеся мюльков, мюльки-халисе и вакфных землевладений остались прежними. Однако следует сказать, что объём вакфного имущества (движимого и недвижимого), принадлежавшего мечетям, религиозным школам и мусульманскому духовенству, был незначительным в общей массе частной земельной собственности. Имеются факты, что мечети в городе Шуша, а также крупные земельные участки бибиэйбатских шейхов близ Баку также относились к вакфным имуществам [1, с. 28]. Сложившаяся ситуация в правовом режиме этих земель соответствовала политике царских кругов по отношению к духовенству.

Новое правительство пыталось экономическими и политическими средствами повлиять на представителей правящего класса Азербайджана, чтобы обеспечить их лояльность. Этому способствовало отсутствие юридического оформления прав собственности местных землевладельцев. Феодалы, которые были лишь пользователями и своего рода «управленцами» тиюльных владений, не являлись собственниками этих земель (крестьяне, жившие в таких владениях, должны были выполнять определенные повинности в пользу тиюльдаров).

В результате такого подхода были созданы предпосылки для конфискации тиюльных земель, а также другого имущества местных беков, считавшихся «неблагонадежными» и передачи их имущества в распоряжение казны. Земельные участки «неблагонадежных» обычно передавались на «временное управление» «лояльным» феодалам. Политика, направленная на имущественное притеснение, вызвала большое недовольство, и царское правительство было вынуждено принять в 1830 г. специальный акт, предусматривавший раздачу земли всем местным феодалам на тиюльных правах, что имело целью укрепить союз с местными феодалами. Но несколько позже, для переселения на плодородные земли Азербайджана русских дворян (что не увенчалось успехом), а также лиц, исповедующих христианства, вновь применялись ограничительные меры по отношению местных землевладельцев. Принятый в 1841 году новый закон, в некоторых регионах Азербайджана, в частности в Газахском и Шамшадильском округах, устанавливал право экспроприации земель местных беков и агаларов, что еще больше усилило недовольство властью среди местных феодалов.

В целях урегулирования конфликтов, возникших между местными феодалами и центральной властью и укрепления союза с ними, после отказа от переселения на земли Южного Кавказа представителей дворянского происхождения центральных губерний, 6 декабря 1846 г. был издан рескрипт¹, предусматривавший новые правила в сфере земельной собственности. Этим актом местные беки становились наследственными владельцами

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. 1847. Т. XXI. Отд.1. № 20672; Т. XXII. Отд.1. № 20672.

всех поместий и тиюльных земель, ранее находившихся в их владении. Как и в центральных губерниях, помещики в Азербайджане в соответствии с общеимперскими законами также имели право распоряжаться своими землями. Однако при купле-продаже этих земель выдвигалось условие, заключающееся в том, что собственность могла быть передана только тем, кто принадлежал к высшему мусульманскому сословию или обладал необходимыми качествами для владения свободной собственностью по общему правилу, установленному государством. А это вытекало со стремления царизма к дальнейшему укреплению сословных прав.

Несмотря на установленное законом 1846 г. право беков и агаларов свободно распоряжаться своей землей и предоставление возможность превращения земли в товар, феодальное землевладение в губерниях и уездах Азербайджана всё еще не могло приобрести капиталистическое свойство. Так, право приватизации земельных участков было направлено на концентрацию их только в руках правящего феодала, и с этим были связаны и установленные ограничения. Важным аспектом закона было отождествление тиюльского землевладения с частной (мюльковой) земельной собственностью и расширение объема права собственности на землю бывших тиюльдаров. Одним из положений, отраженных в законе, было определение компетенции кавказского руководства в решении этих вопросов. Так, оно могло представить главе государства донесение о том, за кем из лиц (с учетом их услуги перед государством), которым предоставлены земельные участки во временное и пожизненное пользование, следует подтвердить потомственное право собственности, а за кем оставить право временное пользование этим имуществом.

Рескрипт касался также разрешения споров, возникающих между помещиками и государством по вопросам собственности на землю. Так, из-за отсутствия точного определения границ многочисленных земельных участков, перешедших государству после присоединения азербайджанских территорий к империи, имели место случаи самовольного захвата определенной части этих земель. Поэтому при возникновении споров по этим вопросам за основу была принята защита государственных интересов. Эти споры должны были рассматриваться и разрешаться в судах на общих основаниях.

Решением Кавказского комитета от 15 декабря 1858 г. купля-продажа или отчуждение каким-либо иным образом земель, принадлежащих бекам, разрешалось только при условии, что продавец является наследственным владельцем отчуждаемого имущества, а покупатель имеет в своем владении наследственные земельные угодья и обладает правом пользоваться ими на правах бека. При оформлении судами актов отчуждения бекских мюльков в самих актах необходимо было закрепить условие об отказе покупателей мюлька от каких-либо претензий возникших вследствие принятия новых норм, касающихся земельных прав сельских беков или установления каких-либо изменений, касающихся этих самых новых владельцев продаваемого мюлька (то есть возвращать мюльки, требовать обратно уплаченную сумму, предъявлять какие-либо требования к проживающим в этих землях лицам и т.д.). С другой стороны в оформленных актах, покупатели должны были брать на себя обязательства относительно подчинения правилам, установленным правительством по вопросам владения мюльками [2, с. 156].

Землепользования феодально-зависимых крестьян были связаны с их правовым положением. Казенные, то есть государственные крестьяне, которые в административном отношении были в подчинении Министерства государственных имуществ¹, состоявшие в основном из райятов и жившие в пределах общины, засаживали и обрабатывали казенные паевые земли собственными средствами производства. Следует также отметить, что в середине XIX в. значительная часть крестьян, расселившихся в районах Азербайджана, т. е. 68,4 процента, принадлежала к государственным крестьянам [3, с. 88].

¹ Гасанов И.М., Эфендиев М.М. История крестьянства Азербайджана в I половине XIX в. Научный архив Национальной Академии Наук Азербайджана. Инв. 6522. Л. 242.

По сравнению с государственными крестьянами, частнособственнические крестьяне в большей степени подвергались двойной эксплуатации со стороны их владельцев и государства. Они платили в казну по 2 рубля на семью в год, одновременно и определенную сумму денег за почтовые расходы и дрова как казенные крестьяне, а также должны были выполнять многочисленные повинности в пользу мюлькадаров* за пользование землей¹.

«Поселянские положения» от 20 апреля 1847 г. (о правовом положении частновладельческих крестьян Шамахинской и Дербентской губерний) и 28 декабря 1847 г. (о статусе крестьян, проживающих в Газахском и Шамшадильском участках Елизаветпольского уезда)² также предусматривали вопросы землевладения, предоставляя каждому сельскому жителю мужского пола старше 15 лет 5-десятиновую долю земли, пригодной для земледелия и животноводства в пределах азербайджанских губерний. Однако закон не предусматривал никакого механизма реализации этого правила, то есть не определял никакой нормы, которая заставляла бы помещиков выполнять это требование, чтобы предоставить крестьянам такое количество паевой земли. С другой стороны, поскольку связи между объемом обязательств, которые должны выполнять крестьяне, и площадью паевой земли не устанавливались, предприниматель не был заинтересован в увеличении паевой земли крестьян и выделении им паевой земли в размере, определенном законом. В связи с этим землевладельцы по-прежнему продолжали сдавать свои земельные участки в аренду. Это не позволило реализовать соответствующие положения этих законов.

В «Положениях» подробно разъяснялись вопросы о налогах и пошлинах. Закон предусматривал, что крестьяне должны отдавать помещику 1/5 урожая, если он обрабатывает землю с помощью помещичьих орудий, семян и рабочего скота. В случае предоставления помещиком паевой земли, оговоренной в Положении, крестьянам, даже при отсутствии у них средств производства, все равно приходилось обращаться к помещику для приобретения этих средств и обработки своей паевой земли.

Немного позже – в 1861 году, в результате проведения крестьянской реформы в Российской империи и отмены крепостного права, предоставлялась крестьянам, проживающим в центральных губерниях империи, возможность пользоваться личной свободой и свободно пользоваться своим имуществом. Осуществление новых крестьянских реформ на Южном Кавказе, в том числе в провинциях Азербайджана, существенно затянулась. Однако развитие капиталистических отношений, как и в империи в целом, и в частности в нашем регионе потребовало отмены феодальных отношений. Ввиду отсутствия в Азербайджане крепостного права, предметом обсуждения был вопрос об устранении личной зависимости крестьян от феодалов. Для этого уже созрели соответствующие социальные условия. Возникающая интеллигенция высказывала мнения, содержащие критику феодального строя, распространяла идеи просвещения, выдвигала на первый план проблему свободы человека. С другой стороны, социально-экономические изменения во многих сферах жизнедеятельности общества, развитие сельского хозяйства и торговли привели к еще жесткой эксплуатации крестьян со стороны мюлькадаров. Сами феодалы были более склонны к частному земледелию, захватывали для этой цели земельные наделы крестьян и старались увеличить размеры налогов и повинностей. А в результате это привело к росту недовольства среди жителей деревни и регулярным протестным выступлениям крестьян.

* По мнению Аббас-кули-ага Бакиханова, мюлькадарами называли помещиков или владельцев недвижимых имуществ, приобретенных покупкой или наследством. (См.: [4, с. 140]). Другой исследователь истории административных, имущественных и аграрных отношений в Южном Кавказе – М.Н. Кучаев – называл мюлькадаров «наследственными пайщиками казны в получении хлебной поземельной ренты» (См.: [5]), хотя другие многочисленные исторические сведения подтверждают, что мюлькадары свою долю ренты во многом получали как собственники мюльковых, отчасти тиюльных имений, а не как жалованье за выполнение служебных функций.

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией (АКАК). Архив Главного Управления наместника Кавказского, т.т. I-XII, под ред. А.П. Берже, Тифлис. 1866-1904. С. 472-474.

² ПСЗРИ. 2-е собр. 1847. Т. XXI. Отд.1. № 20672; Т. XXII. Отд. 1. № 21825.

Реформирование правил владения, пользования и отчуждения земельной собственности

Процессы, происходящие на Южном Кавказе, в частности крестьянские восстания вынудили имперские круги провести реформы и в этом регионе. Подготовка к реформе началась в 1866 г., и в крупных городах были созданы временные комиссии, которым было поручено определение количественного состава верховного мусульманского сословия. Одним из аспектов, наблюдавшихся в этом процессе, было то, что во многих случаях некоторые землевладельцы, не являвшиеся потомками местных дворян, пытались проникнуть в это сословие. При обсуждении проекта реформы среди местного дворянства были выдвинуты весьма реакционные формулы, согласно которым «крестьяне, переселяясь с помещичьей земли, все свое движимое имущество могут оставить в своем распоряжении, а недвижимое имущество, то есть строения и насаждения, возведенные на помещичьей земле, должны оставить помещику...» [6, с. 91].

Новая редакция «Положения»¹, принятая 14 мая 1870 г. и охватывающая пять губерний Южного Кавказа, как итог проделанной работы, предусматривала прекращение всякой личной зависимости крестьян от землевладельцев. Наряду с этим было установлено, что земли, используемые крестьянами, продолжают оставаться собственностью феодалов-землевладельцев и передаются крестьянам в постоянное пользование². Крестьяне имели права беспрепятственно покинуть земли бекскую землю, остаться в своей сельской общине или переехать в другую общину в обмен на отказ «использовать все свои паевые земли». То есть они были лишь экономически зависимы от феодалов, но не находились в личной зависимости от них, не подвергались принудительным мерам последних.

Одним из главных вопросов крестьянской реформы был земельный вопрос. По закону право собственности на паевые земли, переданные в пользование крестьянам, по-прежнему принадлежало помещикам, являвшимся собственниками этих земель. Крестьяне сохраняли право покупки паевых земель, а паевые земли предоставлялись им в постоянное пользование в имениях, где они поселились. Они обязаны были платить налоги в виде мальджакхата или бахры, а также выполнить денежные повинности в пользу собственника-мюлькадара в обмен на пашенную землю. В статьях 76-77 закона был установлен размер этих сборов и повинностей, а согласно статье 79 после определения срока их уплаты по взаимному согласию крестьян и землевладельцев вносился в правила урегулирования.

Главным условием успешного проведения крестьянской реформы 1870 г. была полная передача наделных земель в собственность частновладельческих крестьян. После заключения договора о выкупе крестьяне должны были формально входить в категорию собственников. Однако, в отличие от центральных губерний России, где из казны выделялись выкупные ссуды для приобретения крестьянами паевых земель и передачу в их частную собственность, в азербайджанских губерниях государство не оказывало крестьянам никакой помощи для выкупа своих паевых земель. С другой стороны, в указанных территориях обязательный выкуп наделной земли не предусматривался. То есть крестьяне могли покупать паевые земли добровольно только за счет собственных средств. Максимальный предел выкупаемой земли для каждого крестьянского двора составлял 15 десятин, минимальный – 7,5 десятин.

С целью выкупа паевых земель крестьяне должны были письменно обратиться к мировому посреднику. После уточнения выкупной суммы мировой посредник определял срок выплаты данной суммы крестьянами и уведомлял об этом стороны сделки. В случае недовольства этим решением стороны вправе были обратиться в губернские присутствия по поселянским делам. Сумма выкупа была чрезвычайно высокой и зависела от многих условий. Так, в Бакинской и Елизаветпольской (Гянджинской) губерниях за 1 десятину земли крестьянин должен

¹ Государственный Исторический архив Грузинской Республики (ГИА ГР). Ф. 416. Оп.3. Д. 290. Л. 2.

² Отчет по главному управлению наместника Кавказского за 1862-1872 гг. Тифлис. 1873. С. 3-4.

был платить от 12,5 до 45 рублей, а в Нахчыванском уезде – от 17,5 до 53 рублей [7, с. 18–19]. Большая часть крестьян была лишена права выкупа паевых земель из-за отсутствия средств.

Подавляющее большинство азербайджанских крестьян осталось вне сферы влияния реформы 1870 г. В одном документе, датированном в 1878 г., говорится, что «несмотря на то, что Положение, дающее крестьянам право выкупа собственных паевых земель, действовало в течение длительного времени, лишь 10 человек изъявили желание купить свои паевые земли» [6, с. 226]. Лишь после учреждения Крестьянского банка наступил некоторый прогресс в деле выкупа паевых земель. С 1883 по 1914 год две крестьянские компании через Крестьянский банк купили в Бакинской губернии 3314 десятин земли. В Елизаветпольской губернии население одной деревни выкупило 1472 дес., 5 крестьянских компаний купили 2530, а 67 крестьянских семей – 2134 десятин земли. Однако большая часть крестьян не смогла выкупить свою земельную долю, и такое положение продолжалось до начала 1913 г.

Незавершенность земельной реформы отчасти объяснялась тем, что имперское правительство опасалось в сосредоточении земельной собственности в руках «высшего мусульманского сословия» или скупщиков в процессе выкупа крестьянских наделов. Об этом «предостерегал» Дондуков-Корсаков в «Отчете главноначальствующего гражданской частью на Кавказе об управлении краем за время с 1882–1890 гг.». Он считал, что «самой естественной и целесообразной мерой является выкуп наделных земель казной». Поэтому власти рассматривали идею покупки этих земель русскими переселенцами, сделав их клиентами Крестьянского банка, через которого они могли бы приобрести земельные мюльки посредством средств банка [8, с. 123–124].

Большая часть земли по-прежнему была сосредоточена в руках помещиков и зажиточных крестьян. Чтобы прокормить себя и свои семьи, безземельным крестьянам приходилось либо арендовать землю по высокой цене, либо продавать свой труд. Казенные и частновладельческие крестьяне, несмотря на небольшие размеры их земель, несли очень тяжелые повинности и налоги. Так, крестьяне, проживающие на помещичьей земле, должны были отдать от 1/10 до 1/2 урожая в виде мальджахата или бахры, а кочевавшие крестьяне обязаны были выплатить деньги на сено за выпас скота зимой и сафалаха за летние пастбища.

Законом «О земельном устройстве государственных крестьян в Закавказье» от 1 мая 1900 г. (был издан в дополнения соответствующего закона от 26 мая 1897 г.) предусмотрено предоставление сельским общинам казенных крестьян земли, находящейся в их пользовании в течение длительного времени и не вызывающей никаких споров. При этом отмечалось, что «сельским общинным собраниям, с согласия двух третей глав семей, имеющих право голоса на собрании, предоставляется право замены общинного порядка пользования землями приусадебным пользованием» [9, с. 191–192].

Следует отметить, что государственная земельная собственность по-прежнему носила феодальный характер, и многие исследователи это особо подчеркивают. Например, по мнению И. М. Гасанова, «феодальный характер казенной земельной собственности проявлялся в частности, в том, что она находилась в монопольной собственности государства. Надельная земля государственных крестьян могла перейти от одного крестьянского общества к другому; мог измениться держатель земли внутри общины, земля – оказаться в руках лица, даже не входившего в сельское общество. Но при всем этом собственником земли продолжало оставаться государство, взимавшее соответствующую земельную ренту» [8, с. 110; 10, с. 17].

Источники утверждают, что земли, которыми пользовались крестьяне, юридически не были закреплены за ними. Государственные крестьяне, будучи лишь наследственными держателями этих земель не могли в полном объеме распорядиться ими, которые являлись собственностью государства [8, с. 110].

Следует также отметить, что разного рода средства, предназначенные для возделывания земель и собирания урожая (сельскохозяйственные машины и орудия), землевладельцы привозили из наиболее промышленно развитых частей империи. Постепенно в Бакинской и Елизаветпольской губерниях также появились разные торговые дома, организации и частные лица, которые открыли свои склады для размещения и последующей продажи зажиточным крестьянам и помещикам плугов, культиваторов, веялок, фургонов, арб, жнеек и другого сельскохозяйственного инвентаря. До свержения царизма более половины крестьянских хозяйств в Азербайджане не имели сельскохозяйственных орудий и средств¹. Этим оборудованием в основном владели очень малая – зажиточная часть крестьянских хозяйств. Время от времени возникала необходимость усовершенствования сельскохозяйственных орудий, но из-за дороговизны этой деятельности, усовершенствованные орудия могли приобрести только крупные хозяйства.

В 70-90-е гг. XIX в. аренда государственных земель в сельскохозяйственных целях осуществлялась на аукционах. Специальный закон от 1893 г. устанавливал порядок сдачи в аренду земель с аукциона. Как известно, небольшая часть земель, принадлежавших казне, использовалась государственными крестьянами в виде пашенной земли, а другая часть находилась в непосредственном владении государства. В официальных государственных документах эти земли назывались «оброчными статьями» [9, с. 60]. Правительство сдавало в аренду через публичные торги крестьянам, крестьянским обществам и сельским общинам участки земли, непосредственно принадлежавшие государству. Как правило, на аукционах для сельскохозяйственных целей сдавались в аренду пахотные участки земли, сады, пастбища, луга и зимние пастбища.

Как и в центральных губерниях России, представители власти в Закавказье, в том числе и в Азербайджане, давали государственные земли для сельскохозяйственных целей на публичных торгах на основании общего закона, утвержденного императором. Эти законы собраны в единый свод законов под названием «Особые постановления по оброчной части» [11, с. 78]. В этом своде законов правила и условия предоставления в аренду государственных земель для сельскохозяйственных целей с публичных торгов, подробно отражены в специальных параграфах. Как правило, земли для сельскохозяйственных целей сдавались в аренду сроком на один или несколько посевных лет. Однако считалось удобным арендовать землю сроком на 6 лет при трехсменной системе земледелия, и поэтому в большинстве случаев аренда земли с публичных торгов осуществлялась по этим правилам. При более выгодных условиях аренды можно было увеличить указанный срок до 9-12 лет. Арендатор был обязан оформить аренду в государственном имущественном управлении в месячный срок со дня получения призового листа об утверждении аукциона.

По общему правилу можно было продлить срока аренды до 36 лет. Однако при аренде земли на срок более 12 лет требовалось согласие Главного управления, в компетенцию которого входило осуществление контроля за этим процессом. При сдаче земли в аренду для земледельческих нужд в заключаемом договоре должны были быть подробно оговорены права арендатора на использование земли и ряд условий, которые он должен был соблюдать. Если арендатор по уважительным или неуважительным причинам отклонялся от установленных правил, связанных с ведением сельского хозяйства, он был обязан уплатить дополнительную сумму (штраф) в размере примерно 6 манатов за каждый десятинный участок земли. Обычно размер штрафа не должен был превышать трехкратную арендную плату за каждую десятину пригодной для посевов земли.

В пункте 95 Свода прямо указано, что арендатор мог передать арендованный земельный участок другому лицу только с согласия соответствующего главного управления, а также только при заранее определенных для него условиях аренды. Кроме того, арендатор

¹ Государственный Исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР). Ф. 387, оп. 1, д. 256, лл. 3 об.-4.

должен был выполнить все условия, предусмотренные договором, в процессе использования арендованного имущества [12, с. 64].

Одной из особенностей аренды земли на публичных торгах было то, что в большинстве случаев масса крестьян, остро нуждавшихся в арендованной земле, не могла напрямую брать в аренду государственную землю, сдававшуюся с публичных торгов. Иными словами, в процессе сдачи земли в оброчное с публичных торгов все решало имущественное состояние крестьян. Государственные земли, выставленные на торги, сдавались в аренду сельским колчомагам, зажиточным крестьянам, сельским обществам и общинам. Сдача в аренду с аукциона государственных земель сельскими обществами и общинами несколько не изменила предпринимательской сущности этой аренды. Так, во многих случаях колчомаги, входившие в состав сельского общества, арендовали землю непосредственно у государства, а затем распределяли ее между другими членами общества [13, с. 299]. Таким образом, человек, арендовавший землю непосредственно у государства, собирал с других членов общества гораздо большую ренту, чем он платил государству за аренду данной земли. На землях, арендованных сельскими обществами и общинами, не создавались совместные хозяйства [14, с. 259–261].

Закон «Об обязательном выкупе крестьянами закавказских губерний наделных земель, принадлежавших помещикам», изданный 20 декабря 1912 г.¹, предусматривал обязательное приобретение крестьянами земельных паев за счет казны. Помещики-землевладельцы должны были получить плату за землю из государственной казны, а казна должна была взыскать эту сумму с крестьян в определенный срок – в течение 28–56 лет. В Бакинской и Гянджинской губерниях крестьяне должны были выплатить в казну 21 млн руб. вместе с процентами за паевую землю общей стоимостью 10,3 млн руб. По «Правилам», составленным вместе с законом от 20 декабря 1912 г., крестьяне могли приобрести только ту паевую землю, площадь которой была примерно обозначена в земельном уставе. Все виды земель, указанные в земельном уставе, независимо от их качественного состояния подлежали передаче в частную собственность крестьян. Поскольку первые расчетные списки составлялись на основании земельного устава, расчет выкупной суммы паевой земли носил приблизительный характер. Поэтому при реализации закона от 20 декабря 1912 г. возникли споры относительно некоторых земельных участков, и стороны потребовали обмера паевой земли [13, с. 300].

В результате проведения этой реформы хозяйственные отношения между крестьянином и помещиком были полностью разорваны, так как паевая земля стала частной собственностью крестьянина. Между тем, мюлькадары уже не могли довольствоваться передачей крестьянину паевой земли, пределы которой были определены в земельном уставе ориентировочно. Поэтому требование об измерении паевой земли предъявлялось преимущественно ими. Несмотря на то, что характер бекской собственности на землю несколько изменилась, бекско-мюлькедарская земельная собственность, как и государственная собственность на землю сохранилась. Земли, принадлежавшие бекам и мюлькадарам, после данной реформы могли быть проданы лицам, не имеющим бекское происхождения. С другой стороны, под влиянием товарно-капиталистических отношений некоторая часть беков создала свои хозяйства, основанные на использовании наемного труда, что было намного выгоднее, чем сдавать земли в аренду.

Аграрные законы 1912–1913 гг. еще больше ускорили социальное расслоение в деревне, усилилось имущественное неравенство среди сельского населения. Недовольство обмерами паевых земель, а также споры по поводу использования водных ресурсов и лесных угодий сопровождалось большим количеством судебных разбирательств, а также произвольных осуждений и наказаний. Частично это было связано с тем, что в ходе реформы не был учтен положительный опыт, накопленный в сфере землевладения и землепользования в Азербайджане в предыдущие времена.

¹ Государственный Исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР). Ф. 278, оп. 1, д. 71, л. 63–87.

Нормативные основы права собственности на водные ресурсы

Вопросы, связанные с правом собственности на водные ресурсы также имели очень важное значение. Вода так же, как и земля, являлась одним из основных средств производства. Расширение искусственного орошения было связано с климатическими условиями, а также и малочисленностью естественных водных ресурсов в азербайджанских губерниях. Проведение разного рода ирригационных сооружений со стороны крупных феодалов используя труд бесправных крестьян, впоследствии сделали их собственниками этих сооружений.

Во второй половине XIX века сельские общины также активно занимались постройкой каналов и других оросительных средств и также становились общими собственниками над искусственными водными ресурсами. По согласованию с владельцем, в собственности которого находились данные сооружения, другие лица могли использовать каналы и другие искусственные водные источники на определённых условиях, договорившись об оплате за водопользование. Что касается приобретения, получения в пожалование или наследство земельных участков, какого-то сада или деревню в собственность, либо в качестве тиюля, по которым простирались канавы, речки и другие водные источники, существом приобретения заключалось не в том, что какое имущество поступает в его пользование, а в праве пользовании в определенные дни или часы (а также в каком количестве) этими водными ресурсами.

Следует отметить, что долгое время пользование водными ресурсами в Азербайджане регулировалось местными адатами. С целью создания юридических основ и правового порядка в вопросе водопользования для орошения земель в Закавказье 3 декабря 1890 г. царским правительством был принят закон «О праве на воду и орошении земли в Южно-Кавказском крае»¹. Данным законом были регулированы вопросы, касающиеся права пользования оросительной водой, структуры учреждений, контролирующих оросительных дел, права должностных лиц этих учреждений и предполагаемых работ в этой сфере. Согласно разделу первой части («О правилах водопользования при орошении») и на основе таблиц, составленных (в соответствии с вышеуказанным законом) управлением Водной инспекции, как владельцы собственности, снабжающие водой нескольких лиц, так и владельцы средств орошения должны были составлять дневники распорядка пользования водой на различных участках на основе взаимного согласия. Распределение оросительной воды осуществлялось на паевых началах². Каждое село, крестьянский двор или сельская община имели право на долю воды. Данное право зафиксировалось в специальном документе – свидетельстве о праве на пользование водой.

Несмотря на объявление этим законом об отмене частной собственности на воду, на самом деле при водопользовании был сохранен прежде существовавший порядок без нарушения интересов собственников недвижимости. Было создано новое административное деление по орошению и учреждены новые должности. Хотя закон не внес принципиальных изменений в правила водопользования, он унифицировал и закрепил различные правила, существующие в вопросе водопользования в разных регионах Северного Азербайджана. Установленное в Положении о водопользовании некоторое ограничение права собственности на воду было основано на соображениях общественного интереса. Так, крестьяне для строительства новых запруд и водоемов или для отведения воды на свои земельные участки должны были получить разрешение мюлькадара. В случае отказа или запрета мюлькадара в использовании воды крестьяне имели право подать жалобу в соответствующее уездное учреждение.

¹ ПСЗРИ. 3-е собр. 1890. Т. X. Отд. 1. № 7255. С. 761–769.

² Государственный Исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР). Ф. 21, оп. 1, д. 587, л. 11.

Вопросы нормативно-правового регулирования имущественных отношений в сфере добычи и переработки нефти

Развитие капиталистического способа производства привело к сосредоточению в руках меньшинства населения крупных средств и в сфере нефтяной промышленности. Основная специфика нефтедобычи была связана с характером владения главными источниками сырья – нефтеносными землями. При этом решающим фактором была собственническая политика царского правительства в области земельных отношений.

В этой политике проявлялись порой противоречивые, в большинстве случаев полностью взаимоисключающие тенденции, такие как сохранение преимуществ свободного капиталистического предпринимательства в качестве верховного собственника нефтеносных земель государства, попытки объединить интересы государства и помещиков и т.д. В середине XIX в. процесс добычи нефти в Азербайджане осуществлялся преимущественно местными предпринимателями, приобретавшими для этих целей участки земли на Апшеронском полуострове. Даже бакинский предприниматель Джавад Меликов создал товарищество с целью переработки нефти и построил в Баку в 1863 г. первый завод по производству керосина.

Во второй половине XIX в. в добыче и переработки бакинской нефти уже доминировал иностранный капитал. Этому способствовали нормативные акты, принятые правительством и регламентирующие правила выделения земельных участков в Бакинском районе, которые позволяли всем лицам, приобретавшим эти земли, проводить поисковые работы для обнаружения и добычи нефти. Так, «Правила о нефтяном промысле и акцизе на фотогенное производства» от 1 февраля 1872 г.¹ провозгласила принцип «промысловой свободы». Согласно этому акту все лица всех сословий (не только подданные Российской империи, но и иностранцы) имели право приобретать земельные участки с целью разведки и добычи нефти. Несмотря на приостановку действия этого акта правительством, в течении следующих 12 лет нефтепромышленники часто самовольно захватывали или арендовали землю у государственных крестьян [15, с. 330].

17 февраля 1872 г. был принят еще один акт под названием «Правила об отдаче в частные руки казенных нефтяных источников Кавказского и Закавказского края, состоящих в откупном содержании»². Данными правилами предусматривалось приобретение с публичных торгов частными лицами государственных нефтяных промыслов, ранее находивших в откупе. Для приобретения нефтеносных участков земли в частные руки с публичных торгов была предусмотрена единовременная плата.

Отводы по заявкам допускались не менее одной десятины и не далее пределов в 80 сажень кругом заявочного столба. На отводе промышленник обязан был начать разработку нефти в течение первых двух лет по получении акта на отведенную площадь. За пользование такими отводами промышленник обязан платить арендную плату по 10 руб. за одну десятину. Предельный срок аренды был определен в 24 года [16, с. 18–19]. Отмена откупной системы привела к увеличению добычи нефти в данном регионе. В течение только одного года (в 1872 г.) в проведенных аукционах было распродано 174 десятин земли. Из них 150 десятин земли принадлежало Балаханскому нефтяному месторождению. Вместе с тем, наблюдалась и другая линия в политике царизма, заключавшаяся в конфискации общинных земель в пределах Бакинского района, которые находились в пользовании государственных крестьян с целью увеличения свободного государственного земельного фонда.

Таким образом, благодаря принятию в 1872 г. указанных правовых актов, не только подданные империи, но и иностранцы могли без труда арендовать нефтеносные земли.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 2-е собр. Т. XLVII. Отд. 1. № 50495.

² Там же. № 50495; № 50543.

В результате создания благоприятных условий правительством* в этой сфере происходил усиленный приток иностранного капитала в нефтяную промышленность Азербайджана. Например, в конце 70-х гг. XIX в. Нобелевский керосиновый завод был самым крупным, а уже к середине 80-х гг. объем продукции, выпускаемой этим заводом превышал производство всех остальных крупных керосиновых предприятий вместе взятых. Учрежденное братьями Ротшильда «Каспийско-черноморское нефтепромышленное и торговое общество» стало очень крупной с капиталом 6 млн руб. К концу XIX века английские нефтепромышленники основали в Баку 6 компаний и получили огромные прибыли, эксплуатируя богатейшие нефтяные месторождения Бакинского района [17, с. 132–133].

С целью покупки предприятий и нефтеносных земель в течении только лишь одного года британские дельцы выплатили местным предпринимателям более 12 млн руб. На базе приобретенных предприятий английские нефтепромышленники учреждали акционерное общество «Олеум». Несмотря на то, что контрольный пакет акций и механизм управления деятельностью компании были сосредоточены в руках британских капиталистов, в системе руководства новоучрежденной компании были представлены местные предприниматели в лице Г.З. Тагиева, который являлся одним из двух директоров в совете управления АО «Олеум» совместно с англичанином Е. Губбардсом.

После применения паровых двигателей в бурении расширился масштаб производства, и снизилась себестоимость добываемой нефти. На заводе «Мотала» по заказу Л. Нобеля были построены первый наливной пароход «Зороастр», а также специальные складские помещения для хранения нефтепродуктов. Правовое регулирование вопросов, связанных с выкладыванием инвестиций, привело к увеличению иностранных вложений в нефтяные предприятия города Баку и в начале XX в. Иностранные инвестиции в эту сферу «позволили более эффективно использовать передовые промышленные технологии и уже сформировавшиеся навыки капиталистического предпринимательства» [17, с. 136]. Только с 1895 по 1901 гг. иностранными собственниками были вложены в бакинскую нефтяную промышленность 97,6 млн руб. инвестиции [18, с. 145].

Приобретая право собственности на земли с богатейшими полезными ископаемыми, иностранные предприниматели сколотили несметные состояния за счет эксплуатации труда простых людей, прежде всего беднейших слоев местного населения. Еще в XIX в. Р. Иеринг отмечал, что «историческим источником и нравственным оправданием собственности является труд» [19, с. 29]. Однако в случае с использованием природных ресурсов Азербайджана в рассматриваемый период труд как такой не выступает в качестве основы собственности у указанных категорий предпринимателей. В отличие от имущества, имеющего гражданско-правовую природу, и собственность на которое основывается на труде, материальные ресурсы, добываемые из недр земли, являются дарами природы и не связаны с человеческим трудом. Следовательно, собственность, образуемая посредством эксплуатации недр земли, имеет совершенно иную сущность и собственники, добывающие из недр земли естественные ресурсы, в частности, нефть, в определенной мере должны заниматься и решением социальных проблем местного населения, обладающего естественным правом на эти ресурсы. К сожалению, многие из иностранных предпринимателей, занимавшиеся добычей и обработкой нефти, не уделяли внимание этому вопросу.

2 июня 1887 г. были приняты «Правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях», регулировавшие отношения в области поисков и добычи полезных ископаемых на государственных землях¹. Они определили принцип свободы добычи полезных

* После обсуждения вопроса о допущении иностранцев на нефтяные промыслы Бакинской губернии, 1 мая 1880 года Особое совещание приняло соответствующее постановление. В этом постановлении была провозглашена целесообразность и полезность «участия иностранцев и иностранных обществ в российской нефтяной промышленности в настоящее время» (Подр. см.: [15]).

¹ <https://pubsrv.uraic.ru/ECD2/DX/0005975.pdf>.

ископаемых по отношению к землям, находящимся в государственной собственности, что означало свободный доступ к освоению недр, расположенных на соответствующей территории.

В отношении земель частных лиц и компаний действовал принцип акцессии, в соответствии с которым право полной частной собственности на недвижимое имущество охватывало не только на поверхность земли, но и ее недра. Право поиска и добычи нефти на этих землях было предоставлено посторонним лицам на основании соглашения с землевладельцем. Земельная рента за добычу нефти устанавливалась министром земледелия и государственных имуществ и взималась с десятины в размере на каждые двенадцать лет вперед [20, с. 180–181].

Чтобы получить максимальную выгоду от нефтяного промысла и пополнить государственный бюджет, царское правительство 21 декабря 1887 г. утвердило «Правила об акцизе с осветительных нефтяных масел» [21, с. 34]. Все нефтепродукты, используемые для освещения, признавались как осветительные нефтяные масла. Вопросы управления по сбору акцизного налога находились в руках департамента неокладных сборов Министерства финансов. С 15 декабря 1892 г. был установлен акциз в размере 60 копеек с пуда для легких осветительных масел и 50 копеек с пуда для тяжелых [21, с. 35].

Правила о нефтяном промысле от 3 июня 1892 г. устанавливали, что земли, расположенные вблизи с уже открытыми месторождениями нефти, объявлялись «заведомо нефтеносными» и предоставлялись в аренду частным лицам с торгов¹. Арендная плата за пользование нефтяными землями, принадлежащими государству, взималась поудно по учету отпущенной с нефтеносного участка с учетом обязательного годового минимума добычи.

Законом от 12 июня 1912 г. «О сдаче казенных нефтеносных земель в разработку по договорам» был установлен новый порядок уплаты арендных платежей за пользование казенными нефтеносными участками и введен принцип – условная цена нефти². Он означал, что арендатор обязывался пробурить в течение определенного времени (2-3 года) известное количество саженей и получить с участка минимальную добычу нефти. За пользование казенным участком арендатор должен был заплатить в казну разницу между рыночной ценой нефти и объявленной им себестоимостью обязательного для добычи количества нефти. По результатам торгов участок передавался тому предпринимателю, который определял меньшую себестоимость пуда нефти, а все то количество нефти, которое предприниматель добывал на участке уже сверх обязательной нормы, он продавал в свою пользу [21, с. 159].

17 июня 1912 г. принимаются правила «О сдаче в аренду нефтеносных земель, принадлежащих казне». Согласно этим правилам, сдача в аренду этих земель осуществлялось на аукционной основе. Арендатор обязан был каждый год вносить арендную плату, минимальная норма которой была определена правилами. Нефть, добываемая в размерах, превышающих установленную минимальную норму арендной платы, за вычетом из нее 20 % доли государства, оставалась арендатору. За каждый нефтеносный участок был установлен предварительный залог в размере 100 тыс. руб. (в дальнейшем эта сумма увеличилась до 400 тыс. руб.) [2, с. 158].

Заключение

В результате анализа нормативно-правового массива, накопленного в XIX и начале XX вв., включающего в себе имущественные отношения в сфере землевладения и землепользования, можно сделать следующий вывод. Регулирование правил землепользования сельских общин, осуществление размежевания земельных наделов, уточнение объема налогов и сборов, подлежащих уплате землепользователями, создание правовой основы купли-продажи и аренды земель через публичные торги и другие меры, реализуемые властями в социально-

¹ Свод законов Российской империи. Т. 7. Свод учреждений и уставов горных. С примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения. СПб.: Русское кн. Т-во «Деятель». 1893. Ст. 45.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое в правительствующем Сенате. Пг. 1912. ст. 1113.

экономической сфере, привели: 1) к изменению имущественного состояния сельского населения по поводу землевладения и землепользования; 2) к проникновению в сельское хозяйство только складывающихся буржуазных отношений и трансформации характера земледелия, во многом обусловивших введение наемного труда в хозяйствах крупных землевладельцев, формирование мелкотоварного и капиталистического уклада в сельском хозяйстве.

Специальные законы империи, позволяющие всем людям независимо от подданства (гражданства), местожительства или статуса свободно участвовать в приобретении нефтеносных земель Азербайджана, ранее принадлежавших частным лицам и государству, способствовали увеличению иностранных инвестиций в эту сферу. Иностранные предприниматели в процессе добычи нефти и продажи нефтепродуктов заполучили огромные прибыли.

Наблюдаемый прогресс в товарно-денежных и арендных отношениях способствовали сосредоточиванию в руках зажиточных крестьян и помещиков не только земли и скота, но и сельскохозяйственных орудий, оросительных средств и прочих объектов собственности. Складывающиеся новые социально-экономические отношения придавало земледелию торговый характер, которое приобрело в некоторых отраслях товарно-капиталистическую форму. Исходя из этого, можно заключать, что, сосредоточив в своих руках разного рода объекты собственности, имущая часть сельского населения связывала производство с рынком, занимались скупкой и ростовщичеством, тем самым обогащала свое состояние всеми доступными средствами.

В уездах Азербайджана действовали множество компаний в таких отраслях промышленности, как хлопкоочистительная, горнодобывающая, рыбная, шелкоткацкая, винодельная, пищевая, производство стройматериалов и т.д., которые концентрировали в своих руках основной капитал. Некоторые промышленные предприятия, действующие в перечисленных сферах, находились в собственности отдельных предпринимателей и остались в стороне от процесса монополизации. В процессе зарождения финансового капитала формировались акционерные общества, которые постепенно вытесняли торговые дома. Хотя последние в процессе конкуренции, вытеснив отдельных частных собственников, являлись одним из распространенных форм капиталистических предприятий.

Список источников

1. Гасанов И. М. Частновладельческие крестьяне в Азербайджане первой половины XIX в. Баку. Наука. 1957. 235 с.
2. История государства и права народов Кавказа. Учебник. (Шапсугов Д. Ю., Кокин А. В., Исмаилов Х.Д. и др.). Ростов на-Дону. 2020. Ч. I. 708 с.
3. Мусаев М.А. Торговля города Баку в XIX веке. Баку: Наука, 1962. 194 с.
4. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20 – 60-х гг. XIX в. Под редакцией И. П. Петрушевского. Ч. 1. М.-Л., 1936.
5. Кучаев М. Н. Феодализм и закрепощение в Закавказье // Русский вестник. 1893. № 1. С. 300–326.
6. Авалиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье. В 4-х т. Т. 3. Поселянская реформа и реформа сословно-поземельных отношений в мусульманских провинциях. Одесса: «Техник», 1914. 180 с.
7. Алескеров Я. И. Землевладение и землепользование во владельческой деревне Азербайджана в пореформенный период. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1981. 27 с.
8. Багиров Ф. Э. Переселенческая политика царизма в Азербайджане 1830-1914 гг. М.: Маросейка, 2009. 697 с.
9. Исмаилов М. А. Сельское хозяйство Азербайджана в начале XX века. Баку: Наука, 1960. 240 с.
10. Гасанов И. М. Аграрные отношения в государственной деревне Азербайджана в конце XIX в. (80-90-е гг.). Автореф. ... дис. докт. ист. наук. Баку, 1965.

11. Сегаль И. Л. Крестьянское землевладение в Закавказье. Тифлис: тип. К.П. Козловского. VIII, 1912. 154 с.
12. Мамедова Л. Л. К вопросу об аренде земли через аукцион (70-90-е годы XIX в.) / В тематическом сборнике научных трудов. Баку, 1981. 163 с. (на азерб. яз.)
13. Исмайлов Х. Дж. История права Азербайджана. Баку: Наука и образование. 2023 (2015). 588 с. (на азерб. яз.)
14. Марков Ф. Т. Казенные оброчные статьи и свободные земли Закавказье / В кн.: Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. 5. Ч. 2. Тифлис, 1888. 349 с.
15. Сумбатзаде А.С. Промышленность Азербайджана в XIX в. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1964. 504 с.
16. Матвейчук А.А. Из истории начального периода акционерного учредительства в нефтяной промышленности России // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 9–27.
17. Исмаилова А. М. Южный Кавказ в составе Российской империи в XIX – начале XX вв. Особенности экономических взаимоотношений: сборник статей. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 197 с.
18. Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1901 г. Ч. I. Баку. 1902.
19. Иеринг Рудольф. Борьба за право. Перевод С. И. Ершова с 13-го нем. изд. 2-е изд. М.: М.Н. Прокопович, 1907. 96 с.
20. Штоф А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов в России и в главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. 621 с.
21. Ибрагимов М. Д. Нефтяная промышленность Азербайджана в период империализма. Баку: Наука, 1984. 240 с.

References

1. Hasanov I. M. *Private-owning peasants in Azerbaijan in the first half of the 19th century*. Baku: Science; 1957. 235 p. (In Russ.)
2. *The history of the state and the rights of the peoples of the Caucasus*. Textbook. (Shapsugov D. Yu., Kokin A. V., Ismailov Kh. D. and others). Rostov-on-Don; 2020. Part I. 708 p. (In Russ.)
3. Musaev M. A. *Trade in Baku in the 19th century*. Baku: Nauka Publ., 1962. 194 p. (In Russ.)
4. *The colonial policy of Russian tsarism in Azerbaijan in the 20 – 60s of the XIX century*. Edited by I. P. Petrushevsky. Part 1. Moscow-Leningrad; 1936. (In Russ.)
5. Kuchaev M. N. Feudalism and enslavement in Transcaucasia. *Russian Bulletin*. 1893;(1):300-326. (In Russ.)
6. Avaliani S. L. *The peasant question in Transcaucasia*. In 4 volumes, vol. 3. The settlement reform and the reform of estate and land relations in the Muslim provinces. Odessa: "The Technician"; 1914. 180 p. (In Russ.)
7. Aleskerov Ya. I. *Land ownership and land use in the owner's village of Azerbaijan in the post-reform period*. Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Baku; 1981. 27 p. (In Russ.)
8. Bagirov F. E. The resettlement policy of tsarism in Azerbaijan 1830-1914. Moscow: Maroseika, 2009. 697 p. (In Russ.)
9. Ismailov M. A. *Agriculture of Azerbaijan at the beginning of the XX century*. Baku: Nauka Publ.; 1960. 240 p. (In Russ.)
10. Hasanov I. M. *Agrarian relations in the state village of Azerbaijan at the end of the 19th century (80-90s)*. Abstract. ... dis. doctor of historical Sciences. Baku; 1965. (In Russ.)
11. Segal I. L. *Peasant land ownership in Transcaucasia*. Tiflis: Type. K.P. Kozlovsky. VIII, 1912. 154 p. (In Russ.)
12. Mammadova L. L. *On the issue of land lease through auction (70-90s of the XIX century)*. In the thematic collection of scientific papers. Baku; 1981. 163 p. (In Azerbaijani).

13. Ismaylov H. J. *The history of the law of Azerbaijan*. Baku: Science and Education; 2023 (2015). 588 p. (In Azerbaijani).
14. Markov F. T. Government tax articles and free lands of Transcaucasia. In: *A collection of materials on the study of the economic life of the state peasants of the Transcaucasian territory*. Vol. 5. Part 2. Tiflis, 1888. 349 p. (In Russ.)
15. Sumbatzade A. S. *The industry of Azerbaijan in the 19th century*. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR; 1964. 504 p. (In Russ.)
16. Matveychuk A.A. From the history of the initial period of joint stock companies in the Russian oil industry. *Economic history*. Review. Edited by L. I. Borodkin. Issue 10. Moscow; 2005:9–27. (In Russ.)
17. Ismailova A. M. *The South Caucasus as part of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. Features of economic relations: a collection of articles*. Moscow-Berlin: Direct-Media; 2014. 197 p. (In Russ.)
18. *Review of the Baku oil industry for 1901, Part I*. Baku. 1902-19. (In Russ.)
19. Iering Rudolf. *The struggle for the right*. Translated by S. I. Ershov from the 13th German ed. 2nd ed. Moscow: M.N. Prokopovich; 1907. 96 p. (In Russ.)
20. Shtof A. *Mining law. Comparative presentation of mining laws in Russia and in the main mining states of Western Europe*. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich, 1896. 621 p. (In Russ.)
21. Ibragimov M. D. *The oil industry of Azerbaijan in the period of imperialism*. Baku: Nauka Publ., 1984. 240 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Х. Дж. Исмаилов – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Бакинского государственного университета.

Information about the author

Kh. J. Ismayilov – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department Theory and History of State and Law, Law Faculty, Baku State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.11.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 27.01.2025.

The article was submitted 24.11.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 27.01.2025.

Влияние дефицита юридических возможностей на реализацию естественных прав

Арсен Нажмудинович Маремкулов

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия,
arsenmaremkulov@yandex.ru

Аннотация

Целью статьи является показать, что в основе эффективного функционирования правового государства лежит не просто знание законов, а глубокое понимание их ценностной составляющей. Только осознание приоритетности правовых ценностей позволяет гражданам не только формально соблюдать предписания, но и активно участвовать в построении справедливого и гармоничного общества. Этот ценностный подход основанный на идеях естественного права предполагает, что правовые нормы не являются самоцелью, а служат инструментом реализации фундаментальных прав и свобод человека. Закон становится эффективным только тогда, когда граждане воспринимают его не как ограничительные меры, а как гарантию своих прав.

Методы. В процессе исследования проблемы автором использовались общенаучные методы познания. Также применялись такие методы, как формально-юридический, историко-правовой, аксиологический, прогностический и сравнительно-правовой.

Результаты. В научный оборот вводится понятие «дефицит правовых возможностей», под которым автор понимает состояние правового поля, характеризующееся ограничением доступа к механизмам правовой защиты, что приводит к невозможности для субъектов права эффективно отстаивать свои интересы в условиях действующего законодательства. Правовая самореализация личности от естественных прав к активному гражданскому обществу, по мнению автора, – это не просто пассивное пользование предоставленными правами и свободами, а активное, целенаправленное участие в правовой жизни общества. Она тесно связана с осознанием себя как носителя естественных прав, предшествующих любому позитивному праву, и стремлением к их реализации в конкретных жизненных ситуациях. Проблема заключается не только в объеме действующего законодательства, но и в его качестве, что приводит к ощутимому дисбалансу между спросом на эффективные правовые акты, способствующие улучшению жизни граждан и реальным предложением со стороны законодательных органов.

Выводы. Автор констатирует, что недостаточная проработка законопроектов, отсутствие общественного обсуждения и учета мнений экспертов, принятие актов под давлением лоббистских групп приводят к принятию неэффективных и противоречивых законов. Законодательные инициативы часто оторваны от реальных проблем граждан, и, как правило, отходят в своем наполнении от естественного содержания. Автор считает, что основой правовой самореализации является понимания естественных прав – присущих человеку от рождения неотъемлемых прав на жизнь, свободу, собственность, безопасность и др. Именно обращение к этим фундаментальным принципам позволяет эффективно использовать регулятивный потенциал действующего законодательства и добиваться справедливых решений.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, дефицит правовых возможностей, естественное право, законодательство, защита прав и свобод человека, общество, обычное право, позитивное право, правовая грамотность, правовые законы, регулятивная роль

Для цитирования: Маремкулов А. Н. Влияние дефицита юридических возможностей на реализацию естественных прав // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 44–50. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-44-50>. EDN QXOXWO

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The impact of a shortage of legal opportunities on the exercise of natural rights

Arsen N. Maremkulov

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia,
arsenmaremkulov@yandex.ru

Abstract

The purpose of this article is to show that the effective functioning of a rule-of-law state is based not just on knowledge of laws, but on a deep understanding of their value component. Only awareness of the priority of legal values allows citizens not only to formally comply with the regulations, but also to actively participate in building a just and harmonious society. This value-based approach based on the ideas of natural law assumes that legal norms are not an end in themselves, but serve as a tool for the realization of fundamental human rights and freedoms. The law becomes effective only when citizens perceive it not as restrictive measures, but as a guarantee of their rights.

Methods. In the process of researching the problem, the author used general scientific methods of cognition. Methods such as formal law, historical law, axiological, predictive, and comparative law were also used.

Results. The concept of a shortage of legal opportunities is introduced into scientific circulation, by which the author understands the state of the legal field, characterized by limited access to legal protection mechanisms, which makes it impossible for legal entities to effectively defend their interests under current legislation. According to the author, the legal self-realization of an individual from natural rights to an active civil society is not just the passive use of granted rights and freedoms, but an active, purposeful participation in the legal life of society. It is closely related to self-awareness as a bearer of natural rights that precede any positive right, and the desire to realize them in specific life situations. The problem lies not only in the volume of current legislation, but also in its quality, which leads to a noticeable imbalance between the demand for effective legal acts that improve the lives of citizens and the real supply from the legislative authorities.

Conclusions. The author highlights that insufficient elaboration of draft laws, lack of public discussion and consideration of expert opinions, and the adoption of acts under pressure from lobbying groups lead to the adoption of ineffective and contradictory laws. Legislative initiatives are often divorced from the real problems of citizens, and usually deviate from their natural content. The author believes that the basis of legal self-realization is the understanding of natural rights – inherent in a person from birth, the inalienable rights to life, freedom, and property, security, etc. It is the appeal to these fundamental principles that makes it possible to effectively use the regulatory potential of the current legislation and achieve fair solutions.

Keywords: civil society, the state, natural law, lack of legal opportunities, legislation, protection of human rights and freedoms, society, legal literacy, legal laws, positive law, customary law, regulatory role

For citation: Maremkulov A. N. The impact of a shortage of legal opportunities on the exercise of natural rights. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):44–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-44-50>. EDN QXOXWO

Введение

Рассматривая вопрос, связанный со свободой индивида, нельзя обойти проблему соотношения естественного права и права позитивного. На сегодняшний день, по нашему мнению, наметилась опасная тенденция значительного приоритета позитивного права. Назревшей необходимостью следует считать ответ на вопрос: тенденция движения от естественного права к позитивному – это опасный поворот или необходимая эволюция?

Мы должны осознавать, что отказ от естественного права в пользу позитивного права – это не просто смена юридической доктрины, а фундаментальный сдвиг в мировоззрении общества, затрагивающий основы правопорядка, морали и политической стабильности. Традиционно, естественное право, уходящее корнями к Аристотелю, утверждало о существовании неотъемлемых, предшествующих государству прав человека. Позитивное право, напротив, исходило из суверенитета государства и его права устанавливать законы, обязательные для всех граждан. Этот переход, наблюдаемый на протяжении истории, порождает сложные дискуссии.

Основная тревога, связанная с отказом от естественного права, – это потенциальное ослабление защиты фундаментальных прав человека. Позитивное право, будучи продуктом политического процесса, подвержено влиянию сиюминутных интересов, лоббирования и политической конъюнктуры. Стало обыденностью принятие законов и иных нормативных правовых актов, которые нередко отражают интересы правящей элиты или мощных групп в ущерб интересам граждан. Профессор Шапсугов Д. Ю. называет этот комплекс «нормативной юридической системой», являющейся «вместилищем» различных явлений, в том числе и неправовых. Эта система, по мнению автора: «в известной мере может быть индифферентной к своему содержанию и в этом смысле безразличной к потребностям и интересам человека» [1, с. 486].

Теоретические основы

К сожалению, история наполнена примерами, когда позитивное право использовалось для ущемления прав человека. Отсутствие прочной основы в универсальных, моральных принципах делает права человека уязвимыми перед произволами власти. Важно заметить, что позитивное право само по себе не является синонимом авторитаризма и уж тем более тоталитаризма. Существуют демократические правовые системы эффективно защищающие права человека в рамках позитивного права опираясь на конституционные ограничения власти. Вместе с тем, как показывает история, риск манипулирования правовыми нормами всегда существует.

Убеждены, что отказ от естественно-правового начала может подрывать легитимность правовой системы в глазах граждан. Если законы не воспринимаются как воплощение справедливости, основанной на объективных моральных принципах, доверие к власти уменьшается. Это в свою очередь может проявляться в гражданском неповиновении, росте протестных настроений и в конечном итоге дестабилизации политической системы. Важно прочувствовать, что легитимность – это не банальное подчинение закону, а глубокое убеждение в его справедливости, в его соответствии общественным ценностям. И когда это убеждение утрачивается возникает вакуум, который может заполниться всякого рода экстремистскими идеологиями.

Переход к доминированию позитивного права ставит под вопрос моральную ответственность государства и индивидов. При этом, если право не является выражением высших моральных принципов, то граница между дозволенным и недозволенным становится размытой, основанной лишь на волеизъявлении власти. Это в свою очередь может привести к ослаблению моральных установок общества и снижению ответственности за свои действия. Однако это не означает полного отрицания морали в рамках позитивного права. Существуют правовые нормы, направленные на защиту моральных ценностей, например, законы, предупреждающие насилие и дискриминацию. Вопрос заключается лишь в том, что

насколько эти нормы отражают общие моральные представления общества и насколько они защищены от политического давления.

По нашему мнению, полный отказ от естественного права в пользу чисто позитивного представляется опасным упрощением, которое существенно нас отодвигает от формирования эффективных механизмов предотвращения злоупотреблений и обеспечения защиты фундаментальных прав человека.

Принципы естественного права подразумевают, что каждая личность свободна до тех пор, пока её действия не ущемляют свободы и права других. Этот баланс между индивидуальной свободой и социальными обязательствами является ключевым для обеспечения гармоничного сосуществования в обществе.

Важнейшая задача на пути создания правового государства – это максимально насытить законодательство естественно-правовым содержанием. Современное гражданское общество, как никогда ранее, нуждается в прочной нравственно-правовой основе, которая обеспечивала бы защиту прав и свобод личности.

Однако, как показывает практика, влияние естественного права на законотворческую и правоприменительную деятельность государственных органов остается недостаточным. Это приводит к тому, что права человека и его интересы оказываются на периферии правового регулирования, уступая место интересам государственных структур. В условиях, когда государственные органы власти игнорируют эти ценности, происходит систематическое нарушение прав граждан, что в свою очередь подрывает доверие к правовой системе в целом. Многие законы и акты применения не отражают приоритеты личности, а вместо этого ориентированы на удовлетворение интереса государственных структур.

Это приводит к ситуации, когда граждане сталкиваются с избыточным количеством юридических и общественных обязанностей, что затрудняет их возможность пользоваться своими правами. Складывается своего рода **дефицит юридических возможностей**, при котором гражданин не может реализовать свои права и свободы в полной мере. Под **дефицитом юридических возможностей** мы понимаем состояние правового поля, характеризующееся ограничением доступа к механизмам правовой защиты, что приводит к невозможности для субъектов права эффективно отстаивать свои интересы в условиях действующего законодательства.

Подобный дефицит возможностей может иметь серьезные последствия для общества. Люди начинают терять веру в справедливость и эффективность правовой системы, что в свою очередь может привести к социальной напряженности. В конечном итоге это подрывает основы гражданского общества и его способность к саморегуляции. Для недопущения подобной ситуации. Необходимо прежде всего необходимо переосмысление роли естественного права в правоприменительные практики. Важно, чтобы государственные органы признавали проблему дефицита правовых возможностей и работали над ее устранением. Лишь тогда можно будет говорить о реальной защите прав граждан и создании справедливого общества. Государственные органы должны начать учитывать права и свободы личности как основополагающие принципы при разработке и реализации законов.

Но даже при наличии развитой законодательной базы и формального соблюдения законов, существенным препятствием на пути построения правового государства остается низкий уровень правового сознания граждан. Это не просто абстрактная проблема – она напрямую влияет на стабильность общества, экономическое развитие и качество жизни каждого человека. Суть проблемы кроется в глубоко укоренившемся правовом нигилизме, проявляющемся в неуважении закону, пренебрежении правовыми нормами и. что особенно опасно, в массовом распространении разного рода преступлений и правонарушений. К примеру, коррупция как яркий симптом правового нигилизма демонстрирует полную деградацию правового сознания и культуры. В коррупционных схемах ценности не просто игнорируются, а целенаправленно подменяются корыстными интересами.

Ущемление прав и свобод граждан, застой в развитии гражданского общества – все это следствия процветающего правового нигилизма. Однако проблема не только в отсутствии уважения к закону, но и в отсутствии доверия к государству. Восприятие гражданином правовых норм напрямую зависит от его опыта от взаимодействия с государственными органами. Если государство демонстрирует неэффективность на всех уровнях, произвол бюрократии, доверие к системе неизбежно снижается. Граждане перестают верить в силу закона, в справедливость правосудия, и, как следствие склоны игнорировать правовые нормы, считая их не работающим инструментом. Тирацуян Р. Х., затрагивая подобную ситуацию, справедливо отмечает: «Стремление членов общества к состоянию справедливости в наиболее важных сферах их жизни приобретает особую остроту при соприкосновении с теми или иными нормативно-правовыми актами, конкретными юридическими предписаниями, которые нередко вызывают болезненные эмоции, чувства разочарования, негодования, переживания» [2, с. 73]. Ситуация усугубляется, когда государство вместо заботы о благополучии граждан служит интересам элит, адаптируя законодательство под свои нужды, а не под нужды общества. Такой подход формирует циничное отношение к закону как инструменту манипуляции, а не средству защиты прав и свобод.

В современном обществе правосознание и правовое поведение членов общества формируются под воздействием множества факторов, среди которых важную роль играют коммуникативные аспекты. Эти факторы обеспечивают доступ к информации, что в свою очередь позволяет гражданам лучше ориентироваться в сложном мире законодательства и правоприменительной практики. С развитием новых технологий доступ к правовой информации стал более открытым и простым. Это в свою очередь значительно упрощает процесс осознания своих прав. Специализированные онлайн-платформы, информационные системы предоставляют доступ не только к законодательству, но и к аналитическим материалам, комментариям экспертов и актуальным новостям в области права.

Коммутативные факторы также позволяют гражданам более глубоко анализировать и оценивать позитивные и негативные стороны правовой системы. Благодаря активному обсуждению правовых вопросов в социальных сетях, форумах, блогах, у граждан появляется возможность обмениваться мнением и опытом. Это создает своеобразное общественное правосознание, которое в свою очередь влияет на индивидуальное восприятие правовых норм. Также примеры успешных и неудачных случаев правоприменения становятся доступными для широкой аудитории, что способствует формированию критического отношения к действующим нормам и стимулирует активное правовое поведение.

Граждане, обладая информацией о правовой жизни общества, должны более осознанно подходить к реализации своих прав и свобод. Это в итоге должно приводить к тому, что правосознание становится не просто абстрактным понятием, а реальной основой для действий, направленных на защиту своих интересов и улучшение правовой среды.

Для достижения нравственно-правовой среды в правовой жизни общества, основанного на максимальном включении естественно-правового содержания в действующие нормативные правовые акты, на наш взгляд, необходимо:

- приложить максимум усилий для увеличения регулятивной роли обычного права, к которому, к сожалению, законодатели зачастую относятся как пережитку правовой системы, игнорируя его сильные стороны, основанные на непререкаемом авторитете.

- перейти к реальному повышению правовой грамотности граждан, сделав акцент на важности естественного права и его роли в защите права человека.

Обозначая эти задачи следует отметить следующее:

1. Обычное право, которое представляет собой уникальную систему ценностей, сочетающую в себе индивидуальные права и общественные интересы. В условиях современного общества, где ценности индивидуализма и коллективизма часто вступают в противоречие, важно понять, как эти два аспекта могут сосуществовать и поддерживать друг друга. Индивидуальная свобода – это основополагающее право каждого человека действовать по собственному

усмотрению, это право необходимо для развития личности, самовыражения и творчества. Однако, как бы ни была важна свобода, она не должна ущемлять права и интересы других членов общества. Здесь и возникает необходимость в поиске компромисса между свободой личности и общественными интересами. Социальные обязательства в свою очередь требуют от индивидов учитывать интересы других. Обычное право, основанное на традициях и практике, играет и может продолжить играть ключевую роль в обеспечении этого баланса.

Важно понимать, что обозначенный баланс – это динамичный процесс, требующий постоянного внимания и переосмысления. Общество должно стремиться находить компромиссы, которые позволят каждому реализовывать свои права, не нарушая при этом права других. Уважение к традициям и нормам, формирующим наше общество, а также готовность к диалогу и сотрудничеству помогут создать гармоничное и устойчивое общество, в котором будут соблюдены интересы всех его членов. Убеждены: «что изучение роли обычного права, его регулятивных функций, будет иметь существенное значение, как для укрепления культурного наследия каждого народа, так и поддержания огромного потенциала, заключенного в этом правовом явлении» [3, с. 25].

2. Правовая грамотность является ключом к справедливому и демократическому обществу. В современном мире, характеризующемся сложным и постоянно меняющимся законодательством, правовая грамотность граждан перестала быть просто желательной компетенцией – она стала необходимым условием для полноценного участия в демократических процессах и эффективной защиты своих прав и свобод.

Исходный запрос на справедливость указывает на важность связи правовой грамотности с естественным правом. Естественное право, основанное на универсальных принципах и неотъемлемых правах человека, служит важнейшим ориентиром для законодательной деятельности. Законы отражающие принципы справедливости и защищающие естественные права формируют основу правового государства. Однако знание о существовании этих прав – это лишь первый шаг. Гражданин должен уметь применять эти знания на практике, понимать механизмы защиты своих прав и способы обращения в соответствующие инстанции. Повышение правовой грамотности – задача многогранная, требующая комплексного подхода и участия различных субъектов. Обозначим ключевые направления:

а) Правовая грамотность должна закладываться с раннего возраста. В школьную программу необходимо включать доступные и интересные курсы основ права, формирующие у школьников понимания базовых правовых понятий и принципов. В высших учебных заведениях правовые дисциплины должны быть адаптированы к потребностям различных специальностей, позволяя будущим специалистам ориентироваться в правовом поле своей профессиональной деятельности.

б) Создание и распространение доступных информационных ресурсов играет ключевую роль. Это включает в себя разработку простых и понятных сайтов, публикацию правовой информации, использование инфографики и видеороликов для объяснения сложных правовых вопросов. Важно, чтобы такая информация была доступна на различных языках и с учетом потребностей людей с ограниченными возможностями.

в) Расширение социальных проектов и инициатив. Проведение бесплатных правовых консультаций, организация семинаров и лекций, создание школ правовой грамотности – все это способствует повышению уровня правовой осведомленности населения. Особое внимание следует уделять уязвимым группам населения, которые часто сталкиваются с трудностями в защите своих прав. Существенного расширения и повышения роли требует уже существующая бесплатная юридическая помощь. Важным аспектом ее развития является расширение партнерства с вузами. Такое сотрудничество дает положительные плоды. Отмечая это сотрудничество специалисты справедливо отмечают, что: «Проблема перспектив и векторов развития юридического клинического образования, как одной из практико-ориентированных моделей образования является ключевым дискурсом на данном этапе его реализации в Российской Федерации» [4, с. 23].

В целом повышение правовой грамотности не просто задача, а стратегическая цель, способствующая формированию справедливого и демократического общества. Только граждане, осознающие свои права могут эффективно участвовать в общественной жизни, контролировать деятельность власти и обеспечивать собственную защиту.

Заключение

Таким образом, для формирования должной нравственно-правовой среды в гражданском обществе необходимо активное внедрение принципов естественного права в законодательную и правоприменительную деятельность. Игнорирование этих ценностей лишь усугубит существующие проблемы и приведет к дальнейшему отдалению личности от ее прав и свобод. Лишь совместными усилиями государства и общества можно создать правовую систему, которая будет служить защитой интересов каждого гражданина, не только государственных структур. Поэтому необходимо не только декларировать приверженность принципам естественного права, а последовательно внедрять их, а практику, обеспечивая реальную защиту прав и свобод граждан, независимо от политических убеждений, социального положения и других факторов. Только таким образом можно построить справедливое общество, основанное на принципах свободы, равенства и уважения человеческого достоинства.

Список источников

1. Шапсугов Д. Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Юрист, 2003. 685 с.
2. Маремкулов А. Н. К вопросу актуальности регулятивной роли обычного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 3. С. 24–29. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-24-29>. EDN GIPNCJ
3. Тирацун Р. Х. Естественное право и правовые законы в механизме обеспечения прав и свобод человека // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 6. С. 72–75.
4. Хабачилов М. Л., Эфендиев О. Ф. Футурологические аспекты бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Организация бесплатной юридической помощи: теория и практика; модели и перспективы. Нальчик, 2024.

References

1. Shapsugov D. Yu. *Problems of theory and history of power, law and the state*. Moscow: Yurist Publ.; 2003. 685 p. (In Russ.)
2. Maremkulov A. N. On the issue of the relevance of the regulatory role of customary law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(3):24–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-3-24-29>. EDN GIPNCJ
3. Tiratsuyan R. H. Natural law and legal laws in the mechanism of ensuring human rights and freedoms. *Humanities and socio-economic sciences*. 2011;(6):72–75. (In Russ.)
4. Khabachirov M. L., Efendiev O. F. Futurological aspects of free legal aid in the Russian Federation. In: *Organization of free legal aid: theory and practice.; models and prospects*. Nalchik; 2024. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Маремкулов – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

Information about the author

A. N. Maremkulov – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

О совершенствовании основ конституционного строя Республики Северная Осетия-Алания (к 30-летию принятия Конституции РСО-Алания)

Александр Михайлович Цалиев

Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет), Владикавказ, Россия,
armina-bagaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3406-462X>

Аннотация

Цель

Рассмотрение и анализ основ конституционного строя Республики Северная Осетия-Алания с тем, чтобы предложить совершенствование некоторых норм ее Конституции, предусмотренных и в основных законах других субъектов Российской Федерации. Отдельные из них могут быть учтены при дальнейшей законотворческой работе в иных субъектах РФ, где впервые предусмотрены также основы их конституционного строя. Последние не должны противоречить основам конституционного строя Российской Федерации, но это вовсе не означает их буквального воспроизведения, для обоснования чего приводятся убедительные аргументы.

Методы

С целью обоснования своих идей автором используются такие методы исследования, как сравнительно-правовой, исторический, логический и филологический, что позволило внести соответствующие предложения.

Результаты и выводы

По результатам исследования автором внесен ряд предложений. Впервые предлагается расширить законодательные основы народовластия в РСО-Алания за счет включения в них общественные организации и граждан. В качестве таковых в первой Конституции Северной Осетии 1918 г. являлись граждане и различные учреждения. В конституциях Северной Осетии 1937 и 1978 гг. законодательной инициативой обладали общественные организации в лице республиканских и соответствующих им органов. С учетом исторического опыта и современности в качестве субъектов законодательной инициативы нашей Республики предлагается включить такие общественные организации, как «Стыр Ныхас», в переводе на русский язык «Высший Совет осетин», «Общественная палата Республики Северная Осетия-Алания», а также граждан, не менее, чем 1000 жителей Республики, обладающих активным избирательным правом. Автор считает также необходимым исключить, во-первых, из системы органов, осуществляющих государственную власть, Контрольно-счетную палату и Избирательную комиссию Республики; во-вторых, запрет на государственную и обязательную идеологии. Положение о возможности изменения границ субъектов РФ впервые предлагается изложить в редакции советских конституций, как логично и правильно отражающую механизм формирования правовой нормы. К числу источников правовой системы РСО-Алания включить в качестве новой конституционной нормы прогрессивные осетинские обычаи.

Ключевые слова: государственная идеология, демократическое государство, Конституция Российской Федерации, Конституция РСО-Алании, обычное право, основы конституционного строя РСО-Алании, органы государственной власти, правовая идеология, правовое государство, социальное государство, территория

Для цитирования: Цалиев А. М. О совершенствовании основ конституционного строя Республики Северная Осетия-Алания (к 30-летию принятия Конституции РСО-Алания) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 51–61. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-51-61>. EDN XDRMYM

Problems of Constitutional and Administrative Law

Original article

On improving the foundations of the constitutional system of the Republic of North Ossetia-Alania (on the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Republic of North Ossetia-Alania)

Alexander M. Tsaliev

North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University),
Vladikavkaz, Russia, armina-bagaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3406-462X>

Abstract

Purpose

Consideration and analysis of the foundations of the constitutional system of the Republic of North Ossetia-Alania in order to propose the improvement of some of the norms of its Constitution, provided for in the basic laws of other subjects of the Russian Federation. Some of them can be taken into account in further legislative work in other subjects of the Russian Federation, where for the first time the foundations of their constitutional system are also provided. The latter should not contradict the foundations of the constitutional order of the Russian Federation, but this does not mean that they are literally reproduced, for which convincing arguments are given.

Methods

In order to substantiate his ideas, the author uses such research methods as comparative law, historical, logical and philological, which allowed him to make appropriate proposals.

Results and conclusions

Based on the results of the study, the author has made a number of suggestions. For the first time, it is proposed to expand the legislative framework of democracy in the Republic of North Ossetia-Alania by including public organizations and citizens. The first Constitution of North Ossetia in 1918 included citizens and various institutions as such. In the Constitutions of North Ossetia in 1937 and 1978, public organizations represented by republican and their respective bodies had the legislative initiative. Taking into account historical experience and modernity, it is proposed to include such public organizations as Styr Nykhas, translated into Russian as the Supreme Council of Ossetians, the Public Chamber of the Republic of North Ossetia-Alania, as well as citizens of at least 1,000 residents of the Republic who have active the right to vote. The author also considers it necessary to exclude, firstly, the Control and Accounting Chamber and the Election Commission of the Republic from the system of bodies exercising state power.; Secondly, the ban on state and compulsory ideology. The provision on the possibility of changing the borders of the subjects of the Russian Federation is proposed for the first time in the wording of the Soviet constitutions, as logically and correctly reflecting the mechanism of formation of the legal norm. To include progressive Ossetian customs as a new constitutional norm among the sources of the legal system of the Republic of North Ossetia-Alania.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitution of the Republic of North Ossetia-Alania, foundations of the constitutional system of North Ossetia-Alania, democratic state, legal state, social state, public authorities, territory, state

For citation: Tsaliev A. M. On improving the foundations of the constitutional system of the Republic of North Ossetia-Alania (on the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Republic of North Ossetia-Alania). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):51–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-51-61>. EDN XDRMYM

Введение

Актуальность исследования состоит в том, что в действующей Конституции РСО-Алания, в отличие от предыдущих ее конституций, впервые содержится новая отдельная глава, посвященная основам конституционного строя Республики, что требует своего анализа и объективной оценки. Другая проблема заключается в том, чтобы выявить, насколько она совпадает с основами конституционного строя Российской Федерации, закрепленными в ее 1-й главе и не вступают ли некоторые ее небольшие особенности в противоречие с Конституцией РФ. Обе проблемы и их разрешение являются целями исследования, поскольку имеют важное практически-правовое значение как для РСО-Алания, так и других субъектов Российской Федерации. Они особенно актуализируются в связи с существенными изменениями, внесенными в 2020 г. в Конституцию РФ, относящихся и адаптированных к современной внутренней и внешней обстановке, когда мир вступил в эпоху длительных, циничных и нетрадиционных технологических войн, с использованием искусственного интеллекта и ориентированных на открытое завоевание природных ресурсов, которые все больше истощаются во многих странах. Свежий пример тому – заявления нового Президента США Д. Трампа относительно Панамского канала, Гибралтара и Канады, где предлагается решить их судьбу с учетом национальных интересов США.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были использованы Конституция Российской Федерации, Конституция РСО-Алания и Основные законы субъектов РФ, федеральные и региональные законы, постановления и определения Конституционного Суда РФ, литература.

В статье используются такие методы исследования, как сравнительно-правовой, исторический, логический и филологический, что позволило выработать соответствующие предложения и внести их для совершенствования основ конституционного строя.

Результаты

Результаты сформулированы и всесторонне обоснованы в виде предложений, направленных на: совершенствование основ конституционного строя РСО-Алания в части расширения демократических основ законотворческой деятельности путем вовлечения в нее общественных организаций и граждан; обеспечение принципа разделения власти и в связи с этим исключение из состава органов, осуществляющих государственную власть Контрольно-счетной палаты и Избирательной комиссии РСО-Алания; расширение социальной направленности РСО-Алания за счет включения в ее Конституцию нормы о социальном государстве; улучшение редакции нормы о возможности изменения границ между субъектами РФ; исключение запрета на обязательную государственную идеологию; закрепление в Конституции РСО-Алания осетинских обычаев в качестве источников правовой системы.

Обсуждение

Существуют разные определения основ конституционного строя, но они во многом совпадают, указывая на их основополагающее значение. Основы конституционного строя профессор С. А. Авакьян определяет как закрепленные в конституции и реально существующие устои жизни общества и государства [1, с. 103], с чем следует согласиться как наиболее полно отражающие социально-правовую действительность конституционной материи. Они имеют основополагающее значение для других разделов как федеральной конституции, так и основных законов субъектов Российской Федерации.

Так, осетинский народ, в отличие от других народов, ставших разделенными при распаде СССР, оказался таковым, наоборот, в 1920-х гг. при установлении Советской власти и образования союзного государства. Одна его часть – северная, оказалась в составе РСФСР, как союзной республики советского государства, а другая южная, в составе Грузинской ССР.

Парадокс истории заключается в том, что это народ, который так отчаянно боролся за новую власть и за ее установление, что больше всех народов потерял значительную часть своих людей, особенно во время репрессий. Как правило, жертвами становились наиболее

известные, идейные и достойные представители своего народа. Поэтому логично и закономерно, что в основах конституционного строя республики предусмотрена ст. 16 следующего содержания: «Республика Северная Осетия-Алания строит свои отношения с Республикой Южная Осетия в соответствии с федеральным законодательством на основе этнического, национального, историко-территориального единства, социально-экономической и культурной интеграции».

Наряду со сказанным, необходимо продолжить совершенствование других норм основ конституционного строя РСО-Алания. Речь, прежде всего, идет о ст. 1 Конституции РСО-Алания, предусматривающей демократический характер Республики. В этом плане в ее Конституции закрепляются известные правовые нормы о народовластии, предусматривающие в ст. 3 положения о том, что «Единственным источником в Республике Северная Осетия-Алания является народ»; «В Республике Северная Осетия-Алания народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»¹.

Данные конституционные положения о народовластии необходимо раскрыть в других конституционных нормах, прежде всего, в ст. 76 Конституции РСО-Алания, где перечисляются субъекты законодательной инициативы. Согласно указанной статье, к ним относятся только органы государственной и местной власти Парламент, Глава, Правительство и Прокурор Республики, а также представительные органы местного самоуправления, Верховный и Арбитражный суды по вопросам их ведения. В других субъектах Российской Федерации число субъектов законодательной инициативы расширяется и носит разнообразный характер. Так, Закон г. Москва «О гражданской законодательной инициативе в г. Москве» от 11 декабря 2002 г. устанавливает, что 50 тысяч жителей Москвы могут инициировать принятие закона в Московской Городской Думе. В конституциях большинства республик и уставах областей предусматривается законодательная инициатива как народа, так и отдельных граждан. Так, в Санкт-Петербурге законодательная инициатива принадлежит почетным гражданам города, являющимися гражданами Российской Федерации и проживающими на территории Санкт-Петербурга. В ходе дальнейшей демократизации общественно-политической жизни в России, в законодательной инициативе будут рассматриваться требования, высказанные через «Интернет».

В субъектах Федерации используются и такие формы народовластия, как наказы избирателей, отчеты региональных органов исполнительной власти и их должностных лиц перед населением, публичные обсуждения проектов федеральных и региональных нормативных-правовых актов, отмечает Н.А. Михалёва. Реализация этих форм народовластия регламентируется региональным законодательством и требует гражданственности, достаточно высокой правовой культуры населения и диалог его с властью [2, с. 195]. Не думаю, что их было больше в феврале 1918 г., когда принималась 1-ая Конституция Северной Осетии. Тем не менее в ней, в отличие от действующей Конституции РСО-Алания, субъектами законодательной инициативы, наряду с Осетинским национальным Советом, являлись отдельные граждане и различные учреждения. В конституциях Северо-Осетинской АССР 1937 и 1978 гг. правом законодательной инициативы обладали также общественные организации в лице республиканских и соответствующих им органов. Поэтому ныне, когда РСО-Алания характеризуется как демократическое государство, вполне логичным является предоставление права законодательной инициативы таким известным республиканским общественным организациям, как «Стыр Ныхас» (Высший Совет осетин), «Общественной Палате РСО-Алания» и гражданам, обладающим избирательным правом, не менее, чем 1000 жителей республики.

¹ Конституция Республики Северная Осетия-Алания (принята Верховным Советом Республики Северная Осетия 12 ноября 1994 г.) (с изменениями и дополнениями) // «Северная Осетия» от 7 декабря 1994 г.

Республика Северная Осетия-Алания в той же ст. 1 своей Конституции характеризуется как правовое государство, основными свойствами которого являются, во-первых, связанность его правом, во-вторых, осуществление государственной власти на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Разделение властей не противоречит единству государственной власти, нераздельно принадлежащей российскому народу, но предполагает ее функциональную разделенность, исключаящую монополизацию власти каким-либо органом, как это имело место, например, в Советском государстве, провозгласившем всевластие Советов. Такой позиции придерживаются ведущие конституционалисты. Так, академик О.Е. Кутафин пишет, что «Говоря о единстве государственной власти следует подчеркнуть, что государственная власть едина в любом государстве. Однако, если в тоталитарных государствах такое единство обеспечивается насилием и созданной с этой целью организацией власти, то в демократических государствах единство государственной власти строится на ее организации в соответствии с принципом разделения властей» [3, с. 149]. При этом следует иметь в виду, что принцип разделения властей должен быть органично связан с конкретно историческими политическими, идеологическими, культурными и другими особенностями страны. И «совсем не потому, что требуются просто эти особенности», а потому что в «чистом, классическом нормативном виде он никогда не существовал и вряд ли может существовать» [4, с. 342].

Принцип разделения государственной власти и ее осуществления на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную был включен в Конституцию Российской Федерации в 1992 г. Данная норма закрепляется и в ст. 10 Конституции Российской Федерации 1993 г., а также в ст. 6 Конституции РСО-Алания. В соответствии с ней, в ст. 7. предусмотрено, что государственную власть РСО-Алания осуществляет Парламент, Глава республики, Правительство, суды РСО-Алания. Как член Конституционной комиссии Республики 1994 г., свидетельствую, что данные конституционные нормы поддерживали все члены Комиссии и депутаты Парламента РСО-Алания при принятии действующей Конституции Республики. Однако в середине 2000-х гг. Контрольно-счетная палата РСО-Алания, подготовила законопроект, согласно которому данный государственный орган предлагался включить к числу органов государственной власти. Ко мне, как Председателю Конституционного суда РСО-Алания, обратился руководитель вышеуказанного органа с просьбой поддержать этот законопроект. Мне пришлось убеждать его в том, что Контрольно-счетная палата не является органом государственной власти. И, на этом, вопрос, казалось бы, разрешился. Однако после того, как в ФКЗ от 8 декабря 2020 г. «О внесении изменений в отдельные законы Российской Федерации» были упразднены конституционные (уставные) суды субъектов РФ, снова в РСО-Алания подняли вопрос о включении Контрольно-счетной палаты в систему органов государственной власти.

На этот раз, авторы данной законодательной инициативы использовали все дипломатические приемы для реализации своей идеи. Они в свой законопроект включили и Избирательную комиссию РСО-Алания, которая по долгу службы сообщила, что выборы в Парламент состоялись в соответствии с законом. Кроме того, вопрос о принятии законопроекта решали только что избранные депутаты, абсолютное большинство которых не имеют никакого представления о законотворчестве, к тому же они в благодарность за утверждение их легитимности, конечно же поддержали его.

Данные государственные органы республиканским законом от 3 октября 2023 г. были включены в число органов государственной власти. Но они, во-первых, ни к одной из указанных ветвей власти не относятся, во-вторых не осуществляют государственную власть, хотя и обладают властными полномочиями, но всего лишь по осуществлению своих ведомственных задач. Во-третьих, аналогичные органы федерального уровня в Конституции РФ вообще не включаются в число органов государственной власти. В-четвертых, в ч. 1 ст. 77 Конституции РФ предусматривается, что система органов государственной власти субъектов РФ устанавливается в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации, что исключает возможность отнесения каких-либо иных органов государства

к традиционным органам государственной власти. В-пятых, этим признанным органом государственной власти посвящаются целые главы Конституции РСО-Алания, где подробно регулируются вопросы их организации, функции и полномочия, в то время как Избирательной комиссии и Контрольно-счетной палате посвящена лишь одна статья с их упоминанием и не более. В-шестых, они в основных законах других субъектов РФ также не указываются в числе органов государственной власти, поэтому невольно возникает вопрос о мотивах незаконного повышения их правового статуса. В-седьмых, в ст. 7 Конституции ныне одновременно предусматриваются разные статусные органы, избираемые народом – органы государственной власти, и образуемые ими, иные государственные органы. Получается, что и они ныне по статусу также вровень с Парламентом и Главой Республики, что в корне противоречит не только основам конституционного строя РСО-Алания, но ФЗ «Об общих принципах организации органов государственной власти в субъектах Российской Федерации, где в п. 7 ст. 2 предусматривается «разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную».

С учетом сказанного, Парламенту РСО-Алания необходимо вернуться к данному вопросу, чтобы исключить указанные государственные органы из ст. 7 Конституции РСО-Алания. Вместо них в данную статью следует включить мировых судей, которые в соответствии с ч. 3 ст. 118 Конституции РФ и региональным законодательством, являются судами субъектов РФ и представляют в них судебную власть региона, как обязательный атрибут государственности республик [5]. Несмотря на это, они не предусматриваются в ст. 7 и ст. 61 Конституции РСО-Алания в числе органов государственной власти республики. В то же время в ст. 6 Конституции РСО-Алания предусматривается судебная власть республики, но конкретно не указывается судебный орган ее осуществляющий. С учетом сказанного вполне очевидна необходимость совершенствования содержания некоторых из вышеуказанных статей. В частности, ст. 7 Конституции РСО-Алания после слов «Правительство Республики Северная Осетия-Алания», все остальное исключить, и вместо этого предусмотреть *«Мировые судьи Республики Северная Осетия-Алания»*. Такие же изменения необходимо внести в п. 3 ст. 61 Конституции республики.

На данном вопросе остановился столь подробно в связи с тем, что в некоторых субъектах РФ предпринимаются также попытки повышения правового статуса государственных указанных органов. В связи с этим было бы желательно, если бы их авторы ознакомились с настоящими суждениями, высказанными в «Северо-Кавказском юридическом вестнике».

В совершенствовании нуждаются также другие нормы основ конституционного строя РСО-Алания. Так, в отличие от Конституции РФ в них не закрепляется принципиально важная норма о том, что Северная Осетия является социальным государством. В то же время, в ее Конституции предусматриваются нормы социального характера. Так, в ст. 39 закрепляется что, «каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей, в иных случаях, установленных законом». В ст. 41 предусматривается, что «медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений». Указываются и иные конституционные нормы социальной направленности. Кроме этого, Парламент РСО-Алания принимает соответствующие законы, расширяющие законодательную базу социальной политики. Глава Республики вместе с Правительством проводит большую организационно-практическую работу по реализации указанных законодательных решений и принятия им социальных программ, свидетельствующих о создании РСО-Алания как социального государства.

С учетом сказанного в Конституции необходимо сформулировать норму следующего содержания: *«Республика Северная Осетия-Алания проводит социальную политику, направленную на формирование социального государства, где создаются условия для достойной жизни и свободного развития человека»*. Кроме того, в ст. 1 Конституции РСО-Алания,

где дается характеристика республики, как демократического правового государства необходимо добавить слово – «социального».

В дальнейшем правовом регулировании нуждается вопрос о территории и границах Северной Осетии. С учетом крайнего его малоземелья он во все времена был актуальным и острым, коим, без всяких оснований, делают его наши восточные соседи. Так, в ст. 11, принятой ими 27 февраля 1994 г. Конституции закреплено: «Возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Ингушетии». Еще ранее, в начале 1990-х гг., когда происходящие в стране социально негативные явления и процессы проникли также в законодательную сферу.

26 апреля 1991 г. был принят Федеральный закон «О территориальной реабилитации репрессированных народов». Разумеется, нет письменных доказательств того, чем и кем подогревалось принятие такого провокационного закона, которого нет ни в одной стране, но ведь всегда в таких ситуациях действуют общеизвестное признанное правило – «Кому выгодно?». И видимо несложно отыскать ответ на данный вопрос. В Осетии не возникает сомнения в том, что принятие данного закона инициировала крайне националистическая часть ингушского населения и они же осенью 1992 г. вероломно напали на часть территории Северной Осетии, пытаясь вооруженным путем завладеть ею. В результате, погибли сотни людей, еще большее количество было ранено, были разрушены дома и т.д. Однако это не стало уроком для федеральной власти, зато те силы, которые были заинтересованы в том, чтобы взорвать Российскую Федерацию изнутри, с помощью национальных конфликтов, спровоцированных территориальными претензиями, сделали для себя выводы и в ч. 3 ст. 67 принятой 12 декабря 1993 г. Конституции РФ предусмотрели норму о том, что «Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия». Как видно, в отличие от советских конституций, где данную статью начинали излагать с общего правила о невозможности изменения границ между субъектами РФ без их согласия, здесь упор сделали на возможность изменения границ, что придает ей явно провокационный характер.

Члены Конституционной комиссии осознавали, как происходящие законодательные кульбиты, так и преследуемые цели авторов такого законотворчества, среди которых все более активную роль играли американские советники. Поэтому мы настояли на том, чтобы в ч. 1 ст. 64 Конституции РСО-Алания сохранить прежнее ее содержание о неизменности границ в республике без ее согласия. Однако в начале 2004 г. Прокуратура РСО-Алании предложила Парламенту РСО-Алания данную конституционную норму привести в соответствии с Конституцией РФ, что и было сделано РКЗ от 22.06.2004 г. На мой взгляд, республиканская конституционная норма по существу никак не противоречила федеральной конституционной норме о возможности изменения границ между субъектами, с их взаимного согласия, поскольку речь шла всего лишь о редакции правовой нормы. В связи с этим, еще раз подчеркну, что изложение правовой нормы, с точки зрения логического толкования, всегда начинается с общего правила, то есть основ, «главного, на чем, строится что-нибудь» [6, с. 407]. Также по существу толкуется слово «принцип» – «основное, исходное положение теории, учения, науки и т.п.» [6, с. 528]. Вполне очевидно, что и одно и другое подчеркивают основное, главное, что вместе с тем в рамках закона допускает исключения из них. Именно поэтому в ч. 1. ст. 15 Конституции РФ предусматривается, что законы и иные правовые акты, не должны противоречить федеральной конституции, но это вовсе не означает буквального переписывания ее норм. Неслучайно, в соответствии со ст. 72 Конституции РФ в совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов находится обеспечение основных и региональных законов, с тем, чтобы в них в пределах возможного и права учесть исторические, национальные, конфессиональные и иные особенности что вытекает также из контекста ч. 3 ст. 3 ФЗ от 21 декабря 2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. Во всем этом я пытался убедить республиканских депутатов, но, к сожалению, прокурорское представление, на мой взгляд, вопреки логике и права, оказалось

более действенным. Практика свидетельствует, что иногда некоторые прокурорские работники, при исполнении своих ведомственных задач забывает, что у нас не унитарное, а федеративное государство, где субъекты наделяются определенными полномочиями, в том числе в сфере законодательства.

Уверен, что с принятием новой Конституции РФ указанная федеральная конституционная норма будет изложена в редакции советских конституций. В этом плане полностью поддерживаю Президента В.В. Путина в том, что в дальнейшем конституционном законодательстве нам придется использовать опыт прошлого законодательства.

В совершенствовании нуждается также ряд других конституционных норм. Речь прежде всего идет о ч. 2 ст. 12 предусматривающая положение о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной и государственной». Осознав ее ошибочность, более того, провокационную роль в политической и государственной жизни, появились публикации, в том числе автора данных строк, раскрывающие разрушительную роль указанной конституционной нормы. Она, как стало известно со временем, была написана под диктовку и настоянию американских кураторов-советников Б. Ельцина, которых в его администрации набралось более 2,5 тыс. чел.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения необходимость государственной идеологии, более того, многие задают вполне резонный вопрос, почему партии, профсоюзы, институты гражданского общества, религиозные объединения, научные сообщества, предприниматели, криминальные группы, могут иметь и имеют свою идеологию, а государству – важнейшему субъекту общественных отношений, в отличие от указанных социальных групп, на конституционном уровне запрещается иметь свою идеологию? Такая ошибочная политико-правовая установка направлена на ослабление, а не на укрепление государства. Во-первых, она практически лишает государство возможности мобилизации своих разнообразных ресурсов, для эффективного решения тех задач, ради которых оно создается обществом, и на налоги которого оно содержится. Во-вторых, закрывает дорогу к формированию объединяющей национальной идеи, позволяющей сплотить все российское общество в период демократических реформ и постперестроечных потрясений. В-третьих, открывает дорогу либеральной идеологии, существующая по факту в качестве государственной, но не отвечающая ментальным основам российского народа.

В последние годы все более очевидной становится необходимость отмены данной конституционной нормы, которая не содержится ни в одной конституции мира. Для формирования демократического государства достаточно других норм ст. 12 Конституции РСО-Алания, где в ч. 1 предусматривается, что «В Республике Северная Осетия-Алания признается идеологическое и политическое многообразие», а в части 3 закрепляется, что «общественные объединения равны перед законом». Данные конституционные нормы раскрывают широкие правовые возможности для субъектов политического процесса в демократическом развитии государства.

В сегодняшней внутренней обстановке, когда ведется специальная военная операция, когда кредит доверия к США и к странам коллективного Запада исчерпан, возникает острая необходимость в формировании национально-ориентированной государственной идеологии. Она уже начала формироваться и в той или иной степени и закрепляется в программных документах, федеральных законах, указах Президента РФ В. В. Путина. В Конституции РФ в части идеологии, ныне важное место занимает тема патриотизма, уважение человека труда, старших, приоритет семейного воспитания, социальная защита и помощь, социальное обеспечение, социальная справедливость. Этим и другим традиционным ценностям, составляющим основу современной государственной национальной идеологии, значительное внимание уделяется в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Из них, в части необходимости совершенствования современной государственной идеологии, следует особо выделить служение Отечеству и ответственность

за его судьбу. Необходимость государственной идеологии особенно очевидна в сфере государственной службы. Государственные служащие для того и нанимаются на работу, чтобы они решали те задачи, которое ставит перед ними государство в сфере внутренней и внешней политики. Они призваны следовать государственной идеологии и обеспечивать ее реализацию, иначе им не место на своей работе. Известные философы правильно отмечают, что «Идеология в той или иной степени присуща любой человеческой ассоциации, и в первую голову, конечно, государству» [7, с. 205].

С учетом сказанного, на мой взгляд, ч. 2 ст. 12 Конституции РСО-Алания следует исключить. Тем более, что это никак не противоречит Конституции РФ и федеральному законодательству, поскольку вопрос о государственной идеологии должен решаться на уровне Российской Федерации, а не отдельных ее субъектов. Кроме того, вполне резонно возникает вопрос: если в Конституции РСО-Алании не закрепили норму о социальном государстве, то почему в ней закрепляется норма о запрете обязательной и государственной идеологии?

В конституционализации нуждаются также важнейшие нормы неписаного права – осетинские обычаи и традиции, которые, как и других народов являются бесценным достоянием нашего многонационального народа. Они формировались столетиями, как важнейшие нормы обычного права, регулирующие общественные отношения не только на бытовом, но и на общественном уровне. Их социальная значимость и востребованность, становятся очевидной, тем более, когда все больше игнорируются нормы писанного права, закрепленные в соответствующих законах. Обычаи имеют не только прошлое, но также настоящее и будущее, поэтому их неприятие разрывает историческую связь времен. О социальной ценности и актуальности сохранения обычаев и традиций все чаще говорят в народе, различные общественные организации, пишут в публицистической и научной литературе, отмечают в своих выступлениях известные политические и государственные деятели.

По данному вопросу Президент В.В. Путин неоднократно высказывался в своих выступлениях на разных форумах, посланиях Федеральному собранию, адресованных российскому народу. Их значение предусматривается также в обновленной Конституции страны. Речь идет о таких новых ее положениях, как *преемственность поколений, передавших нам идеалы и веру в бога, почитание памяти защитников Отечества; воспитании патриотизма и гражданственности; уважение к старшим, приоритет семейного воспитания детей.*

Если говорить об осетинских обычаях, то они давно вызвали большой интерес у известных ученых европейского уровня и стали предметом научных исследований, где неизменно подчеркивается их самый высокий статус в общественном сознании и строгое, неуклонное их соблюдение.

Известный исследователь и знаток осетинских обычаев доктор права В. Б. Пфафф в 1871 г. отмечал: «У осетин, нет законов, но весь порядок их общежития основывается на обычаях, которые действуют со всей силою неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» [9]. В наше время Председатель Конституционного Суда России В. Д. Зорькин обращает внимание на социальную ценность норм неписаного права – обычаев и традиций. По его мнению, неписанные законы, составляют корневую основу в любой государственно-правовой системе. Они являются важными дополнительными регуляторами общественных отношений в разных сферах жизнедеятельности.

Ныне, на фоне падения норм морали и нравственности, обычаи, составляя основу духовной культуры, настолько востребованы в обществе, что государство посчитало нужным закрепить некоторые из них не только в Конституции РФ, но и в законодательстве. Так, в Гражданском кодексе РФ (ст. 2), законодательно закрепляется факт признания их в качестве источников права, расширяются возможности применения по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Об этом свидетельствует также Постановление Пленума Верховного суда от 31 мая 2015 г., согласно которому суды при разрешении споров в сфере гражданского права могут применять обычаи в разных сферах деятельности.

Заключение

С учетом сказанного, считаю необходимым в Конституции РСО-Алания предусмотреть, во-первых, аналогичное ст. 67.1 Конституции РФ положение о создании условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Во-вторых, с учетом социальной значимости осетинских обычаев как норм неписаного права в ст. 14 Конституции РСО-Алания предусмотреть п. 5 следующего содержания: «Осетинские обычаи являются историческим источником правовой системы Республики Северная Осетия-Алания».

В заключение отметим, что указанные предложения, как и ранее высказанные в статье, следует учесть не только при дальнейшем совершенствовании основ конституционного строя РСО-Алания, но и других субъектов Российской Федерации, поскольку они имеют практическое-правовое значение.

Список источников

1. Конституционное право России: учебный курс: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности "Юриспруденция": в 2 т. / С. А. Авакьян; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак.-т. 5-е изд., перераб. и доп. М: Норма: ИНФРА-М, 2014. Т. 1. 863 с.
2. Михалева Н. А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование); Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Московская государственная юридическая академия". 2-е изд., изм. и доп. М: ЮРКОМПАНИ, 2013. 447 с.
3. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М: Норма, 2008. 542 с.
4. Разделение властей: уч. пос. / [М. Н. Марченко и др.]; отв. Ред. М. Н. Марченко; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 2-е издание, переработанное и дополненное. М: Изд-во Московского ун-та: Юрайт, 2004. 427 с.
5. Цалиев А. М. Судебная власть как обязательный атрибут субъекта Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 151–159. <https://doi.org/10.12737/18703>
6. Ожегов С. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1982. 922 с.
7. Поздняков Э. А. Философия политики. 3-е изд., испр. и доп. М.: Весь мир, 2014. 544 с.
8. Пфафф В. Б. Народное право осетин. Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т. 1. 44 с.

References

1. Avakyan S. A. *Constitutional Law of Russia: a course of study*: in 2 volumes; Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Faculty of Law. - 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M; 2014. Vol. 1. 863 p. (In Russ.)
2. Mikhaleva N. A. *Constitutions and Charters of the Subjects of the Russian Federation (comparative legal study)*; State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow State Law Academy". 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: YURKOMPANI; 2013. 447 p. (In Russ.)
3. Kutafin O. E. *Russian constitutionalism*. Moscow: Norma; 2008. 542 p. (In Russ.)
4. Marchenko M. N. et al. *Separation of powers: a textbook for students*; editor-in-chief M. N. Marchenko; Lomonosov Moscow State University. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: Publishing house of Moscow University: Yurait; 2004. 427 p. (In Russ.)

6. Tsaliev A. M. Judicial power as an obligatory attribute of a subject of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2016;(4):151–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/18703>
7. Ozhegov S. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Russian Language; 1982. 922 p. (In Russ.)
8. Pozdnyakov E.A. *Philosophy of Politics*. 3rd ed., corrected. and additional. Moscow: Ves' mir, 2014. 544 p. (In Russ.)
9. Pfaff V. B. *People's Law of the Ossetians*. Collection of information about the Caucasus. Tiflis; 1872. Vol. 1. 44 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Цалиев – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой органов власти и публичного права Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ).

Information about the author

A. M. Tsaliev – Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Authorities and Public Law of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (GTU).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Правоэкспертная деятельность в позитивном публичном управлении

Леся Анатольевна Душакова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
dushakova-la@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2613-4280>

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу содержания правоэкспертной деятельности в публичном управлении, направленной на проведение различного рода исследований фактов, состояний, событий, документов, результаты которых создают условия и предпосылки решения административных дел различной предметной направленности. Анализ действующего законодательства и состояния правовой доктрины позволяют утверждать, что разработка вопросов правоэкспертной деятельности в публичном управлении является недостаточной, как с позиции содержания нормативного материала, так и с позиции объема и содержания теоретико-методологических исследований в этой области.

Цель. Обоснование возможности унификации представлений о правоэкспертной деятельности, понимания самой правовой экспертизы, ее соотношения со смежными категориями в интересах повышения качества и эффективности нормативной регламентации этого института публичного управления.

Методы. Эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Частно-научные методы: системное, грамматическое и логическое толкование. Специально-юридические методы: формально-юридический. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых-правоведов в области правовой экспертизы и экспертной деятельности.

Результаты. Правовая конструкция экспертно-оценочной деятельности до настоящего времени не получила завершеного теоретико-методологического и нормативного обоснования: не прослеживаются достаточных оснований для унификации представлений о правоэкспертной деятельности, для понимания самой правовой экспертизы, ее соотношения со смежными категориями, что негативно сказывается не только на установлении сущности и содержания экспертизы и правоэкспертной деятельности, но и препятствует развитию системных представлений об этом институте, а равно снижает качество его нормативной регламентации.

Выводы. Разнообразие и спецификация видов исследований, производимых в рамках позитивного публичного управления, не исключают возможность унификации стандартов экспертной деятельности и подходов к пониманию различного рода исследований экспертного и оценочного характера. Это может положительно сказаться на возможностях и качестве стратегического планирования, поскольку способно составить его эмпирическую основу. Ряд экспертиз может быть использован в целях исследования правосознания и архетипов правовой культуры, а равно юридино-антропологических характеристик отдельных социальных групп, что усилит аксиологический эффект стратегического планирования.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, нормативный правовой акт, нормотворчество, общественная экспертиза, оценка воздействия, проверка, проект нормативного правового акта, публичное управление, экспертиза, финансово-экономическое обоснование

Для цитирования: ДушакOVA Л. А. Правозэкспертная деятельность в позитивном публичном управлении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 62–73. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-62-73>. EDN YIVOUJ

Problems of Constitutional and Administrative Law

Original article

Legal expert activity in positive public governance

Lesya A. Dushakova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, dushakova-la@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2613-4280>

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the content of legal expert activities in public administration, aimed at conducting various kinds of research on facts, states, events, documents, the results of which create the conditions and prerequisites for solving administrative cases of various subject areas. An analysis of the current legislation and the state of legal doctrine suggests that the development of issues of legal expert activity in public administration is insufficient, both in terms of the content of normative material and in terms of the volume and content of theoretical and methodological research in this area.

Purpose. Justification of the possibility of unifying ideas about legal expert activity, understanding the legal expertise itself, its relationship with related categories in the interests of improving the quality and effectiveness of regulatory regulation of this institution of public administration.

Methods. Empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Private-scientific methods: systemic, grammatical and logical interpretation. Special legal methods: formal legal. The theoretical basis of the study was the work of domestic legal scholars in the field of legal expertise and expert activity.

Results. The legal construction of expert evaluation activities has not yet received a completed theoretical, methodological and regulatory justification: there are no sufficient grounds for unifying ideas about legal expert activity, for understanding the legal examination itself, its relationship with related categories, which negatively affects not only the establishment of the essence and content of the examination and legal expert activity, but also impedes the development of systemic ideas about this institution, and also reduces the quality of its regulatory regulation.

Conclusions. The diversity and specification of the types of research carried out within the framework of positive public management do not exclude the possibility of unifying the standards of expert activity and approaches to understanding various types of research of an expert and evaluative nature, which can positively affect the possibilities and quality of strategic planning, since they can form its empirical basis. A number of examinations can be used to study the legal consciousness and archetypes of legal culture, as well as the legal and anthropological characteristics of individual social groups, which will strengthen the axiological effect of strategic planning.

Keywords: anti-corruption expertise, regulatory legal act, rulemaking, public expertise, impact assessment, verification, draft regulatory legal act, public administration, expertise, financial and economic justification

For citation: Dushakova L. A. Legal expert activity in positive public governance. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):62–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-62-73>. EDN YIVOUJ

Введение

Значение правозащитной деятельности в публичном управлении трудно переоценить и вряд ли кто будет оспаривать. Это значение обусловлено функциональным предназначением правовых исследований в механизме правового регулирования, сориентированным на достижение качественных положительных результатов правотворчества, правоприменения и правотолкования и обеспечение возможности принятия юридически обоснованных решений, особенно в части принятия решений, имеющих социально значимые эффекты. Тем не менее, анализ действующего законодательства и состояния правовой доктрины позволяет утверждать, что разработка вопросов правозащитной деятельности в публичном управлении является недостаточной, как с позиции содержания нормативного материала, так и с позиции содержания теоретико-методологического сопровождения (понятие, сущность, система, методики, обоснованность правовых экспертиз в публичном управлении).

Теоретические основы

Вопросам правовой экспертизы, экспертной деятельности в целом посвящено много научных трудов. В сфере публичного управления большое значение имеет теория экспертизы и экспертной деятельности в сфере нормообразования и правотворчества, которой посвятили свои труды В. М. Баранов, С. Б. Поляков, В. А. Толстик и другие авторы [1–2]. Состоявшейся считается юридическая экспертология как направление в отечественной теории права [3, с. 3–4; 4; 5]. Экспертная деятельность позиционируется как одно из ключевых направлений деятельности органов публичной власти [6]. Предлагаются различные версии классификации правовых экспертиз [7–8]. В доктрине предложены к обсуждению исследования по отдельным видам экспертиз в публичном управлении [6; 8–10].

Результаты

Позитивное публичное управление (управление посредством реализации исполнительно-распорядительных полномочий) тесно связано с проведением различного рода исследований фактов, состояний, событий, документов и проч., результаты которых создают условия и предпосылки решения административных дел различной предметной направленности. Тем самым через публичное управление приводится в движение организационно-правовой механизм реализации прав и законных интересов граждан, а равно реализации базовых функций государства в области социально-экономического развития и обеспечения безопасной жизнедеятельности.

Элементом этого механизма выступает экспертная деятельность, правовая конструкция которой до настоящего времени не получила завершеного теоретико-методологического и нормативного обоснования: не прослеживаются достаточных условий для унификации представлений о правозащитной деятельности, для понимания самой правовой экспертизы, ее соотношения со смежными категориями (проверка, оценка). Это непосредственным образом сказывается не только на установлении сущности и содержания экспертизы и правозащитной деятельности, но и препятствует развитию системных представлений об этом институте, а равно снижает качество и эффективность его нормативной регламентации.

Обсуждение

В отечественной правовой науке имеет место значительное разнообразие подходов к определению понятия и сущности правовой экспертизы, ее систематизации. Как правило, правовая экспертиза позиционируется, исходя из своего первоначального значения, как определенного рода и с определенными целями (юридически значимыми) исследование конкретного объекта, которое базируется на основе специальных познаний и опыта и имеет формально выраженный результат (экспертное заключение) [11, с. 99–103].

Само понятие экспертизы, как известно, имеет общенаучное распространение [12, с. 7; 13, с. 58; 14, с. 16; 15, с. 10; 16, с. 15]. Словарное (энциклопедическое) значение понятия экспертизы также связано с представлением об исследовании.

Юридическая природа правовой экспертизы представляется многоплановой: ее можно рассматривать как одну из разновидностей экспертиз (исследований), используемых в науке и практике организации жизнедеятельности общества, как комплексный правовой институт, как специальную разновидность юридически значимой деятельности.

Кроме того, есть некоторые основания для разграничения правовой экспертизы и юридической экспертизы. Если первая предполагает исследование определенного рода объектов (документов, фактов) в целях подтверждения либо опровержения соответствия закону документов, действий, сделок, то вторая может рассматриваться в более широком значении, включая исследование экономических, технических и иных вопросов, способных повлиять на достижение юридически значимых целей (например, техническая экспертиза в ее различных проявлениях). В то же время в большинстве случаев эти понятия используются как тождественные.

В настоящее время единое понятие правовой экспертизы в национальной правовой системе не сформулировано, хотя отдельные, узкоспециальные подходы прослеживаются. В частности, Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ содержит понятие судебной экспертизы, которая проводится в рамках судопроизводства в целях формирования доказательственной основы принятия решения по делу [17, с. 153; 18, с. 52–53]; Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» предлагает соответствующую дефиницию²; есть и другие примеры. Некоторые аспекты правовой регламентации экспертиз и экспертной деятельности присутствуют в международно-правовом поле, но они не получили имплементации в российском законодательстве³.

Но количество приведенных примеров не снимает констатации факта отсутствия комплексного, систематизированного подхода законодателя к формированию единой модели и базовых начал экспертной деятельности. Обзор действующего регулирования свидетельствует об использовании в нормативных правовых актах различных подходов к формализации понятия экспертизы и экспертной деятельности: экспертиза определяется как анализ документов и информации⁴, как контрольное (надзорное) действие по проведению исследования⁵, как установление (оценка) соответствия⁶, как исследование⁷, как изучение документов⁸, как признание (установление) фактов (обстоятельств)⁹, как совокупность

¹ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

² Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экологической экспертизе» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

³ Постановление № 47-7 Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ «О модельном законе «Об экспертизе и экспертной деятельности» (Принято в г. Санкт-Петербурге 13.04.2018); Постановление № 39-8 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном законе «Об общественной экспертизе» (Принято в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013); Модельный закон о государственной экспертизе (Принят в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 Постановлением 20-7 на 20-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).

⁴ Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об экспортном контроле» // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3774.

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экологической экспертизе» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

⁷ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁸ Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об архивном деле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 43. Ст. 4169.

⁹ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 11.1995. № 48. Ст. 4563.

мероприятий по анализу документов и сведений¹, как действия эксперта или экспертов в целях формирования их мнения², как определение соответствия объектов экспертизы установленным требованиям³, как проверка достоверности⁴; экспертная деятельность как система действий по организации и производству экспертизы для обоснования принимаемых решений⁵. Обращает внимание отсутствие, как правило, официального понятие экспертной деятельности, что позволяет говорить об установлении его содержания и объема как синонимичного понятию экспертизы.

Во многих актах, предусматривающих возможность проведения той или иной экспертизы, ее понятие не приводится, соответственно, установить его можно только косвенно, исходя из оценки ее целей и оснований. В частности, очевидно, что дефиниция конкретного вида экспертизы дает основания далее полагать допустимый и значимый объем производимых в порядке исследования действий и делать выводы о его результатах. Иными словами, дефиниция правовой экспертизы должна давать необходимые основания для ее полной правовой конструкции. Например, если понятие экспертизы определяется через изучение или оценку соответствия, то это не дает никаких оснований говорить о внешней результативности такой экспертизы, поскольку изучение представляет собой внутренний, субъективный процесс, направленный на формирование собственного отношения к объекту изучения, не требующий дальнейших действий, но способный послужить основанием для них; а установление (оценка) соответствия составляет не суть экспертизы, а, скорее направлено на ее предмет и (или) задачи, в связи с чем можно отметить, что для действующего законодательства вообще характерно смещение собственно определения понятия экспертизы в сторону формулировки ее предметной области. Также вряд ли можно согласиться с пониманием экспертизы как действий эксперта (экспертов) в целях формирования их мнения, поскольку здесь проявляются признаки экспертной деятельности, направленной на производство экспертизы, но не самой экспертизы. То же самое можно сказать и об использовании понятия экспертизы как признания фактов (обстоятельств), поскольку такое признание (установление) может служить целью экспертизы, формализуемой в итоговом экспертном акте.

Формирование достоверной нормативной дефиниции, определяющей суть и содержание экспертизы, также позволит четко дифференцировать смежные правовые явления, активно проявляющиеся в сфере публичного управления. В частности, речь идет о разграничении понятий экспертизы, проверки и оценки. Если правовую экспертизу полагать исследованием данных (информации, документов и других объектов), подразумевая научно-познавательную триаду сбора, анализа и интерпретации данных, с целью получения нового знания, необходимого для объективного, целесообразного и законного решения конкретного вопроса в сфере публичного управления [19, с. 91–92], то проверка предполагает верификацию функционирования объекта контроля (надзора) в соответствии с установленными требованиями и нормами с использованием предусмотренных законом форм и методов. В этом смысле правовая экспертиза проявляется как один из методов такой верификации. Тому подтверждением является нормативный материал Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», в соответствии с которым экспертиза позиционируется как контрольное

¹ Федеральный закон от 28.12.2013 № 412-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» // СЗ РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6977.

² Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.

³ Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

⁴ Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О промышленной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 41.

⁵ Модельный закон «Об экспертизе и экспертной деятельности».

(надзорное) действие (в том числе, проверка) в рамках контрольного (надзорного) мероприятия. Здесь устанавливается понимание экспертизы как действия, хотя, по сути, речь идет об экспертной деятельности по производству экспертизы. В то же время представленное в указанном законодательном акте понятие экспертизы позволяет рассматривать это явление непосредственно как исследование, проводимое в целях верификации деятельности контролируемого лица. Но, независимо от интерпретации, очевидно, что экспертиза определяется потребностями проверки, и необходимость ее производства вытекает из задач проверки.

Понятие оценки полисеманлично, восходит к философии и в целом обозначает некоторый способ установления значимости того или иного объекта (явления, процесса) для конкретного субъекта (круга субъектов) [20, с. 108–124]. Право во многом основано на различного рода оценках, но в данном контексте подразумеваются вполне конкретные оценки (оценка соответствия, квалификации, условий труда, стоимости и др.).

Действующее регулирование неоднозначно характеризует соотношение оценки и экспертизы. В частности, оценка может использоваться как инструмент установления необходимой информации в целях подтверждения экономических характеристик используемого в обороте объекта¹; как инструмент подтверждения соответствия (аудит соблюдения обязательных требований; установление соответствия технических средств, механизмов и проч.; выявление факторов воздействия)². Оценка может иметь форму аккредитации, контроля или надзора, исследований (испытаний), а равно форму экспертизы. Соответственно, уже эти немногие примеры свидетельствуют о пересечении морфологии оценки и экспертизы, и не только, поскольку можно ставить вопрос о соотношении еще целого ряда категорий (аккредитация, аудит и др.).

В отдельных нормативных актах смысл института оценки позиционируется как тождественный с институтом экспертизы, в частности, за счет дефиниции экспертизы как оценки. В то же время, представляется, что такое тождество, допускаемое в определении явлений, не вполне корректно отражает соотношение их сущностей, хотя соотношение этих сущностей установить однозначно достаточно сложно.

С одной стороны, оценка, будучи элементом исследовательского процесса, является составляющей правовой экспертизы в контексте оценки данных, без которой экспертное исследование и последующие выводы не представляются возможными. Институт оценки так же, как и институт экспертизы, является способом верификации соответствия объекта управления предъявляемым требованиям. Но смысл института оценки состоит, прежде всего, в признании ценности (положительной, отрицательной, нулевой) объекта оценивания для обеспечения жизнедеятельности личности, общества, государства, прежде всего, в интересах безопасности такой жизнедеятельности. Соответственно, если экспертиза означает исследование в целях установления фактов, обстоятельств, состояний, то оценка связана признанием (отсутствием признания) ценности и значимости конкретного объекта, что позволяет ввести этот объект в правовой оборот (путем признания статуса, безопасного состояния и проч.). В то же время, оценка может быть положена в основу заключения по результатам проверки; кроме того, экспертиза может выступать одним из этапов оценки.

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О государственной кадастровой оценке» // СЗ РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4170 и др.

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007; Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; Федеральный закон от 01.07.2011 № 170-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3881; Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133 и др.

С другой стороны, смысл некоторых производимых оценок, исходя из их целей и порядка проведения, могут рассматриваться как правовые экспертизы. Наиболее отчетливо это проявляется в части оценки нормативных актов и проектов нормативных актов. В отношении проектов нормативных актов оценка регулирующего воздействия¹ выполняет роль экспертизы акта на этапе его проектирования.

Изложенное позволяет утверждать, что единый концепт понятия правовой экспертизы все же необходим. Формировать его имеет смысл, отталкиваясь от исследовательского начала экспертизы. Соответственно, о правовой экспертизе в целом можно рассуждать как об исследовании данных (в широком их понимании – исследование документов, информации, фактов, объектов, обстоятельств). В сфере публичного управления экспертизу следует рассматривать как исследование, производимое по запросу уполномоченных субъектов публичной власти (иных уполномоченных субъектов, осуществляющих функции публичного управления), в целях установления имеющих юридическое значение фактов, обстоятельств, состояний, в установленном порядке (по установленной процедуре, с использованием необходимых и допустимых методов и средств – экспертная деятельность), результаты которого (заключение) могут быть положены в основу решений, принимаемых субъектами публичной власти (иными уполномоченными субъектами, осуществляющими функции публичного управления).

Круг оснований, допустимых в целях систематизации проявлений правовой экспертизы, достаточно широко описан в научных источниках. Авторы предлагают различные критерии, демонстрирующие специфику проявлений правовых экспертиз: по видам юридической деятельности; по объекту исследования и по количеству исследуемых объектов; по объему исследования; по кругу субъектов, принимающих решения о проведении экспертизы; по кругу субъектов, осуществляющих исследование; по времени проведения (последовательности); по месту проведения; по связи с судебной-процессуальной деятельностью; по виду юридического процесса; по связи эксперта с государством и др. [3; 21]

Система правовых экспертиз в публичном управлении вполне может быть описана с использованием всех указанных критериев. Кроме того, эта система может включать критерий, вытекающий из дифференциации публичного управления на бесконфликтное (неконфликтное, бесспорное, позитивное) и конфликтное (спорное, негативное, юрисдикционное). Этот критерий обладает некоторой долей условности, поскольку любое позитивное решение, принятое в порядке реализации публично-властных полномочий, может приобрести конфликтный характер. В этом контексте и правовые экспертизы бесконфликтного управления могут быть использованы как инструмент доказывания в управлении юрисдикционного характера. При этом сами экспертизы имеют нейтральный характер и выступают инструментом обоснования решения (позиции) по конкретному вопросу. В то же время результаты экспертизы могут порождать спорную ситуацию, преодоление которой возможно, в том числе, путем производства повторной или альтернативной экспертизы.

Правовые экспертизы неконфликтного управления в этом случае имеют место и в правотворчестве, и в правоприменении. Если публичное управление рассматривать в узком смысле, то эта категория правовых экспертиз вытекает из реализации уполномоченными органами, организациями и лицами исполнительно-распорядительных полномочий на всех уровнях организации публичной власти. Здесь правовая экспертиза органично вписывается в структуру административного процесса, выступая одним из этапов

¹ Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 (ред. от 13.07.2024) «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7491; Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 15.11.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

административного производства. Правовые экспертизы неконфликтного управления здесь будут связаны с административно-процедурными производствами правотворческого и правонаделительного характера.

Состав экспертиз ведомственного нормотворчества определяется прежде всего Постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»¹, нормативный материал которого позволяет выделить ряд экспертных практик: собственно, правовая экспертиза, антикоррупционная экспертиза (официальная и независимая), финансово-экономическое обоснование акта, оценка воздействия. Правовая экспертиза здесь формально не определена ни по содержанию, ни по объему, ни по технологии производства, ни по кругу субъектов, но очевидно связана исключительно с оценкой текста акта на соответствие действующему законодательству (в широком значении). В то же время очевидно, что правовая экспертиза должна предполагать (и в нормотворческой практике предполагает) лингвистическую и юридико-техническую оценку проекта нормативного акта.

Оценка воздействия в контексте Постановления № 1009 вполне оправдывает свое наименование, но, кроме того, учитывая, что одна из задач оценки состоит в устранении нечетких формулировок и положений проектов нормативных актов, оценка приобретает смысл юридико-технической экспертизы. Также значение оценки имеет финансово-экономическое обоснование принимаемого акта.

Смешанную природу имеет антикоррупционная экспертиза проектов нормативных актов², поскольку, с одной стороны, предполагает исследование акта на соответствие требованиям законодательства, с другой стороны, осуществляется в целях поиска коррупциогенных факторов на основе технико-юридического исполнения его текста (например, определение компетенции по формуле «вправе») и при этом юридико-лингвистическая неопределенность выступает в качестве самостоятельного коррупциогенного фактора. В то же время антикоррупционная экспертиза представляет собой своего рода оценку воздействия, поскольку предполагает исследование потенциального воздействия проектируемого регулирования на вполне конкретное состояние общественных отношений - и в этом ее основная цель. Таковую же природу, как представляется, имеет научная экспертиза.

Антикоррупционная экспертиза может проводиться независимыми экспертами, хотя независимость здесь обусловлена и ограничена признанием статуса эксперта органом юстиции (официальная оценка как условие проведения экспертизы). Независимая антикоррупционная экспертиза в совокупности с научной экспертизой и обязательностью предварительного обсуждения проектов общественно значимых актов на заседаниях общественных советов при федеральных органах исполнительной власти³ позволяют говорить об общественной экспертизе в рамках ведомственного нормотворчества. Последняя, так же как и антикоррупционная экспертиза, имеет смысл прежде всего оценки, а не экспертизы.

¹ Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 15.11.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895; URL: <http://pravo.gov.ru> - 18.02.2023.

² Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609; Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 20.04.2024) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084; Методические рекомендации «Организация в федеральных органах исполнительной власти антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов» (одобренны президиумом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции, протокол от 25.09.2012 № 34).

³ Постановление Правительства РФ от 01.09.2012 № 877 (ред. от 21.12.2023) «Об утверждении состава нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых федераль-

Таким образом, процедуры ведомственного нормотворчества предусматривают правовую экспертизу, которая имеет природу и назначение именно как экспертиза, два вида оценки акта (оценка воздействия и финансово-экономическое обоснование) и ряд исследований смешанной юридической природы. При этом все исследования проектов нормативных актов можно дифференцировать на два вида с принципиально различными целями – правовая экспертиза в том значении, которое ей придается Постановлением № 1009, и рисковая экспертиза, направленная на предвосхищение негативных последствий принятия акта (все остальные исследования). Эта позиция может рассматриваться как потенциально возможный критерий для разграничения собственно экспертизы и оценки в их юридическом значении. Первую также можно интерпретировать как рисковую, поскольку всегда есть риск признания в установленном порядке акта несоответствующим действующему законодательству, но она предполагает в качестве ключевой цели не оценку потенциального воздействия на регулируемые отношения, а исследование качества самой «ткани» нормативного акта в аспекте его юридически грамотного включения в общее правовое поле в соответствии с требованиями разработки текста нормативного акта (исследование юридической адекватности акта).

В то же время все исследования проекта нормативного акта можно аккумулировать понятием правовой экспертизы, учитывая, что все исследования являются юридически значимыми и могут негативно повлиять на судьбу акта (проекта акта). В этом смысле неудачным выглядит закрепление объема и содержания самой правовой экспертизы в Постановлении № 1009. По всей видимости, следует в качестве единственного обобщающего понятия использовать понятие «правовая экспертиза», в отношении которого нормативно определить его объем и содержание, которые дополнить иными оценками проекта акта как составными элементами правовой экспертизы, которые используются в установленных случаях, тем более юридическая адекватность акта тесно взаимосвязана с его социально-политической и экономической адекватностью.

В рамках правонаделительных позитивных процедур публичного управления можно наблюдать весьма значительное разнообразие экспертных практик, что обусловлено спецификой исполнительной-распорядительной деятельности, построенной на непрерывном принятии решений, требующих обоснования. И здесь также можно рассуждать о том, что терминология используется не всегда достаточно мотивировано. Если исходить из критерия рисковости, то, в частности, экологическая экспертиза¹ или экспертиза культурных ценностей² имеют юридическую природу оценки, несмотря на используемый термин, тогда как этнокультурная экспертиза³ видится как исследование смешанной юридической природы (экспертиза (в части реализации права на культурную самобытность и возможность управления культурным многообразием) и оценка (например, экономическая оценка традиционного природопользования этноса)); исследованием смешанной юридической природы представляется и религиоведческая экспертиза⁴, и ряд других.

ными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти» // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4997.

¹ Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экологической экспертизе» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556; Постановление Правительства РФ от 28.05.2024 № 694 «Об утверждении Положения о проведении государственной экологической экспертизы» // СЗ РФ. 2024. № 23 (часть I). Ст. 3175.

² Постановление Правительства РФ от 14.09.2020 № 1425 (ред. от 06.11.2024) «Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение» // СЗ РФ. 2020. № 38. Ст. 5899.

³ Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

⁴ Приказ Минюста России от 18.02.2009 № 53 (ред. от 12.11.2024) «О государственной религиоведческой экспертизе» // Российская газета. № 43. 13.03.2009.

Заключение

Безусловно, каждый вид исследования, в форме экспертизы или в форме оценки, имеет свои особенности по целям и задачам, кругу субъектов, которые производят экспертизы и которые в них заинтересованы, по технологиям производства, юридическим последствиям. Тем не менее, это не означает отсутствие необходимости унификации стандартов экспертной деятельности и подходов к пониманию различного рода исследований экспертного и оценочного характера, основанных на представлениях о специальных знаниях.

Кроме того, унификация подхода может положительно сказаться на возможностях и качестве стратегического планирования, тем более что многие экспертизы могут быть положены в его основу (например, результаты этнокультурной экспертизы могут быть использованы в рамках планирования и реализации государственной национальной политики¹). Кроме того, ряд экспертиз могут быть использованы в целях исследования правосознания и архетипов правовой культуры, а равно юрико-антропологических характеристик отдельных социальных групп, что усилит аксиологический эффект стратегического планирования (например, этнокультурная и религиоведческая экспертизы). В этой связи представляется возможным обсуждать правокультурные основы правовой экспертизы нормативных актов (проектов нормативных актов), что соответствует новым вызовам национальной безопасности² и политике защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти³ и позволит усилить государственную информационную политику, направленную на усиление роли традиционных ценностей в массовом сознании и противодействие распространению деструктивной идеологии.

Публичное управление представляет собой динамично развивающийся механизм, адаптирующийся к реалиям времени и обусловленный особенностями политико-правового развития общества и государства, что создает предпосылки для совершенствования правоэкспертной деятельности, возникновения и развития новых видов правовых исследований позитивного управления и актуализирует развитие соответствующей доктрины и правового регулирования.

Список источников

1. Методика правовой экспертизы сущности изменений в законодательстве: инструктивно-методическое издание / С. Б. Поляков, Н. С. Титов, Е. В. Власова, А. В. Устинова. Пермь, 2014. 83 с.
2. Толстик В. А. Некоторые проблемы обеспечения социальной адекватности закона // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 158–161.
3. Закиров И. А. Правовая экспертиза: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 190 с.
4. Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. 56 с.
5. Ралдугин Н. В. Правовая экспертиза проектов федеральных законов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 46 с.

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477; Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 13.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» // СЗ РФ. 2017. № 2 (Часть I). Ст. 361.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

6. Дементьев А. Н., Дементьева О. А., Бондарь В. Н. Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации: монография / под ред. А. Н. Дементьева. М.: НОРМА, 2020. 230 с.
7. Журкина Е. В. Правовая экспертиза нормативного правового акта как средство повышения эффективности законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 178 с.
8. Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие. М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. 366 с..
9. Клисторин В.И. Экспертиза экономических решений органов исполнительной власти // ЭКО. 2009. № 11. С. 31–56.
10. Леонтенкова Е. А. Виды этнокультурных экспертиз по действующему российскому законодательству // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). DOI: 10.36511/2078-5356-2022-2-204-210
11. Корнилов А. Р. Правовая экспертиза: понятие, виды, цифровизация // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». Выпуск 1/2020. DOI: 10.25586/RNU.V9276.20.01.P.099
12. Анализ результатов тематических экспертиз и управленческих решений по улучшению качества амбулаторной медицинской помощи (опыт г. Санкт-Петербурга) / М.А. Карачевцева, С.М. Михайлов, А.В. Пахомов [и др.] // Менеджмент качества в сфере здравоохранения и социального развития. 2012. № 4 (14). С. 6–13. EDN: PIXVDT
13. Еленский А. В. Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 57–69.
14. Киселева Е. В. Педагогическая экспертиза процесса воспитания в образовательной организации: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2020. 50 с.
15. Новикова Т. Г. Теоретические основы экспертизы инновационной деятельности в образовании: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. 45 с.
16. Шадрин В. В. Методология и организация бухгалтерской экспертизы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Саратов, 2006. 34 с.
17. Аюпов А. Д. Назначение судебной экспертизы в арбитражном процессе и оценка ее результатов // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 11 (144). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.149-159
18. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. М.: ФЛИНТА, 2020. 300 с.
19. Корепина А. В. Задачи экспертной деятельности в сфере государственного управления: категориальный анализ // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 3 (116). DOI: 10.24158/per.2023.3.12
20. Сутужко В.В. Структура, принципы и классификация понятия «оценка» // Epistemology and Philosophy of Science. 18 (4):108-124 (2008). DOI: 10.5840/eps200818411
21. Разуваев А. А. Экспертиза как средство повышения эффективности процесса правореализации (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 26 с.

References

1. *Methodology of legal examination of the essence of changes in legislation: instructional and methodical edition*. S. B. Polyakov, N. S. Titov, E. V. Vlasova, A.V. Ustinova. Perm; 2014. 83 p. (In Russ.)
2. Tolstik V. A. Some problems of ensuring the social adequacy of the law. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(22):158–161. (In Russ.)
3. Zakirov I. A. *Legal expertise*: dissertation of the candidate. jurid. N. Novgorod; 2008. 190 p. (In Russ.)
4. Polenina S. V. *The quality of the law and the effectiveness of legislation*. Moscow; 1993. 56 p. (In Russ.)
5. Raldugin N. V. *Legal expertise of draft federal laws*. Moscow; 1998. 46 p. (In Russ.)

6. Dementyev A. N., Dementyeva O. A., Bondar V. N. *Expertise of regulatory legal acts in the field of industrial policy implementation in the Russian Federation: a monograph*. Edited by A. N. Dementyev. Moscow: NORM; 2020. 230 p. (In Russ.)
7. Zhurkina E. V. *Legal expertise of a normative legal act as a means of increasing the effectiveness of legislation*: dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow; 2009. 178 p. (In Russ.)
8. Kudashkin A. V. *Anti-corruption expertise: theory and practice: a scientific and practical guide*. Moscow: Norma, INFRA-M; 2012. 366 p. (In Russ.)
9. Klistorin V. I. Expertise of economic decisions of executive authorities. *ECO*. 2009;(11):31–56. (In Russ.)
10. Leontenkova E. A. Types of ethnocultural expertise in accordance with the current Russian legislation. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;2(58). (In Russ.). DOI: 10.36511/2078-5356-2022-2-204-210
11. Kornilov A. R. Legal expertise: concept, types, digitalization. *Bulletin of the Russian New University. The series "Man and Society"*. Issue 1/2020. (In Russ.). DOI: 10.25586/RNU.V9276.20.01.P.099
12. Analysis of the results of thematic examinations and management decisions to improve the quality of outpatient medical care (the experience of St. Petersburg). M.A. Karachevtseva, S.M. Mikhailov, A.V. Pakhomov [et al.]. *Quality Management in the field of health and social development*. 2012;4(14):6–13. EDN: PIXVDT. (In Russ.)
13. Elensky A. V. Political expertise: genesis, concept and cognitive possibilities. *Questions of Philosophy*. 2011;(2):57–69. (In Russ.)
14. Kiseleva E. V. *Pedagogical expertise of the education process in an educational organization*: abstract of the dissertation. ... Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow; 2020. 50 p. (In Russ.)
15. Novikova T. G. *Theoretical foundations of the examination of innovation in education*: abstract of the dissertation. ... Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow; 2006. 45 p. (In Russ.)
16. Shadrin V. V. *Methodology and organization of accounting expertise*: abstract of the dissertation. ... Doctor of Economics. Saratov; 2006. 34 p. (In Russ.)
17. Ayupov A. D. Appointment of judicial examination in the arbitration process and evaluation of its results. *Actual problems of Russian law*. 2022;17(11(144)). (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.149-159
18. Brinev K. I. *Forensic linguistic expertise: methodology and methodology*: monograph. Moscow: FLINTA; 2020. 300 p. (In Russ.)
19. Korepina A. V. Tasks of expert activity in the field of public administration: categorical analysis. *Society: politics, economics, law*. 2023;3(116). (In Russ.). DOI: 10.24158/pep.2023.3.12
20. Sutuzhko V. V. Structure, principles and classification of the concept of "assessment". *Epistemology and Philosophy of Science*. 2008;18(4):108-124. (In Russ.). DOI: 10.5840/eps200818411
21. Razuvaev A. A. *Expertise as a means of increasing the effectiveness of the legal realization process (issues of theory and practice)*: abstract of the dissertation ... Cand. jurid. sciences'. Saratov; 2006. 26 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. А. Душакова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и служебного права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

L. A. Dushakova – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative and Service Law, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Конституционно-правовые аспекты соотношения частных и публичных интересов в законодательстве о банкротстве

Марина Александровна Мокосеева¹, Дарья Андреевна Галямова²

^{1,2}Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

¹pvl_mkstv@mail.ru

²d_galiamova00@mail.ru

Аннотация

Цель. Исследование конституционно-правовых аспектов соотношения частных и публичных интересов в законодательстве о банкротстве, а также анализ роли государства в регулировании правоотношений, связанных с банкротством.

Методы. Методологическую основу исследования составляют анализ нормативно-правовых актов, судебной практики и научных трудов, посвященных проблемам банкротства. В статье рассмотрены исторические предпосылки формирования института банкротства, а также современные подходы к балансу частных и публичных интересов в данной сфере. Автор выделяет ключевые задачи государства как регулятора, так и участника правоотношений о банкротстве, подчеркивая необходимость соблюдения равенства прав всех субъектов.

Результаты. Результаты исследования показывают, что публичный интерес в банкротстве направлен на обеспечение стабильности экономики, защиту прав неопределенного круга лиц и предотвращение злоупотреблений. В то же время частные интересы кредиторов и должников должны учитываться в равной степени.

Обсуждение.

Соотношение частных и публичных интересов в банкротстве является одной из наиболее сложных проблем современного права. С одной стороны, государство должно минимизировать вмешательство в частные правоотношения, чтобы не нарушать принцип автономии воли участников гражданского оборота. С другой стороны, публичный интерес требует активного участия государства в регулировании банкротства, особенно в случаях, когда банкротство крупных корпораций или массовое банкротство средних предприятий может привести к дестабилизации экономики. Анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что суд признает допустимость публично-правового вмешательства в частноправовые отношения, но при этом последовательно подчеркивает необходимость соблюдения баланса интересов всех участников правоотношений. Однако вопрос о том, насколько эффективно этот баланс соблюдается на практике, остается открытым и требует дальнейшего исследования.

Выводы. В качестве вывода предлагается закрепить в законодательстве о банкротстве принцип обеспечения баланса частных и публичных интересов, а также установить четкие правила участия государственных органов в процедурах банкротства для предотвращения перевеса публичных интересов.

Ключевые слова: арбитражные суды, баланс интересов, Верховный Суд, государственное регулирование, законодательство о банкротстве, Конституционный Суд, несостоятельность, процедуры банкротства, публичный интерес, частные интересы в банкротстве, экономическая стабильность

Для цитирования: Мокошеева М. А., Галямова Д. А. Конституционно-правовые аспекты соотношения частных и публичных интересов в законодательстве о банкротстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 74–82. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-74-82>. EDN YWGDLT

Problems of Constitutional and Administrative Law

Original article

Constitutional and legal aspects of the relationship between private and public interests in bankruptcy legislation

Marina A. Mokoseeva¹, Darya A. Galyamova²

^{1,2}Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

¹pvl_mksev@mail.ru

²d_galiyama00@mail.ru

Abstract

Purpose. The study of the constitutional and legal aspects of the relationship between private and public interests in bankruptcy legislation, as well as the analysis of the role of the state in regulating legal relations related to bankruptcy.

Methods. The methodological basis of the research is the analysis of regulatory legal acts, judicial practice and scientific works devoted to the problems of bankruptcy. The article examines the historical prerequisites for the formation of the bankruptcy institution, as well as modern approaches to balancing private and public interests in this area. The author highlights the key tasks of the state as a regulator and participant in bankruptcy relations, emphasizing the need to respect the equality of rights of all subjects.

Results. The results of the study show that the public interest in bankruptcy is aimed at ensuring the stability of the economy, protecting the rights of an indefinite circle of people and preventing abuse. At the same time, the private interests of creditors and debtors should be taken into account equally.

Discussion. The relationship between private and public interests in bankruptcy is one of the most difficult problems of modern law. On the one hand, the state should minimize interference in private legal relations so as not to violate the principle of autonomy of the will of participants in civil turnover. On the other hand, the public interest requires the active participation of the state in bankruptcy regulation, especially in cases where the bankruptcy of large corporations or the mass bankruptcy of medium-sized enterprises can lead to economic destabilization. An analysis of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation shows that the court recognizes the permissibility of public law interference in private law relations, but at the same time consistently emphasizes the need to balance the interests of all participants in legal relations. However, the question of how effectively this balance is maintained in practice remains open and requires further investigation.

Conclusions. As a conclusion, it is proposed to consolidate the principle of ensuring a balance of private and public interests in bankruptcy legislation, as well as establish clear rules for the participation of government agencies in bankruptcy proceedings to prevent a preponderance of public interests.

Keywords: private interests in bankruptcy, public interest, state regulation, balance of interests, bankruptcy legislation, insolvency, arbitration courts, Constitutional Court, Supreme Court, economic stability, bankruptcy procedures

For citation: Mokoseeva M. A., Galyamova D. A. Constitutional and legal aspects of the relationship between private and public interests in bankruptcy legislation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):74–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-74-82>. EDN YWGDLT

Введение

Дела о банкротстве юридических и физических лиц составляют значительную часть споров в арбитражных судах России, и их количество продолжает расти. Это делает актуальным исследование вопросов эффективности государственного регулирования несостоятельности (банкротства), особенно в контексте баланса частных и публичных интересов. Исторически институт банкротства формировался как механизм защиты частных интересов кредиторов и должников, однако с развитием экономики и усложнением общественных отношений государство стало играть более активную роль в регулировании этих процессов. Целью данной статьи является анализ конституционно-правовых аспектов соотношения частных и публичных интересов в законодательстве о банкротстве, а также выработка предложений по совершенствованию правового регулирования в этой сфере.

Материалы и методы

В ходе исследования были использованы различные методы, обеспечивающие комплексный анализ проблемы. Нормативно-правовой анализ позволил изучить положения Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления подходов к регулированию банкротства в Российской Федерации, что позволило выявить особенности и возможные направления совершенствования национального законодательства. Анализ судебной практики способствовал рассмотрению типичных случаев, связанных с обеспечением баланса частных и публичных интересов в делах о банкротстве, выявлению ключевых тенденций и правоприменительных проблем. Теоретический анализ включал изучение научных трудов отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблемам банкротства и роли государства в регулировании данных процессов, что позволило определить основные концептуальные подходы и выявить существующие дискуссионные вопросы.

Теоретические основы

Исторически правила об основаниях и порядке признания должников банкротами формировались в сфере торговой и иной коммерческой деятельности, осуществляемой частными лицами [1, с. 3]. В. Ф. Попондопуло справедливо считает, что отношения банкротства - это частные отношения должника и его кредиторов, а государственное регулирование отношений банкротства является только дополнительным средством для защиты участников банкротства [2, с. 4]. Тем самым нуждается в анализе вопрос о соотношении частных и публичных норм в законодательстве о банкротстве, об активной роли государства в определении критериев неплатежеспособности участников гражданского оборота.

С одной стороны, государство не должно детально и ограничительно вторгаться в частные правоотношения. С другой стороны, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на публично-правовую цель института банкротства: достижение баланса прав и законных интересов должника и кредиторов. Им отмечено, что, обеспечивая в силу статей 71 (пункт «ж») и 114 (пункт «б» части 1) Конституции Российской Федерации проведение единой финансовой, кредитной и денежной политики, государство вправе при возникновении неблагоприятных экономических условий, к числу которых относится и банкротство, осуществлять публично-правовое вмешательство в частноправовые отношения, принимая меры, направленные на создание условий для справедливого обеспечения интересов всех лиц, вовлеченных в данные правоотношения¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2022 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Г. Клепиковой» // СПС «КонсультантПлюс».

В Постановлении от 09.04.2024 N 16 Конституционный Суд Российской Федерации указал, что законодатель должен стремиться к балансу прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, что служит публично-правовой целью данного института¹. В постановлении от 30.10.2023 N 50-П Суд резюмирует, что одна из целей закона о банкротстве – обеспечить права реальных и потенциальных кредиторов, а также создать условия для справедливого удовлетворения экономических и юридических интересов кредиторов².

Тем самым в сфере правоотношений банкротства должен учитываться общественно-значимый интерес³. Он проявляется в том, что банкротство крупных корпораций или массовое банкротство средних предприятий может дестабилизировать экономику страны. Кроме этого, в процедурах банкротства при неэффективном их регулировании могут быть нарушены права множества лиц. Также государству важно не допускать контролируемые и криминальные банкротства, влияющие на правопорядок и правосознание индивидов в целом [3, с. 8].

Государство как публично-правовое образование может быть кредитором, участвующим в деле о банкротстве. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений - гражданами и юридическими лицами (п. 1 ст. 124 Гражданского Кодекса РФ). Например, Российская Федерация может быть участником юридического лица, собственником имущества государственного унитарного предприятия, кредитором по обязательным платежам. При этом необходимо различать имущественные права публично-правового образования как субъекта правоотношений и публичный интерес государства в регулировании банкротства коммерческих организаций и потребителей.

Обсуждение

Соотношение частных и публичных интересов в банкротстве является одной из наиболее сложных проблем современного права. С одной стороны, государство должно минимизировать вмешательство в частные правоотношения, чтобы не нарушать принцип автономии воли участников гражданского оборота. С другой стороны, публичный интерес требует активного участия государства в регулировании банкротства, особенно в случаях, когда банкротство крупных корпораций или массовое банкротство средних предприятий может привести к дестабилизации экономики.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что публично-правовое вмешательство в частноправовые отношения допустимо только в целях защиты общественно значимых интересов. Однако на практике это часто приводит к перевесу публичных интересов, что нарушает принцип равенства участников правоотношений.

В Определении от 12 марта 2024 г. Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что государство вправе осуществлять публично-правовое вмешательство в частноправовые отношения при возникновении неблагоприятных экономических условий, таких как банкротство⁴.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 N 16-П "По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами публичного акционерного общества «Сбербанк России» и общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Агроторг» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление КС РФ от 30.10.2023 № 50-П «По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданки Л.В. Ваулиной» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. N 1675-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова Дмитрия Константиновича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 50.20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2024 г. № 555-О «По запросу Арбитражного суда Костромской области о проверке конституционности пункта 2 статьи 154, абзацев второго и пятого пункта 1 статьи 156 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также абзаца первого пункта 2 и пункта 4 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».

Особое внимание следует уделить роли государства как кредитора в делах о банкротстве. В таких случаях важно обеспечить равенство прав всех кредиторов, включая государственные органы, и не допускать предоставления необоснованных преференций публичным образованиям. В постановлении от 16 ноября 2021 г. № 49-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул необходимость «обеспечения баланса интересов всех участников правоотношений в рамках процедуры банкротства». Это решение демонстрирует стремление суда к равновесию между публичными и частными интересами. Это указывает на то, что суд стремится найти баланс между защитой общественно значимых интересов и соблюдением конституционных прав граждан.

Таким образом, анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что суд признает допустимость публично-правового вмешательства в частноправовые отношения, но при этом последовательно подчеркивает необходимость соблюдения баланса интересов всех участников правоотношений. Однако вопрос о том, насколько эффективно этот баланс соблюдается на практике, остается открытым и требует дальнейшего исследования.

Под публичным интересом в науке понимаются интересы общества как совокупности граждан [4, с. 124], к ним могут быть отнесены обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды¹.

Применительно к банкротству Верховный Суд Российской Федерации отметил, что интересы конкурсных кредиторов не могут быть противопоставлены интересам безопасности неопределенного круга лиц, поскольку обеспечение публичного интереса, направленного на поддержание общественного порядка и безопасности, имеет приоритет перед защитой прав кредиторов в деле о банкротстве². Этот вывод сделан по спору об ответственности общества-должника за содержание земельного участка в ненадлежащем санитарном состоянии.

Анализ практики Верховного Суда Российской Федерации подтверждает тенденцию приоритета публичных интересов над частными в делах о банкротстве, особенно когда речь идет о безопасности неопределенного круга лиц. В определении от 5 июля 2018 г. N 301-ЭС18-114 Верховный Суд Российской Федерации признал допустимым предъявление уполномоченным органом требования до вступления в силу решения налогового органа, подчеркнув приоритет публичных интересов в делах о банкротстве³. И в недавнем определении от 23 декабря 2024 года Верховный Суд Российской Федерации подтвердил право суда самостоятельно принимать решение о реструктуризации, преодолевая несогласие кредиторов, если это соответствует публичным интересам, таким как сохранение производства и рабочих мест⁴. Правда в определении от 26 марта 2018 г. N 310-ЭС16-6059 Суд указал, что государство, выплатившее средства по государственной гарантии, получает равные права с основным кредитором на заложенное имущество, что свидетельствует об определенной защите публичных интересов⁵.

Эти решения Верховного Суда Российской Федерации демонстрируют последовательную позицию в отношении приоритета публичных интересов, особенно когда речь идет о безопасности неопределенного круга лиц, над частными интересами кредиторов в делах

¹ Пункт 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 05.03.2021 № 304-ЭС21-63 по делу № А03-13397/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.07.2018 N 301-ЭС18-114 по делу N А11-9163/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2024 г. № 305-ЭС24-11965 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 марта 2018 г. N 310-ЭС16-6059 // СПС «КонсультантПлюс».

о банкротстве. Это соответствует общей тенденции усиления роли государства в регулировании экономических отношений и обеспечении социальной стабильности.

Представляется необходимым принципиально согласиться с тем, что публичные интересы не противопоставляются частным, а сопоставлены с ними [5, с. 214]. Если государство участвует в деле о банкротстве юридических или физических лиц, то недопустимо нарушение равенства участников правоотношений, предоставление необоснованных преференций публичным компаниям, кредиторам - государственным органам.

Таковы частные и публичные интересы в банкротстве, баланс которых необходимо соблюдать как законодателю, так и правоприменителю. С нашей точки зрения, в целях исключения перевеса государственных интересов возможно закрепить в общих положениях Закона о банкротстве положение о том, что участие государственных органов в делах о банкротстве призвано обеспечить эффективность процедур несостоятельности (банкротства), соблюдение равенства прав и законных интересов всех лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Далее возникает вопрос о формах воздействия государства на банкротные правоотношения. Государство в правоотношениях банкротства выступает в качестве: а) регулятора (горизонтальные отношения); б) участника (вертикальные отношения).

Государство как регулятор, в первую очередь, вырабатывает единую государственную политику в сфере несостоятельности (банкротства). Государственные органы, наделенные компетенцией по решению вопросов банкротства, перечислены в статье 29 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о банкротстве): Правительство РФ, которое координирует деятельность государственных органов в процессе банкротства; уполномоченный орган (Федеральная налоговая служба), выступает кредитором по требованиям об уплате обязательных платежей; орган по контролю (надзору) (Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), который контролирует деятельность арбитражных управляющих и их саморегулируемых организаций и регулирующий орган (Министерство экономического развития Российской Федерации), утверждающий единую программу подготовки арбитражных управляющих, федеральные стандарты.

Функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления осуществляет Правительство Российской Федерации¹. Государственная политика в сфере банкротства – это система средств государственного воздействия, направленных на достижение баланса частных и публичных интересов при осуществлении предупреждения банкротства, реализации процедур банкротства [6].

В науке выделяется пять различных направлений такой политики: от радикально «прокредиторского» законодательства до радикально «продолжниковского» (между ними умеренно «прокредиторское», «нейтральное», умеренно «продолжниковское» законодательство) [7]. В России, с чем следует согласиться, банкротство корпораций можно отнести к умеренно прокредиторскому направлению [8]. Государственная политика определяет и направляет развитие законодательства о банкротстве [9, с. 57].

К числу важных задач законодателя при регулировании несостоятельности граждан и организаций следует отнести установление правил, позволяющих уменьшить количество дел о банкротстве, упрощение судопроизводства по таким делам о банкротстве для снижения нагрузки на арбитражные суды, а также принятие норм о скорейшей ликвидации должника-банкрота в случае невозможности восстановления его платежеспособности [2; 10–11]. Так, в Государственной Думе РФ рассматривается законопроект, в котором для более быстрого проведения банкротства предлагается убрать такие процедуры, как финансовое

¹ Статья 3 Федерального закона от 4 августа 2023 года № 474-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

оздоровление и внешнее управление, и ввести только две: реструктуризация и конкурсное производство¹. Примером тенденции на упрощение судопроизводства по делам о банкротстве является и продление реализации имущества судом по новым правилам: без вынесения судебного акта².

Заключение

Публичный интерес в процедурах банкротства проявляется в обеспечении экономической стабильности, защите неопределенного круга лиц и предотвращении злоупотреблений. Частные интересы кредиторов и должников должны быть сбалансированы, что требует детальной законодательной регламентации. Следовательно необходимо закрепление в законодательстве принципа баланса частных и публичных интересов, а также установление четких правил участия государственных органов в процедурах банкротства.

В теории государственного регулирования несостоятельности (банкротства) выделяют различные меры воздействия, которые могут носить стимулирующий (меры государственной поддержки) или ограничительный (запретительный) характер. Одним из таких инструментов является мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов. С одной стороны, это ограничивает права кредиторов, с другой – способствует восстановлению платежеспособности должников.

Например, мораторий на банкротство, введенный постановлением Правительства РФ в период пандемии COVID-19, стал действенным инструментом поддержки бизнеса. Несмотря на опасения экспертов, его отмена не привела к резкому росту числа новых банкротств, что подтверждает его эффективность как антикризисной меры.

Таким образом, государственное регулирование процедур банкротства направлено на стабилизацию экономики, поддержку граждан и организаций, оказавшихся в финансовых затруднениях, а также защиту публичных интересов (интересов неопределенного круга лиц) с позиций обеспечения общественного порядка и экономической безопасности. В связи с этим возникает необходимость упрощения судопроизводства по делам о банкротстве, что позволит снизить нагрузку на арбитражные суды, ускорить рассмотрение дел и повысить эффективность правоприменительной практики.

Проблема соотношения частных и публичных интересов в процедурах банкротства требует дифференцированного подхода. В каждом конкретном случае необходимо учитывать баланс интересов кредиторов, должников, неопределенного круга лиц и публично-правовых образований. В этой связи представляется целесообразным закрепить в законодательстве о банкротстве норму, предусматривающую, что участие государственных органов в процедурах банкротства направлено на обеспечение эффективности процессов несостоятельности, а также защиту равенства прав и законных интересов всех участников дела о банкротстве.

Законодательство о банкротстве должно содержать четкие нормы, определяющие баланс частных и публичных интересов, а также правила участия государственных органов в этих процедурах. Обеспечение баланса между частными и публичными интересами является необходимым условием эффективного правового регулирования банкротства.

Государство должно играть активную роль в регулировании процедур несостоятельности, однако степень его вмешательства должна быть ограничена защитой общественно значимых интересов.

¹ СОЗД ГАС «Законотворчество» [Электронный ресурс] / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7?ysclid=lfo37vwxnt255849979> (дата обращения 22.01.2025).

² Пункт 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Аверина А. В. Особенности регулирования судопроизводства по делам о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. №8 (153). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-regulirovaniya-sudoproizvodstva-po-delam-o-bankrotstve> (дата обращения: 03.02.2025).
2. Климова А. Н., Сидорова С. А. Институт банкротства физических лиц: доктринальные и правоприменительные аспекты // Юридическое образование и юридическая наука в России: современные тенденции и перспективы развития: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2019. С. 183–187.
3. Бозрикова Е. Д. История развития законодательства о банкротстве в Российской Федерации и зарубежных странах // Правосудие. 2023. № 4. С.76–95. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.4.76-95>.
4. Попондопуло В. Ф. Предпринимательское право : учебник : в 2 т. Т I. - 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 624 с.
5. Попондопуло В. Ф. Российская система законодательного регулирования отношений банкротства: состояние и тенденции развития // Юрист. 2021. № 5. С. 10–16.
6. Ряховский Д. И., Акулов А. Я. Опыт деятельности ФНС России в делах о банкротстве юридических лиц: проблемы и решения // Финансы. 2022. № 10. С. 30–35.
7. Суходольский И. М. Правовые формы и правовые средства участия государства в процессе несостоятельности (банкротства): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук [Электронный ресурс] / НИВЦ МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: <https://dissovet.msu.ru/download/0add8f46-4b0d-11ed-a59d-005056b93961>
8. Суходольский И. М. Участие государства в процессе несостоятельности (банкротства) : научное издание. М.: Юстицинформ, 2024. 264 с.
9. Кантор Н. Е. Влияние публичного элемента в делах о банкротстве на развитие судебного правотворчества // Закон. 2023. № 12. С. 67–78.
10. Мокошеева М. А. Разделение властей в России: история и современность // Марийский юридический вестник. 2009. № 7. С. 55–58.
11. Любаненко А. В., Чукреев А. А. Современные тенденции развития законодательства Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) // Вестник СурГУ. 2021. № 2 (32). С. 106–115.

References

1. Averina A.V. Features of Regulation of Judicial Proceedings in Bankruptcy Cases. *Actual Problems of Russian Law*. 2023;8(153). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-regulirovaniya-sudoproizvodstva-po-delam-o-bankrotstve>. (Accessed 03.02.2025). (In Russ.)
2. Klimova A. N., Sidorova S. A. The Institution of Bankruptcy of Individuals: Doctrinal and Law Enforcement Aspects. *Legal Education and Legal Science in Russia: Modern Trends and Development Prospects: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Kursk; 2019:183-187. (In Russ.)
3. Bozrikova E. D. *History of the Development of Bankruptcy Legislation in the Russian Federation and Foreign Countries*. *Pravosudie*. 2023;(4):76–95. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.4.76-95>. (In Russ.)
4. Popondopulo V. F. *Entrepreneurial Law*: Textbook. In 2vol. Vol. I. 6-e izd., pererab. i dop. Moskva: Prospekt; 2023. 624 p.
5. Popondopulo V. F. The Russian System of Legislative Regulation of Bankruptcy Relations: State and Development Trends. *Yurist*. 2021;(5). С. 10–16. (In Russ.)
6. Ryakhovsky D. I., Akulov A. Ya. The Experience of the Federal Tax Service of Russia in Bankruptcy Cases of Legal Entities: Problems and Solutions. *Finansy*. 2022;(10);30–35. (In Russ.)
7. Sukhodolsky I. M. *Legal Forms and Legal Means of State Participation in the Insolvency (Bankruptcy) Process*: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences [Electronic resource].

Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University. URL: Available from: <https://dissovet.msu.ru/download/0add8f46-4b0d-11ed-a59d-005056b93961>[(<https://dissovet.msu.ru/download/0add8f46-4b0d-11ed-a59d-005056b93961>)]

8. Sukhodolsky I.M. State Participation in the Insolvency (Bankruptcy) Process: Monograph [Electronic resource]. *ConsultantPlus Legal Reference System*. (In Russ.)

9. Kantor N. E. The Influence of the Public Element in Bankruptcy Cases on the Development of Judicial Lawmaking [Electronic resource]. *ConsultantPlus Legal Reference System*. *Zakon*. 2023;(12). In Russ.)

10. Mokoseeva M. A. Separation of Powers in Russia: History and Modernity. *Mari Legal Bulletin*. 2009;(7):55–58. (In Russ.)

11. Lyubanenko A. V., Chukreev A. A. Modern Trends in the Development of Bankruptcy Legislation in the Russian Federation. *Bulletin of Surgut State University*. 2021;2(32):106–115. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Мокошеева – канд. юрид. наук, доцент, Марийский государственный университет.

Д. А. Галямова – магистрант юридического факультета, Марийский государственный университет.

Information about the authors

M.A. Mokoseeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor at Mari State University.

D.A. Galyamova –Master's student at the Faculty of Law, Mari State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 18.01.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 25.02.2025.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-83-92>

EDN AFREPQ

Совершенствование нормативно-правового регулирования превенции административных правонарушений в семейно-бытовой сфере

Роман Аркадьевич Пестов¹,
Мария Евгеньевна Богушева²

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия,
79185927828@ya.ru

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
maria4u@mail.ru

Аннотация

Цель. Системный анализ социально-правовых аспектов насилия в семье и разработка предложений, направленных на превенцию административных правонарушений в семейно-бытовой сфере. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения законодательной регламентации, правоприменительной практики органов внутренних дел в сфере профилактики семейно-бытового дебоширства для повышения результативности профилактических мер, реализуемых сотрудниками органов внутренних дел и иными субъектами профилактики. В статье анализируется превенция как одно из направлений деятельности правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Казахстан.

Методы. Нормативная основа исследования представлена административным законодательством Российской Федерации, Республики Казахстан. Методологическую основу проведенного исследования составили диалектический метод познания, а также логико-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный, социологический и некоторые другие методы.

Результаты. Рассмотрение полномочий полиции Российской Федерации и Республики Казахстан позволило сделать выводы о схожести основных направлений деятельности по превенции правонарушений, вместе с тем принятый пакет изменений в законодательство Республики Казахстан позволил сократить количество совершенных деликтов в исследуемой сфере. На основе анализа законодательства Республики Казахстан предложено установление новых административно-правовых механизмов превенции административных правонарушений в семейно-бытовой сфере в Российской Федерации, что, по мнению авторов, позволит снизить количество совершаемых противоправных деяний.

Выводы. Обосновывается необходимость корректировки некоторых положений административного законодательства – предлагается унификация признаков административного правонарушения (семейного дебоширства, семейно-бытового хулиганства) на основе единого понятийного аппарата. Предложено создание учреждений для временного размещения членов, в чьих семьях наблюдается трудная жизненная ситуация, а также пострадавших от семейного дебоширства лиц. Также авторами указывается необходимость установления ответственности за несвоевременное уведомление субъектами профилактики о фактах дебоширства органов внутренних дел.

Ключевые слова: административная полиция, административное правонарушение, деликт, превенция, предупреждение, профилактика, семейное дебоширство, семейно-бытовое хулиганство, органы внутренних дел, полиция

Для цитирования: Пестов Р. А., Богушева М. Е. Совершенствование нормативно-правового регулирования превенции административных правонарушений в семейно-бытовой сфере // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 83–92. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-83-92>. EDN AFREPQ

Improving the legal regulation of the prevention of administrative offenses in the family and household sphere

Roman A. Pestov¹, Mariya E. Bogusheva²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, 79185927828@ya.ru

²Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russia, maria4u@mail.ru

Abstract

Purpose. The purpose of the study is a systematic analysis of the socio-legal aspects of domestic violence and the development of proposals aimed at the prevention of administrative offenses in the family and household sphere. The relevance of the research topic is due to the need to study the legislative regulation and law enforcement practices of law enforcement agencies in the field of family and domestic violence prevention in order to increase the effectiveness of preventive measures implemented by law enforcement officers and other prevention actors. The article analyzes prevention as one of the activities of the law enforcement agencies of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Methods. The regulatory framework of the study is presented by the administrative legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The methodological basis of the conducted research was the dialectical method of cognition, as well as logical-legal, comparative-legal, systemic-structural, sociological and some other methods.

Results. The review of the powers of the police of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan allowed us to draw conclusions about the similarity of the main areas of activity for the prevention of offenses, at the same time, the adopted package of amendments to the legislation of the Republic of Kazakhstan allowed to reduce the number of committed offenses in the area under study. Based on the analysis of the legislation of the Republic of Kazakhstan, it is proposed to establish new administrative and legal mechanisms for the prevention of administrative offenses in the family and household sphere in the Russian Federation, which, according to the authors, will reduce the number of illegal acts committed.

Conclusions. The necessity of correcting some provisions of administrative legislation is substantiated – the unification of the signs of an administrative offense (family rowdiness, domestic hooliganism) is proposed on the basis of a single conceptual framework. It is proposed to create institutions for the temporary accommodation of members in whose families there is a difficult life situation, as well as those affected by family violence. The authors also point out the need to establish responsibility for the late notification by the subjects of prevention of the facts of the law enforcement agencies' rowdiness.

Keywords: prevention, administrative offense, tort, family rowdiness, domestic hooliganism, law enforcement agencies, police, administrative police

For citation: Pestov R. A., Bogusheva M. E. Improving the legal regulation of the prevention of administrative offenses in the family and household sphere. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):83–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-83-92>. EDN AFREPQ

Введение

Семья на протяжении своего существования остается оплотом общества, а ценностные ориентиры, формируемые в ней сохраняются на протяжении всей жизни человека, позволяя гармонично развиваться и самореализовываться, однако модели семейных отношений могут быть токсичными, в этом случае семья становится социальным институтом формирующим социально-психологическую деформацию личности, а в долгосрочной перспективе приводящей к нестабильности общества. Деструктивным семейным отношениям сопутствует проблема насилия, в которой переплетены объективные и субъективные факторы, вследствие которых жестокость зачастую становится латентной для общества.

Защита семьи является одной из составляющей государственной политики развития современного государства. Являясь социальным, государство берёт на себя обязанность по защите наиболее уязвимых слоёв населения в силу возраста, физического состояния, необходимости социализации и адаптации, создавая универсальные регуляторы такой защиты, государство выступает ментором правового поля вокруг интересующих общественных отношений.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения законодательной регламентации, правоприменительной практики органов внутренних дел в сфере профилактики семейно-бытового дебоширства для повышения результативности профилактических мер, реализуемых сотрудниками органов внутренних дел и иными субъектами профилактики.

Целью исследования является системный анализ социально-правовых аспектов насилия в семье и разработке предложений направленных на превенцию административных правонарушений в семейно-бытовой сфере.

Вопрос контроля над поведением индивидов в целях побуждения к социально полезным действиям для общества изучается представителями различных научных направлений, с помощью дифференцированного инструментария [1, с. 137], однако вопрос о важности такого контроля не является предметом научных споров в связи с его очевидностью.

Превенция (от лат. Praeventio – предупреждение) как часть социального контроля представляет собой систему предупредительных мер, ориентированных на создание обстоятельств, препятствующих формированию различных форм девиации и их распространению.

Обращение к терминам «превенция», «предупреждение», «профилактика» показывает, что они используются, как правило, в качестве синонимов, однако последний получил преимущественное распространение среди правоприменителей¹, в то время как первые два используются в научном сообществе [2; 3].

Анализ исследований свидетельствует [4], что решение проблем борьбы с правонарушениями и преступлениями и их превенция остается актуальной не только для представителей научного сообщества [5], но и потребностью общества². Здесь уместно обратить внимание, что с помощью только правоохранительных органов вопрос превенции правонарушений не возможно разрешить, необходимо изменение общественного сознания с привлечением общественно-политических институтов, вместе с этим должны совершенствоваться административные механизмы.

В. В. Коляго отмечает, что общественные отношения в сфере профилактики правонарушений преимущественно регулируются посредством норм административного права, так как связаны с деятельностью органов исполнительной власти [6, с. 19].

¹ Приказ МВД России от 24.08.2023 № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» // СПС Гарант.

² Профилактика правонарушений в образовательных организациях стала темой совещания Совбеза РФ URL: https://www.1tv.ru/news/2023-04-21/451549-profilaktika_pravonarusheniy_v_obrazovatelnyh_organizatsiyah_stala_temoy_soveschaniya_sovbeza_rf (дата обращения: 20.12.2024).

Определение природы применения административно-правовых норм для пресечения и профилактики правонарушений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, закономерно проявляется в тех мерах принуждения и обеспечения, применяемых государством и общественными институтами для решения задач, связанных с устранением последствий такого поведения, а также выявления причин и условий ему способствующему.

Правоохранительные органы как часть государственного механизма входят в структуру органов исполнительной власти и призваны не только купировать правонарушения с помощью мер принуждения, но и решать задачи превенции, что соответствует цели административного наказания предусмотренного ст. 3.1. КоАП РФ¹ и ст. 6 КРКоАП², где в качестве таковой выделено предупреждение совершения административных правонарушений, данная цель была и ранее указана в КоАП РСФСР, при этом содержание превенции не раскрывается ни в одном из кодексов.

Материалы и методы

Необходимо отметить, что состояние правонарушаемости зависит от мер частной и общей превенции, в российском законодательстве только в 2016 г. Федеральным законом № 182³ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» были законодательно установлены принципиальные начала государственной политики в области превенции правонарушений, в Республике Казахстан (далее – РК) еще в 2010 г. был принят Закон № 271-IV РК «О профилактике правонарушений»⁴, в обоих законах органы внутренних дел названы в качестве субъектов профилактики правонарушений [7], а эффективность их деятельности напрямую влияет на уровень криминогенности общества [8].

На начальном этапе независимости РК вопросы профилактики деликтов являлись второстепенной государственной задачей, исходные положения для конструирования модели превенции правонарушений в РК были представлены в Концепции правовой политики от 2009 г. и реализации тридцатого шага «План нации – 100 конкретных шагов»⁵, предусматривающего противодействие бытовым деликтам и нетерпимости к мелким правонарушениям, что в свою очередь потребовало перехода от количественных показателей к показателям уровня доверия граждан как фактора повышения эффективности административной полиции.

В задачах, указанных в ст. 4 Закона РК № 199 «Об органах внутренних дел Республики Казахстан»⁶, профилактика правонарушений стоит на первом месте, а ст. 5 этого же нормативно правового акта указывает, что органы внутренних дел осуществляют комплекс мер, направленных на выявление, изучение, устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений. В качестве полномочий ОВД ст. 6 вышеназванного закона относит осуществление общих, специальных и индивидуальных мер профилактики правонарушений.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.11.2024).

² Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.01.2025 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=1185;-44#pos=1185;-44 (дата обращения: 20.12.2024).

³ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 июня 2016 г. № 26 (часть I). Ст. 3851.

⁴ Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года № 271-IV «О профилактике правонарушений» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000271_ (дата обращения: 20.12.2024).

⁵ Программа Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 года «План нации - 100 конкретных шагов» // Казахстанская правда от 20.05.2015 г., № 92 (27968).

⁶ Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 года № 199-V ЗПК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000199> (дата обращения: 07.01.2025).

Конечно, весь спектр превентивных мер в рамках нашего исследования не представляется возможным проанализировать, в связи с этим предпримем попытку выделить положительный инструментарий, применяемый правоохранительными органами и оказывающий положительное влияние на эффективность правоприменения в области превенции правонарушений в РК.

Результаты и обсуждение

Одним из заслуживающих внимания в рамках положительного опыта РК по превенции правонарушений является принятие закона РК от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII, определившего концептуальные изменения в сфере превенции семейно-бытового насилия, что наглядно показывают статистические данные, так за первые 4 месяца 2024 г. в органы внутренних дел поступило 28189 обращений по фактам домашнего насилия, что на 20% меньше по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. (в 2020 г. количество вызовов составило 179096), а число бытовых преступлений сократилось на 11%. По сути изменения законодательства имеют ярко направленный превентивный эффект, их анализ позволяет выделить 3 основных направления модернизации законодательства:

1. Усиление ответственности за различные формы жестокости в семье.
2. Детализация превентивной деятельности, правовое закрепление деятельности мониторинговых групп (выявление семей, находящихся в трудной жизненной ситуации) и центров поддержки детей (меры реабилитации и адаптации).
3. Меры, направленные на эффективность контроля за соблюдением норм законодательства по отношению к несовершеннолетним.

22 ноября 2023 г. Президент РФ подписал Указ, согласно которому 2024 год объявлен Годом семьи, иными словами семейные ценности признаются одним из столпов, посредством которых взращивается молодое поколение, в этом ключе важно акцентировать внимание на проблеме семейно-бытового дебоширства, которое происходит, в том числе и в присутствии несовершеннолетних, что может повлечь психологическую травму ребёнка.

В настоящее время государством ужесточаются меры в отношении лиц, посягающих на традиционные, исконные семейные и нравственные ценности. Примером этому может служить модернизация законодательства об административных правонарушениях (например, статьи 6.21., 6.21.1, 6.21.2 КоАП РФ) как одного из инструментов публично-правовых механизмов защиты названных ценностей.

Знаковым является также изменение (дополнение) Конституции РФ 2020 года, выразившееся в том, что впервые на Конституционном уровне устанавливается защита института брака как союза мужчины и женщины, вместе с тем злободневной остается проблема семейно-бытового насилия в семье. Естественно, семейно-бытовое насилие является фактором, наносящим зачастую непоправимый вред брачно-семейным отношениям и совершенствование превентивных механизмов его противодействию, является обязательным элементом их защиты. Очевидно, что обеспечение и защита брачно-семейных отношений публично-правовыми механизмами, снижение угроз в области благополучия семейно-бытовых отношений должно стать одной и первостепенных национальных задач.

Вместе с тем особенностью развития правовой системы РФ в сфере функционирования системы превенции правонарушений является постоянно обновляемый массив нормативных актов и программ правоохранительной направленности (более 1800 ед.), которыми предусмотрены профилактические мероприятия, превалирующим субъектом которых остается полиция, в лице участкового уполномоченного полиции, так только на профилактических учетах состоят более миллиона граждан, а каждое второе обращение попадает на рассмотрение вышеуказанным должностным лицом [4], для РК служба участковых инспекторов полиции также представляет базовое звено в системе профилактики деликтов, а юрисдикционные полномочия представлены более 50-ю составами административных правонарушений.

Рассматривая полномочия полиции в России, отметим, что в ст. 2 Федерального закона № 3 «О полиции»¹ в качестве одного из основных направлений деятельности отмечено предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, что нашло отражение в обязанностях сотрудников, в обобщенном виде которые можно представить, во-первых, по выявлению причин и условий, способствующих совершению деликтов, принятию мер по их устранению, во-вторых, проведению профилактической работы, в том числе среди несовершеннолетних, пропаганду правовых знаний.

В настоящее время профилактическими мерами, предусмотренными законодательством РФ являются: проведение профилактической беседы; постановка на профилактический учёт; административный надзор; вынесение официального предостережения о недопустимости антиобщественного поведения; ресоциализация и социальная адаптация; правовое информирование.

Применение таких мер должно сопровождаться изучением обстоятельств, при которых возможно совершение правонарушения для принятия упреждающих мер. В этой связи нельзя умалять роль общественных институтов, психологической помощи, воздействия трудовых коллективов и авторитетных членов семей, имеющих воздействие на оступившего родственника.

Система административно-правовых норм, выражающих природу возникновения общественных отношений складывающихся в семейно-бытовой сфере и формы воздействия на поддержание оптимальной среды реализации своих потребностей граждан в формировании гражданских институтов, ведения хозяйства, воспитания и содержания детей, преследующих личные мотивы, представляет собой правовой институт реализующийся посредством применения норм различных отраслей права для выполнения не только государственных функций, но и общественных интересов, в связи с этим одним из вариантов развития законодательства РФ и РК в сфере превенции семейно-бытовых правонарушений является создание учреждений для временного размещения членов, в чьих семьях наблюдается трудная жизненная ситуация, а также пострадавших от семейного дебоширства лиц.

На наш взгляд, в компетенцию центров должно входить экспертное оценивание состояние угрозы жизни и здоровья жертвы, консультирование по правозащитным вопросам, оказание помощи в процессе административном или уголовном процессе, содействие социальной интеграции, при необходимости предоставление психологической реабилитации, а также непосредственно предоставления убежища.

Ранее мы отмечали особенность РФ, связанную с федеративным устройством в этом контексте представляется возможным создать на уровне региона государственное учреждение, в компетенцию которого будет входить организация центров, разработка реализации конкретных мероприятий по совершенствованию защиты семьи, организации межведомственного взаимодействия, по информационному обеспечению населения, а также правовому сопровождению.

Обращение к административно-деликтному законодательству показывает наибольшее расхождение к подходу определения административной ответственности за семейно-бытовые правонарушения, так ст. 73 КРКоАП установлена административная ответственность за «Противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений» под которым понимается «Нецензурная брань, оскорбительное приставание, унижение, повреждение предметов домашнего обихода и другие действия, выражающие неуважение к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, нарушающие их спокойствие, совершенные в жилище, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния», КоАП РФ не имеет схожей статьи, а из 89 субъектов РФ административного правонарушения по признакам дебоширства (семейно-бытового хулиганства) или семейного порицаемого государством поведения нашли своё отражение лишь в 8 субъектах.

¹ Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. № 7. Ст. 900.

При этом в региональном законодательстве отсутствует единая позиция в определении признаков бытового дебоширства, трактовка деликта базируется на разных подходах: от пресечения бытовых конфликтов как таковых, до охраны семейных ценностей. Собираемые признаки бытового дебоширства на основе проанализированного регионального административного законодательства позволяют выделить следующие: скандал, буйство, устраивание беспорядка, драка, рукоприкладство, создание конфликтной ситуации, бесчинство, угрожающие выходки. Сопутствующие или дополнительно квалифицирующие: шум, нецензурная брань, ругань, унижение человеческого достоинства. Индуктивное заключение позволяет выделить главный признак бытового дебоширства – это создание угрожающей ситуации иным лицам, находящимся в жилом помещении.

Вариативность приведённых формулировок, приведённых в указанных законах, позволяет сделать вывод о необходимости унификации признаков данного правонарушения на основе единого понятийного аппарата, как это сделано в РК. Занимая позицию профилактики, считаем возможным отойти от корреляции описываемых признаков с уже имеющимися нормами в КоАП РФ, дабы избежать дублирования составов регионального и федерального административного законодательств.

Ввиду сложности квалификации данного правонарушения исходя из устойчивых правовых конструкций КоАП РФ, следует принимать позицию профилактической направленности действий должностных лиц, также необходимо исключить возможные aberrации на месте совершения правонарушения сотрудниками полиции (работниками муниципальных административных комиссий в регионах, где отсутствует соглашение о передаче полномочий), в этой связи необходимы чёткие инструкции по квалификации такового деяния, исходя из внешних признаков.

Следует отметить, что, по мнению исследователей, некоторые положения ст. 73 КРКоАП необходимо подвергнуть коррекции, в частности, Сейдахметова А. У. предлагает установить в качестве противоправных действий преследование, что позволит предупредить «более тяжкие последствия» [9, с. 128], отметим, что в профилактическом арсенале административной полиции РК присутствует право выносить защитное предписание, а в случае его неисполнения в соответствии со ст. 461 КРКоАП предусмотрена санкция в виде административного ареста на 10 суток.

Попытки законодательно установить аналогичную превентивную меру в РФ пока не увенчались успехом¹, вместе с тем в рамках уголовного законодательства Конституционный Суд РФ² разрешил нижестоящим судам при установлении осужденному наказания в виде ограничения свободы включать в него запрет на посещение мест, где может регулярно находится потерпевший, следует отметить, что в УК РФ предусмотрен ряд составов (ст. 119 УК РФ, ст. 128.1 УК РФ, ст. 137 УК РФ, ст. 138 УК РФ) определяющие преследование и угрозы, а также распространение порочащих сведений о жертве как преступление, тем не менее, проблему административной превенции это не решает.

Заключение

Результат профилактической работы во многом зависит от слаженной работы всех субъектов профилактики, обеспечение эффективного взаимодействия, обмена информацией, реализации программ профилактики, наличия необходимой материальной и процессуальной базы [10] для создания условий осуществления программ (дорожных карт) профилактики.

¹ Проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» URL: https://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz291119_2.rtf.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балукковой и Ю.М. Чернигиной» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_468379/ (дата обращения: 11.01.2025).

На наш взгляд, следует обратить внимание на обязанность уведомления всеми субъектами профилактики о фактах дебоширства органов внутренних дел. Обязанность регламентирована федеральным законом «Об основах системы профилактики», однако административная ответственность за несвоевременное уведомление о рассматриваемых случаях насилия отсутствует. Одним из вариантов решения должен стать уход от декларативных посылов и введение ответственности за непредставление сведений о фактах семейного-бытового дебоширства.

Определение природы применения административно-правовых норм для пресечения и профилактики правонарушений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, закономерно проявляется в тех мерах принуждения и обеспечения, применяемых государством и общественными институтами для решения задач, связанных с устранением последствий такого поведения, а также выявления причин и условий ему способствующему.

Органы внутренних дел как субъект профилактики обладают неоспоримым преимуществом в использовании мер государственного принуждения к категории граждан, являющихся правонарушителями, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений. Действуя от лица государства, сотрудники органов внутренних дел реализуют совокупность мер административного предупреждения, мер административного пресечения, административно-процессуального обеспечения и мер административной ответственности. Но и вместе с тем, органы внутренних дел используют указанные средства в силу их принудительности на этапе уже возникшего бытового конфликта, на стадии проявления признаков административного или уголовного деяния. Поэтому необходимо вовлекать в процесс предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений не только правоохранительные органы, но и общественные институты, как сделано в РК.

В Российской Федерации создана система профилактики правонарушений, нацеленная на создание условий, при которых воздействие на объекты профилактики осуществляется всесторонне (комплексно), включая поэтапную ресертификацию соответствия нормам правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений. Широкий круг субъектов профилактики не всегда обеспечивает связь с объектом, на которого нацелены меры воздействия в этой связи опыт Республики Казахстан показывает, что нормативное закрепление мер общественного и государственного воздействия путем установления новых административно-правовых механизмов превенции административных правонарушений в семейно-бытовой сфере позволяет снизить количество совершаемых противоправных деяний, а следовательно может быть учтен отечественным законодателем.

В настоящее время существует необходимость внести изменения в законодательные акты, устанавливающие ответственность за дебоширство в РФ. Ввиду отсутствия действенных механизмов профилактического воздействия на семейных дебоширов, попустительствующих совершению ими противоправных действий, законодательное урегулирование данных отношений позволит снизить риск совершения правонарушений и преступлений в семейно-бытовой сфере, а также в отношении них членами семей, а рост числа правонарушений, совершённых на бытовой почве, зачастую обусловлен латентностью деяний, неисполнением обязанностей субъектами профилактики.

Список источников

1. Осяк А. Н. Социальный контроль как предмет научной рефлексии / А. Н. Осяк, Р. А. Пестов, Т. Н. Шаповалова, Н. И. Чернобровкина // *Философия права*. 2017. № 3(82). С. 137-143.
2. Равнюшкин А. В. Совершенствование системы предупреждения правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // *Юрист-Правоведъ*. 2017. № 1 (80). С. 154-158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sistemy-preduprezhdeniya-pravonarusheniy-sovershaemyh-v-sfere-semeyno-bytovyh-otnosheniy> (дата обращения: 09.01.2025).

3. Козюлькова Н. С. Предупреждение насильственной преступности в семейно-бытовой сфере: основные направления, актуальные проблемы и рекомендации по совершенствованию // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Том 5. Вып. 4. С. 73–76. <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2020-15412>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-nasilstvennoy-prestupnosti-v-semeyno-bytovoy-sfere-osnovnye-napravleniya-aktualnye-problemyi-rekomendatsii-po> (дата обращения: 28.12.2024).
4. Сорокун Н. С. Криминологическая характеристика насильственной преступности несовершеннолетних и молодежи / Н.С. Сорокун, Р.А. Пестов, Е.А. Миллерова, Е.А. Мавренкова. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2023. 76 с.
5. Гайдуков А. А. Административно-правовое регулирование деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.14 / Гайдуков Андрей Александрович; [Место защиты: Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского]. Омск, 2018. 22 с.
6. Коляго В. В. Специфика административно-правовых отношений, складывающихся в сфере профилактики правонарушений // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2018. Т. 8. № 5. С. 19–28.
7. Кукеев А. К. Профилактика как элемент механизма предупреждения и противодействия административным правонарушениям URL: <https://auezov.edu.kz/media/attachments/2022/03/18/31..-179-187.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).
8. Маматазизова Н. К. Роль органов внутренних дел в профилактике семейного насилия // Академическая мысль. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-vnutrennih-del-v-profilaktike-semeynogo-nasiliya> (дата обращения: 20.01.2025).
9. Сейдахметова А. У. Меры административной ответственности за правонарушения, связанные с семейно-бытовым насилием, по законодательству Республики Казахстан // Вестник СГЮА. 2024. № 1 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-administrativnoy-otvetstvennosti-za-pravonarusheniya-svyazannye-s-semeyno-bytovym-nasiliem-po-zakonodatelstvu-respubliki> (дата обращения: 10.01.2025).
10. Габдуллин Т. Р. К вопросу о разработке проектов Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / Т. Р. Габдуллин, Р. А. Пестов // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8(99). С. 151–152.

References

1. Osyak A. N., Pestov R. A., Shapovalova T. N., Chernobrovkina N. I. Social control as a subject of scientific reflection. *Philosophy of Law*. 2017;3(82):137–143. (In Russ.)
2. Ravnyushkin A. V. Improvement of the system of prevention of offenses committed in the sphere of family and household relations. *Yurist-Pravoved*. 2017;1(80):154–158. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sistemy-preduprezhdeniya-pravonarusheniy-sovershaemyh-v-sfere-semeyno-bytovyh-otnosheniy> (Accessed 9 January 2025). (In Russ.)
3. Kozyulkova N. S. Prevention of violent crime in the family and household sphere: main directions, current problems and recommendations for improvement. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2020;5(4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-nasilstvennoy-prestupnosti-v-semeyno-bytovoy-sfere-osnovnye-napravleniya-aktualnye-problemyi-rekomendatsii-po> (Accessed 28 December 2024).
4. Sorokun N. S., Pestov R. A., Millerova E. A., Mavrenkova E. A. *Criminological characteristics of violent crime of minors and youth*. Rostov-on-Don: Rostov State University of Railway Transport; 2023. 76 p. (In Russ.)
5. Gaidukov A. A. *Administrative and legal regulation of police activities for the prevention and suppression of offenses in the field of family and domestic relations* : abstract of the dissertation of the Candidate of Law Sciences. Omsk, 2018. 22 p. (In Russ.)
6. Kolyago V. V. Specifics of administrative and legal relations developing in the field of crime prevention. *Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence*. 2018;8(5):19–28. (In Russ.)

7. Kukeev A. K. *Prevention as an element of the mechanism for preventing and countering administrative offenses*. Available from: https://auezov.edu.kz/media/attachments/2022/03/18/31_-179-187.pdf. (Accessed 1 December 2024). (In Russ.)

8. Mamatazizova N. K. The role of law enforcement agencies in the prevention of domestic violence. *Academic thought*. 2017;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-vnutrennih-del-v-profilaktike-semeynogo-nasiliya>. (Accessed 20 January 2025). (In Russ.)

9. Seydakhmetova A. U. Measures of administrative responsibility for offenses related to domestic violence under the legislation of the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2024;1(156). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-administrativnoy-otvetstvennosti-za-pravonarusheniya-svyazannye-s-semeyno-bytovym-nasiliem-po-zakonodatelstvu-respubliki> (Accessed 10 January 2025). (In Russ.)

10. Gabdullin T. R., Pestov R. A. On the issue of drafting the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. *Eurasian Law Journal*. 2016;8(99):151–152. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. А. Пестов – кандидат юридических наук, доцент, Ростовский юридический институт МВД России.

М. Е. Богусева – кандидат юридических наук, Ростовский государственный университет путей сообщения.

Information about the authors

R. A. Pestov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

M. E. Bogusheva – Cand. Sci. (Law), Rostov State University of Railway Transport.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 22.01.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Семья как абсолютная традиционная ценность правового государства

Светлана Андреевна Закирова¹, Людмила Юрьевна Емченко²

^{1,2}Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Светлана Андреевна Закирова, zakirova_lana@inbox.ru

Аннотация

Введение. Семья является абсолютной традиционной ценностью общества и государства, так как именно в ее кругу формируются основные ценности, уважение к традициям и культуре. Семья является местом, где формируются моральные и этические устои, передаются знания и опыт, преемственность поколений. Именно поэтому важно признавать и защищать семейные ценности, обеспечивая семьям необходимую поддержку и условия для их развития. Государство должно создавать законы и программы, направленные на поддержку семей, обеспечивая доступ к образованию, медицинской помощи, жилью и другим основным потребностям. Таким образом, семья играет ключевую роль в формировании и развитии общества, и ее ценность несомненна для сохранения традиций и основных ценностей.

Целью правового исследования в данной статье служит глубокий аналитический подход к оценке роли, места и значения семейных отношений, рассматриваемых через призму закона и этических стандартов – ключевых опор общественного устройства.

Теоретические основы. Тема исследования представлена в статье с разных точек зрения и научных подходов. Некоторые авторы рассматривали семью как основу общества, где формируются ценности, нравственность и культура. Другие исследователи подчеркивали роль семьи как института, обеспечивающего социализацию личности и передачу традиций из поколения в поколение. Однако современное общество и государство сталкиваются с вызовами, которые могут оказать негативное воздействие на институт семьи. Разрушение традиционных ценностей, увеличение числа разводов, проблемы с детскими домами и сиротами – все это указывает на нестабильность семейных отношений и значимость данной проблемы. Поэтому в статье авторы рассматривают не только теоретические аспекты, но и практические меры по поддержке и укреплению института семьи.

Результаты. Статья рассматривает, как семья способствует формированию чувства принадлежности, укреплению моральных ценностей и обеспечению стабильности общества. Также проанализировано влияние семьи на развитие личности и ее адаптацию к социальным условиям. Авторы сделали акцент на необходимости защиты и поддержки семейных ценностей в современном мире, где они часто подвергаются угрозам и изменениям. Проведённое исследование определяет, что семья является не только микро-социумом, но и важной составляющей общественной жизни. Кроме того, исследование показало, что семейные ценности имеют прямое влияние на развитие государства.

Обсуждение и выводы. 2024 год был провозглашен в России годом семьи. Среди базовых задач государственной политики в сфере семьи были названы следующие: повышение демографических показателей; пропаганда семейных ценностей; очевидна и поддержка семей участников специальной военной операции. Обязанностью государства также является проведение системной и последовательной политики в сфере традиционных ценностей, выработанных в ходе тысячелетней истории России. Авторы подчеркивают важность разработки как законодательных инициатив, так и общественных программ, направленных на создание оптимальных условий для роста и благополучия российских семей.

Также предложены несколько способов, направленных на усиление роли семьи как традиционной ценности общества и государства. Исследование подтвердило, что семья является абсолютной традиционной ценностью общества и государства, и ее поддержка и защита играют важную роль в обеспечении устойчивого развития и благополучия общества.

Ключевые слова: государственная поддержка, государственная семейная политика, законодательные меры, общество, поддержка семей, семейные ценности, семья, сохранение семьи, способы укрепления семьи, традиционные ценности

Для цитирования: Закирова С. А., Емченко Л. Ю. Семья как абсолютная традиционная ценность правового государства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 93–101. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-93-101>. EDN AUGYCK

Family as an absolute traditional value of the rule of law

Svetlana A. Zakirova¹, Lyudmila Yu. Yemchenko²

^{1,2}Rostov branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Svetlana A. Zakirova, zakirova_lana@inbox.ru

Abstract

Introduction

The family is an absolute traditional value of society and the state, since it is in its circle that the basic values, respect for traditions and culture are formed. The family is a place where moral and ethical principles are formed, knowledge and experience are passed on, and generational continuity. That is why it is important to recognize and protect family values, providing families with the necessary support and conditions for their development. The State should create laws and programs aimed at supporting families by providing access to education, medical care, housing and other basic needs. Thus, the family plays a key role in the formation and development of society, and its value is indisputable for the preservation of traditions and core values.

The purpose of the legal research in this article is a deep analytical approach to assessing the role, place and significance of family relations, viewed through the prism of law and ethical standards, which are key pillars of the social order.

Theoretical foundations

The research topic is presented in the article from different points of view and scientific approaches. Some authors considered the family as the basis of a society where values, morality and culture are formed. Other researchers have emphasized the role of the family as an institution that ensures the socialization of the individual and the transmission of traditions from generation to generation. However, modern society and the State face challenges that can have a negative impact on the institution of the family. The destruction of traditional values, the increase in the number of divorces, problems with orphanages and orphans – all this indicates the instability of family relations and the importance of this problem. Therefore, in the article, the authors consider not only theoretical aspects, but also practical measures to support and strengthen the institution of the family.

The results of the study

The results of the study. The article examines how the family contributes to the formation of a sense of belonging, strengthening moral values and ensuring the stability of society. The influence of the family on personality development and its adaptation to social conditions is also analyzed. The authors emphasized the need to protect and support family values in the modern world, where they are often subject to threats and changes. The conducted research determines that the family is not only a micro-society, but also an important component of social life. In addition, the study showed that family values have a direct impact on the development of the state.

Discussion and conclusions

2024 was declared the year of the family in Russia. Among the basic tasks of the state policy in the field of family, the following were mentioned: increasing demographic indicators; promoting family values; and obviously supporting families of soldiers of the SVR. It is also the responsibility of the state to pursue a systematic and consistent policy in the field of traditional values, "developed during the millennial history of Russia." The authors emphasize the importance of developing both legislative initiatives and public programs aimed at creating optimal conditions for the growth and well-being of Russian families.

Several ways are also proposed to strengthen the role of the family as a traditional value of society and the state. The study confirmed that the family is an absolute traditional value of society and the state, and its support and protection play an important role in ensuring the sustainable development and well-being of society.

Keywords: family, family values, state support, society, state family policy, ways to strengthen the family, legislative measures, family preservation, family support, traditional values

For citation: Zakirova S. A., Yemchenko L. Yu. Family as an absolute traditional value of the rule of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):93–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-93-101>. EDN AUGYCK

Введение

Семья считается краеугольным камнем общества, строительным блоком, на котором формируются все социальные структуры. Идея семьи как абсолютной ценности в обществе глубоко укоренилась во многих культурах и традициях. Эта концепция подкрепляется верой в то, что семья обеспечивает чувство безопасности, стабильности и поддержку своим членам. В современном быстро меняющемся мире важность семьи трудно переоценить. Семьи обеспечивают эмоциональную поддержку, любовь и руководство людьми, помогая им справляться с жизненными трудностями. Семья также играет жизненно важную роль в передаче традиций, ценностей и культурного наследия от одного поколения к другому. Кроме того, семья является основной единицей социализации, формирующей убеждения, установки и поведение людей. Прочные семейные узы могут способствовать развитию чувства принадлежности, идентичности и лояльности среди ее членов. В конечном счете, семейная ячейка служит основным источником силы и стойкости перед лицом невзгод.

Не вызывает сомнения тот факт, что основополагающий элемент современного традиционного общества это семья. В каждой традиционной семье дети воспитываются в соответствии с традициями старших поколений. Каждый человек понимает, что в основном семья формирует следующие человеческие качества: уважение к близким и любовь, ответственность за свои поступки, патриотизм и щедрость. Семейные традиции будут жить, пока мы гордимся ими, сохраняем и передаем их следующему поколению, что способствует поддержанию преемственности между поколениями. Семья – это самый важный аспект нашей жизни, это люди, которые нам дороги, с кого мы берем пример, о ком заботимся и кому искренне желаем счастья. Именно в семье мы учимся ценить любовь, ответственность, заботу и уважение.

Преимущественным источником силы и вдохновения выступает семья. Основными задачами в рамках семейной политики государства является поддержка традиционного

образа жизни, сохранение духовных семейных традиций, повышения ценности института семьи, создания условий для духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения [1, с. 207].

Семья считается абсолютной государственной ценностью во многих культурах по всему миру. Она рассматривается как основа общества, фундамент, на котором строятся все остальные институты. Семья обеспечивает любовь, поддержку и стабильность для своих членов и необходима для благополучия и развития детей. Правительства также несут ответственность за защиту и поощрение прав семей, обеспечивая им возможность процветать и выполнять свою роль в обществе. В целом, концепция семьи как абсолютной государственной ценности подчеркивает фундаментальную важность крепких и здоровых семей для построения гармоничного и процветающего общества. Уделяя приоритетное внимание благополучию семей, правительство может помочь обеспечить будущий успех и стабильность своих стран.

Теоретические основы

Теоретической основой исследования явились научные работы по отдельным вопросам становления и развития института семьи, по отдельным проблемам сохранения семейных традиционных ценностей в российском обществе. Некоторые авторы рассматривали семью как основу общества, где формируются ценности, нравственность и культура. Другие исследователи подчеркивали роль семьи как института, обеспечивающего социализацию личности и передачу традиций из поколения в поколение. Однако современное общество и государство сталкиваются с вызовами, которые могут оказать негативное воздействие на институт семьи. Разрушение традиционных ценностей, увеличение числа разводов, проблемы с детскими домами и сиротами – все это указывает на нестабильность семейных отношений и значимость данной проблемы. Считаем необходимым рассматривать не только теоретические аспекты, но и практические меры по поддержке и укреплению института семьи. Ведь именно в семье начинается формирование здорового общества и гражданства. Семья – это не только культурное наследие, но и основа для развития личности и общества в целом.

Результаты и обсуждение

Семья – это государство в миниатюре, которое важно и нужно защищать и поддерживать. Поддержка семей, материнства, детства – одно из ключевых направлений социальной политики [1, с. 207]. За последние годы государство активно развивает и совершенствует механизмы правового воздействия по улучшению различных сфер жизнедеятельности семьи: возвращено почетное звание «Мать-Героиня»; была внедрена комплексная программа поддержки семей с детьми в возрасте от 0 до 18 лет; продолжается развитие института материнского капитала; молодым семьям предложены льготные условия для получения ипотечных кредитов, а также возможность улучшить свои жилищные условия в связи с рождением детей; в образовательных учреждениях организовано бесплатное горячее питание для учащихся начальных классов. Безусловно, созданные нормы не совершенны и требуют редакции с учетом правоприменительной практики. Однако следует отметить тенденцию благостного развития существующих положений [2, с. 150].

В современном обществе исследования об уровне значимости семьи для общества проводятся довольно часто, однако рассмотрение ценностей внутри семьи получает значительно меньше внимания. Наличие стабильных семейных ценностей позволяет человеку более успешно интегрироваться во внешний мир, адаптироваться к обществу и избежать социальной изоляции. По справедливому замечанию Пегинной О. А.: «множество семейных ценностей передается из поколения в поколение, что способствует укреплению связей между различными поколениями. Тем не менее, в современных условиях этот процесс сталкивается с рядом трудностей, обусловленных выраженными различиями между поколениями» [3, с. 245]. Изменения, произошедшие в обществе, внесли значительные изменения в саму ценность семьи для членов общества.

Правовой фундамент нашей страны основывается на ценностях, традициях, суверенитете и государственном единстве. Внесенные изменения в Конституцию Российской Федерации (статьи 67.1, 72, 114)¹ укрепляют эту основу, укрепляют фундаментальные принципы Основного закона, подчеркивая возросшую роль нашей страны на международной арене и фиксируя ключевые приоритеты, такие как защита прав и интересов граждан и обеспечение социальных гарантий. Поправки к Конституции также поддерживают традиционные семейные ценности, включая определение брака как союза мужчины и женщины, а также уважение детей к пожилым, доверие и заботу внутри семейных отношений.

Эта норма закона закрепляет исторически сложившиеся традиции отношения к семье и браку в России. Следует отметить, что «западные ценности» отличаются от общепринятых и традиционных норм морали и нравственности, и в Российской Федерации недопустимо называть родителей ребенка «Родитель 1» и «Родитель 2».

Понятие «традиционных ценностей» можно разделить на три аспекта. Во-первых, это неизменные ценности, которые существуют уже на протяжении длительного времени и переходят от поколения к поколению. Во-вторых, это ценности, которым следует придерживаться, так как они являются основой и правильными принципами жизни. В-третьих, традиционность указывает на уникальность ценностей для конкретной страны и культуры.

В более широком смысле ценности можно разделить на четыре категории: материальные, культурные, нравственные и духовные. Материальные ценности охватывают такие аспекты, как стабильный доход, жилье, транспортные средства, одежда и другие физические блага. Культурные ценности включают произведения искусства, кинематограф, исторические памятники и наследие. Нравственные ценности подразумевают совесть, честность, уважение к окружающим, а также ответственность за свои действия. Духовные ценности связаны с верой в Бога, проявлением сострадания, доброты и милосердия [4, с. 12].

Некоторые ценности можно считать вечными, так как они важны во все времена и для всех людей. К ним относятся свобода, истина, красота, справедливость, добро и польза. Это те ценности, которые неизменны и важны для развития духовности человека. Во все времена, для всех наций и обществ, данные ценности имели вечное значение [5, с. 35].

В России разработаны официальные документы, систематизирующие традиционные духовные и нравственные ценности страны. Органы власти наделены полномочиями поддерживать и развивать такие ключевые ценности, как вера в добро, справедливость и человечность. Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, открытости внешнему миру были определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 г.²

Перечень же традиционных ценностей России был утверждён указом Президента Российской Федерации Владимира Путина «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей», принятым 11 ноября 2022 г.³ Этот документ описывает

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Консультант-Плюс.

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Собрание законодательства РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584.

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // Собрание законодательства РФ, 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

такие традиционные ценности, как жизнь, свобода человека, права человека, патриотизм, честь, служение Родине и ответственность за будущее Родины, созидательный труд, гражданственность, высокие нравственные идеалы гуманизм, милосердие, взаимное уважение, историческая память и сохранение культурных традиций. Все это проходит через поколения и является связующим звеном между людьми. Важным аспектом является и единство народов России, которое выступает как основа для взаимопонимания и гармоничного сосуществования разных национальностей и культур в рамках одной страны [6].

Факторами подрыва традиционных ценностей и противоречащих фундаментальным основам, на которых строится здоровое общество можно назвать культ безнравственности, культ эгоизма, культ вседозволенности, отрицание идеалов служения Отечеству, отрицание идеалов позитивного вклада России в культуру, отрицание идеалов позитивного вклада России в мировую историю, отрицание идеалов патриотизма, отрицание идеалов продолжения рода, а также отрицание идеалов созидательного труда [7, с. 72].

Эти ценности формируются в результате сложного взаимодействия различных аспектов общества, где ключевую роль играют культурные и религиозные нормы, а также исторический опыт и социальные традиции. Эти ценности служат основой, на которой строится понимание семьи как института, важного для передачи знаний, морали и традиций следующему поколению [8, с. 52].

Семья на протяжении веков занимала важное место в истории России. Лишь небольшое число людей не вступало в брак, что обусловлено либо состоянием здоровья, либо личным выбором, таким как решение стать монахом. В период с конца девятнадцатого по начало двадцатого века около 5 % женщин и 4 % мужчин не были женаты к сорока годам [9, с. 17].

Современные социологические исследования (как наших, так и зарубежных научных деятелей) показывают, что приоритеты молодежи меняются, а традиционные семейные ценности отходят на второй план. Акцент сместился на карьеру, образование и отношения с друзьями. Чтобы сохранить семью как важный аспект жизни, родители и опекуны должны активно формировать взгляды и ценности следующего поколения [3, с. 245].

В своей статье «Кризис современной семьи» писатель П. Сорокин проводит глубокий анализ эволюции семейной жизни, рассматривая многие стороны этого процесса. Он указывает, что «семья как важная социальная единица на протяжении своей истории претерпевала значительные изменения» [10, с. 65]. Это касается как ее внутренних структур, так и внешних влияний, формирующих семейные отношения. П. Сорокин отмечает, что семья продолжает адаптироваться к современным условиям, сталкиваясь с новыми вызовами и изменениями, которые, в свою очередь, отражают более широкий контекст изменений в обществе в целом. Автор статьи подчеркивает, что это стремление к равновесию требует от современного человека осознания важности семейных уз и готовности идти на компромиссы для поддержания гармонии личной жизни.

Сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей прежде всего возможно с помощью общественно-правовых инструментов. В настоящее время появилась возможность реализации разрешения конфликтов посредством медиации. Так, на базе столичных семейных центров созданы службы медиации, которые готовы принимать граждан по таким спорным вопросам, как детско-родительские отношения, межличностные, семейные и супружеские конфликты, а также по проблемам, связанным с бракоразводными процессами. На базе ГБУ ДО «Центр психолого-педагогического сопровождения Кировского района Санкт-Петербурга» создана независимая служба медиации, в состав которой входят сертифицированные медиаторы и педагоги-психологи, прошедшие профессиональное обучение. Данная практика видится применимой и в других субъектах РФ на базе действующих центров социальной помощи семьям.

Заключение

На первый взгляд, общая картина ценностей россиян, в том числе молодежи, выглядит стабильной и сохраняет сходство с традиционными ценностями, сформировавшимися в девяностые годы двадцатого века. На современном этапе развития, наше общество претерпевает огромные изменения, что обусловлено постоянным доступом к различного рода информации. И совершенно естественно, что в подобной ситуации начинают проявляться совершенно новые тенденции. Внешняя среда оказывает огромное влияние на всех членов общества, но под наибольшим давлением находится молодежь, так как их психика недостаточно окрепла, и у них еще нет четкого представления о морали и моральных ценностях¹.

Так как семейная политика является приоритетным направлением работы правительства, следует уделять огромное внимание семейному воспитанию и привитию духовно-нравственных ценностей детям и подросткам. Среда, в которой воспитывается ребенок, формирует его нравственные установки и жизненные ориентации, так как традиции и взаимоотношения оказывают глубокое влияние на характер и мировоззрение ребенка и определяют его дальнейшее поведение и взаимодействие с обществом. В последнее время увеличилось число детей, которые живут в неполных семьях или в семьях, чей материальный достаток ниже нормы. И конечно такие дети вызывают особую тревогу, так как у них присутствует нехватка эмоционального тепла, что сказывается в дальнейшем на их жизни. Государство старается уделять особое внимание детям, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Можно выделить несколько способов, способных укрепить семейные ценности в нашем обществе.

Первый способ это создание условий для семейного времени, когда все члены семьи могут проводить время вместе, обсуждая свои проблемы и радости. Такой способ несомненно способствует укреплению взаимопонимания. Другой способ – это воспитание с детства в детях основных семейных ценностях, таких как уважение, забота о близких, терпение. Как родители, так и учителя играют магистральную роль в развитии у детей таких ценностей.

Законодательные меры для укрепления семейных ценностей могут включать в себя различные программы, направленные на поддержку и защиту семей.

С целью реализации поставленной задачи, целесообразно предложить следующие меры:

- введение налоговых льгот и субсидий для семей с детьми, чтобы облегчить их финансовое положение;
- создание программ поддержки родителей, например, центров помощи и консультаций по воспитанию детей;
- развитие системы отпусков по уходу за детьми и других мер социальной защиты членов семьи;
- проведение информационных кампаний о важности семейных ценностей и роли семьи в обществе;
- внедрение обучающих программ для родителей о правильном воспитании детей;
- создание среды для улучшений жилищных условий семей, включая доступ к доступному жилью и кредитам на него.

Эти и другие законодательные меры могут способствовать благоприятной обстановки для их развития и процветания.

Таким образом, укрепление семейных ценностей в целом в обществе требует усилий со стороны каждого члена общества – от родителей и учителей до государства и общественных организаций. Только таким образом можно создать здоровое и счастливое общество, основанное на любви, взаимопонимании и поддержке семей.

¹ <http://rusrand.ru/analytics/cennosti-i-psihologicheskoe-sostoyanie-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva>

В результате можно сделать вывод, что нивелирование семейных ценностей неприемлемо для России и может иметь серьезные и разрушительные последствия. Существует острая необходимость создания общественного контроля за реализацией государственной политики по сохранению традиционных ценностей, что в дальнейшем будет способствовать созданию оптимальных результатов популяризации семейных ценностей в обществе, особенно среди молодежи.

Список источников

1. Зернова Л. П. Актуализация семейных ценностей как фактор укрепления российской государственности // Россия: тенденции и перспективы развития : материалы XV Международной научной конференции, Москва, 18–19 декабря 2014 года / Отв. ред. Пивоваров Ю. С. Вып. 10. Часть III. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 207–211.
2. Орлова М. Принцип равенства супругов и его реализация в современном праве России. М.: LAP LambertAcademicPublishing, 2021. 188 с.
3. Пегина О. А. Развитие семейных ценностей в XXI веке // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 2(37). С. 245–248.
4. Исаев В. Д. Потребности современного человека в образовании и воспитании и их роль в формировании духовной безопасности личности // Антропос: Логос и Теос. 2023. № S1. С. 12–24.
5. Фролова Е. Ю. Современные тенденции в семейном праве России // Юридический вестник. 2022. № 4. С. 35–42.
6. Кузнецова Н. М. Влияние кризиса семейных ценностей на общественные отношения // Социальные системы и государство. 2018. Вып. 12. С. 88–93.
7. Никифорова О. В. Роль семьи в формировании личности в условиях современного общества // Проблемы социологии. 2021. № 3. С. 72–78.
8. Хавронова Т. К. Социальная политика государства в отношении семьи: анализ и перспективы // Вестник социальных исследований. 2019. № 1. С. 50–58.
9. Лаптева Н. А. Гендерные аспекты в обсуждении семейных ценностей и норм // Политические науки и гендерные исследования. 2023. № 2. С. 17–25.
10. Сорокин П. Кризис современной семьи: социологический очерк // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 1997. № 3. С. 65–79.

References

1. Zernova L. P. Actualization of family values as a factor in strengthening Russian statehood. In: *Russia: trends and prospects of development : proceedings of the XV International Scientific Conference*, Moscow, December 18-19, 2014. Ed. Pivovarov Yu. S. Issue 10. Part III. Moscow: INION RAS; 2015: 207–211. (In Russ.)
2. Orlova M. *The principle of equality of spouses and its implementation in modern Russian law*. Moscow: LAP LambertAcademicPublishing, 2021. 188 p. (In Russ.)
3. Pegina O. A. The development of family values in the 21st century. *Bulletin of the Pacific the State University*. 2015;2(37):245–248. (In Russ.)
4. Isaev V. D. The needs of a modern person in education and upbringing and their role in shaping the spiritual security of the individual. *Anthropos: Logos and Theos*. 2023;(S1):12–24. (In Russ.)
5. Frolova E. Yu. Modern trends in family law in Russia. *Legal Bulletin*. 2022;(4):35–42. (In Russ.)
6. Kuznetsova N. M. The impact of the crisis of family values on public relations. *Social systems and the state*. 2018;(12):88–93. (In Russ.)
7. Nikiforova O. V. The role of the family in personality formation in modern society. *Problems of Sociology*. 2021;(3):72–78. (In Russ.)

8. Khavronova T. K. Social policy of the state in relation to the family: analysis and prospects. *Bulletin of Social Research*. 2019;(1);50–58. (In Russ.)
9. Lapteva N. A. Gender aspects in the discussion of family values and norms. *Political Science and gender studies*. 2023;(2):17–25. (In Russ.)
10. Sorokin P. The crisis of the modern family: a sociological essay. *Bulletin of Moscow State University. Series 18: Sociology and Political Science*. 1997;(3):65–79. (In Russ.)

Информация об авторах

С. А. Закирова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия.

Л. Ю. Емченко – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия.

Information about the authors

S. A. Zakirova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law, Rostov branch of the Russian State University of Justice.

L. Yu. Yemchenko – Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, Rostov branch of the Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 25.02.2025.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-102-109>

EDN AVGHTW

Особенности правового регулирования деятельности музеев

Вероника Дмитриевна Бурдова

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия, vdburdova@gmail.com

Аннотация

Цель исследования – выявить особенности правового регулирования деятельности музеев, проанализировать правовую природу «музейного права», определить правовое содержание данного права.

Теоретические основы

В данной работе при разработке темы исследования используются методы анализа, сравнения и обобщения.

Правовая неопределенность касательно сущностного содержания музейного права порождает в теории множество различных подходов. Подобное разобщенное понимание исследуемого предмета не позволяет определить его юридическую природу и является предпосылкой для дополнительного анализа.

Автор отмечает, что «музейное право» принадлежит только музею, за которым закрепляется право оперативного управления музейными предметами. Таким образом, существует специальный субъект права, которым является сам музей, и у которого в силу закона возникает соответствующее право. Это право на передачу прав на использование в коммерческих целях воспроизведения музейных предметов и музейных коллекций, а также особое право на действия по изданию изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций. Однако данное право в законе не определено. Данное право является сходным по характеру с исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности, но не совпадает с ним. Если срок действия исключительного права ограничен, оно отчуждаемо и субъект данного права строго не определен, то «музейное право» является бессрочным и неотчуждаемым. Однако в теории существуют различные точки касательно срока действия данного права.

Результаты и выводы

В настоящее время не сформировано единого подхода к определению правовой природы «музейного права», его относят как отдельной отрасли права, так и отдельному субъективному частному праву. Существует необходимость в продолжении научных исследований с целью разрешения существующей неопределенности в вопросах правовой сущности музейного права.

Результаты исследования могут быть использованы для проведения дальнейших научных исследований по данной и связанной с ней проблемами, в том числе в качестве теоретической основы для исследования проблематики воспроизведения музейных предметов, а также могут стать отправной точкой исследований при проработке юридических аспектов музейного законодательства и законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: авторское право, воспроизведение произведения искусства, исключительное право, музей, музейное право, музейный фонд, общественное достояние, правовое регулирование

Для цитирования: Бурдова В. Д. Особенности правового регулирования деятельности музеев // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 102–109. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-102-109>. EDN AVGHTW

Problems of Civil Law

Original article

Features of legal regulation of the activity of museums

Veronika D. Burdova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, vdburdova@gmail.com

Abstract

The purpose of the study is to identify the specifics of the legal regulation of museums, analyze the legal nature of "museum law", and determine the legal content of this right.

Theoretical foundations

In this paper, methods of analysis, comparison and generalization are used in the development of the research topic.

The legal uncertainty regarding the essential content of museum law generates many different approaches in theory. Such a disjointed understanding of the subject under study does not allow us to determine its legal nature and is a prerequisite for additional analysis.

The author notes that "museum law" belongs only to the museum, which is assigned the right of operational management of museum objects. Thus, there is a special legal entity, which is the museum itself, and which, by virtue of the law, has the corresponding right. This is the right to transfer the rights to use reproductions of museum objects and museum collections for commercial purposes, as well as a special right to publish fine, printed, printed and other replicated products and consumer goods using images of museum objects and museum collections. However, this right is not defined in the law. This right is similar in nature to the exclusive right to the result of intellectual activity, but does not coincide with it. If the term of the exclusive right is limited, it is alienable and the subject of this right is not strictly defined, then the "museum right" is indefinite and inalienable. However, in theory, there are different points regarding the duration of this right.

Results and conclusions

Currently, there is no unified approach to defining the legal nature of "museum law"; it is considered both a separate branch of law and a separate subjective private law. There is a need to continue scientific research in order to resolve the existing uncertainty regarding the legal nature of museum law.

The results of the study can be used to conduct further scientific research on this and related issues, including as a theoretical basis for studying the problems of reproduction of museum objects, and can also become a starting point for research into the legal aspects of museum legislation and legislation in the field of intellectual property.

Keywords: copyright, reproduction of a work of art, exclusive right, museum, museum law, museum foundation, public property, legal regulation

For citation: Burdova V. D. Features of legal regulation of the activity of museums. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):102–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-102-109>. EDN AUGYCK

Введение

Конституция Российской Федерации провозглашает, что каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям.

Однако, по мнению автора, присутствие четко выраженного публичного интереса в сохранении особо ценных произведений искусства, регулирование их использования позволяет законодательно наделить музеи специальным правом в области регулирования использования изображений музейных предметов и музейных коллекций [1–2]. Такие культурные ценности, включенные в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, являются государственной собственностью и закрепляются за музеями на праве оперативного управления, содержание которого состоит в праве самостоятельно владеть и пользоваться вещью, а также распоряжаться ею с согласия собственника¹.

Правомочия музеев по предоставлению права на воспроизведение музейных предметов и коллекций в рамках коммерческой деятельности регламентированы в статье 36 Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»², а также в статье 53 Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Согласно указанным нормам, передача прав на использование воспроизведений музейных предметов, входящих в состав Музейного фонда Российской Федерации, а также производство изобразительной, печатной, сувенирной и иной тиражируемой продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов, зданий музеев, объектов на территории музеев, а также их названий и символики допускается только с разрешения руководства музеев³.

Правовое содержание «музейного права»

Правовая неопределенность касательно сущностного содержания музейного права порождает в теории множество различных подходов.

Согласно мнению К. Е. Рыбака, уникальная роль музеев в сфере культуры, их большое социальное и экономическое значение, специфика нормативного регулирования, задачи практики позволили обозначить самостоятельную область права – музейное право [5, с. 213].

Профессор К. И. Скловский считает [5, с. 213], что музейное право представляет собой неимущественное право, вытекающее из вещных прав на музейные коллекции. В рамках права собственности присутствует нематериальный компонент, связанный с правом на демонстрацию и воспроизведение собственных объектов, что делает владельца заинтересованным в защите своей собственности. В данном контексте музей, обладая вещным правом, вправе разрешать или запрещать использование изображений музейных предметов в коммерческих целях. Это неимущественное право, подобно авторскому праву, может порождать имущественные права. Хотя данная концепция акцентирует внимание на противоречиях между этой нормой и основами авторского права, она не объясняет правовые различия между предметом искусства и произведением искусства.

Другую точку зрения о природе музейного права высказывает Э. О. Гаврилов, утверждая, что последнее представляет собой вещные права на материальные предметы. Данное музейное право выражается в критериях сохранения в первоизданном виде особо ценных предметов культуры и обеспечения беспрепятственного доступа к ним.

¹ Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2591.

² Там же.

³ См.: Закон Российской Федерации от 09.10.1992 N 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // СПС «КонсультантПлюс», а также [2–4].

Тем самым музей имеет право на получение вознаграждения в рамках данного права только в тех случаях, когда изображение музейного предмета создается с непосредственным использованием самого объекта, то есть доступ к музейному предмету обеспечивается музеем во время создания изображения. Что касается прав на владение, использование и распоряжение уже созданными копиями (изображениями) музейных экспонатов, то эти права не затрагивают и не могут затрагивать интересы владельцев музейных предметов. Следовательно, указанные права находятся вне рамок вещных прав, принадлежащих собственникам музейных объектов, и не подлежат их контролю или ограничению.

Таким образом, музейное право приравнивается к праву на создание изображения музейного предмета с использованием его оригинала [6, с. 81], к нему не применимы нормы ч. 4 ГК РФ ни прямо, ни по аналогии, оно не является исключительным, а потому возникает возможность свободного использования копий изображений музейных предметов и их дальнейшее воспроизведение без согласия и без выплаты вознаграждения. Сущностное содержание музейного права выражается в предоставлении права на первую публикацию – все те случаи, когда музей получает просьбу разрешить изготовить изображение (репродукцию, копию, фотографию) музейного предмета.

Стоит отметить, что право публикации распространяется не столько на изготовление копии музейного предмета, сколько на комплекс действий, включая право публичного показа музейного предмета в экспозициях и на выставках, воспроизведения как в печатных изданиях, так и на электронных и других видах носителей, использовании в личной деятельности музея, например, воспроизведение музейных предметов в сувенирной продукции и т.д.¹, поскольку музеи в Российской Федерации в соответствии со своими учредительными документами могут осуществлять приносящую доходы деятельность.

Ученые в области юриспруденции М. Ю. Козлова, Д. В. Кожемякин, О. А. Сергачева считают, что определение музейного права как связанного с вещным правом на музейные экспонаты (как в контексте нематериальных прав, так и в отношении правомочий) не является вполне корректным [7, с. 139]. Дело в том, что содержание права собственности или другого вещного права связано непосредственно с объектом и не должно претерпевать значительных изменений в зависимости от статуса владельца. В то время как музейное право больше связано не столько с самим предметом, сколько с правовым статусом музея как уникального субъекта права.

Подобное разобщенное понимание исследуемого предмета не позволяет определить его юридическую природу и является предпосылкой для дополнительного анализа.

Для начала стоит отметить, что «музейное право» принадлежит только музею, за которым закрепляется право оперативного управления музейными предметами. Таким образом, существует специальный субъект права, которым является сам музей, и у которого в силу закона возникает соответствующее право. Это право на передачу прав на использование в коммерческих целях воспроизведения музейных предметов и музейных коллекций, а также особое право на действия по изданию, изобразительной, печатной, сувенирной и другой тиражированной продукции и товаров народного потребления с использованием изображений музейных предметов и музейных коллекций [1]. Однако данное право в законе не определено.

Данное право является сходным по характеру с исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности, но не совпадает с ним. Если срок действия исключительного права ограничен, оно отчуждаемо и субъект данного права строго не определен,

¹ Положение о музейном фонде Российской Федерации, утвержденное Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 15 января 2019 г. № 17 «Об утверждении Положения о Музейном фонде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

то «музейное право» является бессрочным и неотчуждаемым. Однако в теории существуют различные точки касательно срока действия данного права.

Есть мнение, что для музейного права на сегодняшний день, с одной стороны, не существует никаких временных ограничений, тем самым оно относится к категории бессрочных прав, то есть сохраняется даже в том случае, когда произведение, воплощенное в музейном предмете, перешло в общественное достояние. Но, с другой стороны, основанием возникновения музейного права является факт включения предмета в Музейный фонд, что возможно и до истечения срока действия исключительного права на произведение, воплощенное в музейном предмете [7, с. 146].

То же отмечает в своем исследовании и профессор М. А. Федотов [8], говоря о том, что законодательство не вводит временных ограничений для музейного права, тем самым оно сохраняется и после перехода произведения в общественное достояние, однако возникновение музейного права происходит только с момента включения предмета искусства в состав Музейного фонда, что и теоретически, и на практике возможно до истечения сроков охраны исключительного права на произведение [3].

По мнению автора, особое «музейное право» на результат воспроизведения музейных предметов и музейных коллекций действует до тех пор, пока музейный предмет и музейная коллекция сохраняют свой правовой статус, входят в Музейный фонд РФ и находятся в собрании музея. С момента утраты хотя бы одного из перечисленных признаков право на результат воспроизведения музейных предметов и музейных коллекций прекращается [1]. Однако при сохранении всех необходимых условий данное право музея является бессрочным.

«Музейное право» возникает на результаты воспроизведения музейных предметов и музейных коллекций, которые выражаются в нематериальной форме, включает в себя такой набор правомочий как использование музеем результата воспроизведения любым не противоречащим закону способом, а также распоряжение правом посредством предоставления третьим лицам разрешения на использование результата воспроизведения музейных предметов и музейных коллекций в рамках лицензионного договора [4].

Учитывая тот факт, что оформление взаимоотношений между музеем и третьим лицом происходит в рамках договорных конструкций, то музей имеет полное право самостоятельно выбирать контрагентов, поскольку, в первую очередь, музей участвует в формировании культурной составляющей общества и ее развития, а уже потом удовлетворяет личные потребности коммерческих организаций. Степень коммерциализации должна находиться в морально-этической плоскости, так как музей прежде всего реализует социокультурные функции [1]. Предоставление права музеям ограничивать произвольное использование в коммерческих целях воспроизведений таких объектов имеет целью минимизировать возможный ущерб Музейному фонду [3–4], поскольку на практике нередко возникают ситуации, когда изображения музейных предметов используются в уничижительном или искаженном виде на продукции товаропроизводителя. Музей способен предотвращать подобные случаи.

Согласно проведенному анализу в большинстве договорах о предоставлении права на воспроизведение содержатся положения о способах использования изображения музейного предмета, сроках, цели, стоимости, тираже, уничтожению экземпляров по окончании срока действия договора, соблюдении личных неимущественных прав автора, а также условия о переработке произведения.

Однако на практике нередки случаи нарушения «музейного права» со стороны третьих лиц, в части увеличения тиражности воспроизведения, внесения изменений в изображение музейного предмета, использования результата воспроизведения за пределами срока и территории распространения, использования изображения при действующем

отказе такого использования и использования результата способом, не предусмотренным договором и т. д.

В случае нарушения права музей вправе прибегнуть к способам защиты, определяемых общими положениями гражданского законодательства (ст. 12 ГК РФ). Наиболее частым способом защиты нарушенного права является возмещение убытков в виде упущенной выгоды. Для оценки убытков стоимость использования изображений музейных экспонатов, как правило, устанавливается согласно прейскуранту или через специальный механизм, разработанный самим музеем.

Так, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей истории Санкт-Петербурга» обратилось в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском о взыскании с общества с ограниченной ответственностью «КРИГА» 768 180 руб. убытков причиненных в результате незаконного использования изображений музейных предметов¹. В договоре между музеем и Обществом было согласовано, что использование изображений в целях, не обозначенных в пунктах договора, не допускается.

Вместе с тем ООО «Крига» был издан дополнительный альбом, где были включены изображения музейных предметов без указания на их принадлежность музею. Согласно расчету музея, исходя из внутреннего прейскуранта музея, стоимость предоставления права использования составила 768 180 руб. Расчет судом был проверен и признан верным.

В другом деле ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» подало иск к ООО «Кедр» о взыскании убытков в виде упущенной выгоды за реализацию товара «Карамель леденцовая» с изображением Сигнального колокола, являющегося объектом культурного наследия федерального значения, закрепленного за музеем-заповедником на праве оперативного управления, без разрешения правообладателя. С ответчика была взыскана упущенная выгода, которая подтверждена истцом Положением о предоставлении услуги на использование изображений музейных предметов и музейных коллекций, зданий, объектов, недвижимых памятников, которые закреплены за учреждением культуры, утвержденным приказом от 20.12.2016 №177².

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время не сформировано единого подхода к определению правовой природы «музейного права», его относят как отдельной отрасли права, так и отдельному субъективному частному праву.

Существенной частью музейных коллекций являются материальные носители (музейные предметы), в которых выражены соответствующие результаты интеллектуальной деятельности, сроки действия исключительных прав на которые истекли и которые перешли в общественное достояние. Однако это не означает, что музей утрачивает право на распоряжение результатом их воспроизведения. Музейное право является особым правом на результат воспроизведения музейного предмета и музейной коллекции. В воспроизведениях музейных предметов наблюдается условное единство самого произведения и материальной формы, в котором оно выражено. С одной стороны, отношения по использованию результатов воспроизведений музейных предметов как объектов интеллектуальных прав регламентируются гражданско-правовыми нормами, с другой стороны, музейные экспонаты подпадают под действие музейного законодательства, содержащего большое количество норм административного характера.

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 марта 2013 г. по делу № А56-52447/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29 апреля 2021 г. по делу № А83-13886/2019 // СПС КонсультантПлюс».

Музейное право – это имущественное, бессрочное и неотчуждаемое поскольку существует специальная правосубъектность стороны договора – дирекция музея. Оно является сходным с исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности, но не совпадающим с ним. Данное право включает в себя такие правомочия, как использование музеем результата воспроизведения любым не противоречащим закону способом, а также распоряжение правом посредством предоставления третьим лицам разрешения на использование результата воспроизведения.

Между тем существует необходимость в продолжении научных исследований с целью разрешения существующей неопределенности в вопросах правовой сущности музейного права.

Список источников

1. Бурдова В. Д. Дуализм правовой природы музейных прав // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 41. No 2. С. 54–59.
2. Бурдова В. Д. Результаты воспроизведения музейных предметов и музейных коллекций как квазиобъекты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху / Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты: коллективная монография. Вып. 19 / рук. и науч. ред. д. ю. н. М. А. Рожкова; вступ. ст.: В. А. Корнеев. – М.: ГАУГН Пресс, 2023. – 438 с. – (серия «Анализ современного права / IP & Digital Law»). С. 182–193.
3. Бурдова В. Д. Музеи как субъекты исключительных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 60–66.
4. Бурдова В. Д., Егорова А. С. Особенности свободного использования произведений, воплощенных в музейных предметах и коллекциях в информационных, научных, учебных или культурных целях // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 112–119.
5. Рыбак К. Е. Нормативно-правовое регулирование деятельности музеев // Право и культура: монография / под общ. ред. В. К. Егорова, О. Н. Астафьевой. М., 2009. 464 с.
6. Гаврилов Э. О. О «музейном праве» // Хозяйство и право. 2015. №3 (458). С. 71–81.
7. Козлова М. Ю., Кожемякин Д. В., Сергачева О. А. Квазиисключительные права на музейные объекты в цифровую эпоху // Право цифровой экономики – 2022 (18): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. д.ю.н. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2022. С. 129–153.
8. Труды по интеллектуальной собственности. Том VI. Право интеллектуальной собственности и информационное право: проблемы правоприменения / Под общей редакцией д.ю.н., проф. М. А. Федотова. М., 2003. С. 6–24.

References

1. Burdova V. D. Dualism of the legal nature of museum rights. *Works on Intellectual Property*. 2022;41(2):54–59. (In Russ.)
2. Burdova V. D. The results of reproduction of museum objects and museum collections as quasi-objects of intellectual property in the digital age. In: *Intellectual property rights in the digital age: selected aspects: a collective monograph*. Issue 19 / hand. and scientific ed. by M. A. Rozhkov, Doctor of Law; introductory article: V. A. Korneev. Moscow: GAUGN Press; 2023. 438 p. –series "Analysis of Modern Law / IP & Digital Law"). Pp. 182–193. (In Russ.)
3. Burdova V. D. Museums as subjects of exclusive rights. *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. September 2023;3(41):60–66. (In Russ.)

4. Burdova V. D., Egorova A. S. Features of the free use of works embodied in museum objects and collections for informational, scientific, educational or cultural purposes. *Journal of the Court of Intellectual Rights*. September 2023;3(41):112–119. (In Russ.)
5. Rybak K. E. Normative and legal regulation of the activities of museums. In: *Law and culture: monograph*. Under the general editorship of V. K. Egorov, O. N. Astafieva. Moscow; 2009. 464 p. (In Russ.)
6. Gavrilov E. O. On "museum law". *Economy and law*. 2015;3(458):71–81. (In Russ.)
7. Kozlova M. Yu., Kozhemyakin D. V., Sergacheva O. A. Quasi-exclusive rights to museum objects in the digital age. In: *Law of the digital economy – 2022 (18): Yearbook-anthology* / Hand. and scientific ed. by Doctor of Law M. A. Rozhkova. Moscow: Statute; 2022:129–153. (In Russ.)
8. *Proceedings on intellectual property*. Volume VI. Intellectual property law and information law: problems of law enforcement. Under the general editorship of Doctor of Law, Professor M. A. Fedotov. Moscow; 2003:6–24. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Д. Бурдова – соискатель ученой степени кандидата юридических наук (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)), практикующий юрист.

Information about the author

V. D. Burdova – PhD Candidate (Kutafin Moscow State Law University (MSAL)), practicing lawyer.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 17.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 17.02.2025.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-110-117>

EDN MZPTJQ

Правовая природа приносящей доход деятельности некоммерческих организаций

Анастасия Сергеевна Дороганова

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Ростов-на-Дону, Россия, anastasija-gold@rambler.ru

Аннотация

Цель. Проанализировать понятия «предпринимательская деятельность» и «приносящая доход деятельность» в отношении некоммерческих организаций и соотнести их относительно друг друга.

Задачи работы:

проанализировать нормативно-правовые акты, регулирующие предпринимательскую деятельность и приносящую доход деятельность некоммерческих организаций;
соотнести понятия «предпринимательская деятельность» и «иная приносящая доход деятельность».

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы такие общенаучные методы, как анализ, дедукция, аналогия, диалектический метод. Теоретическую основу работы составляют труды отечественных ученых, посвященные исследованию предпринимательской деятельности и иной приносящей доход деятельности.

Результаты и выводы. Отсутствие закреплённого понятия «приносящая доход деятельность» порождает массу противоречий, таких как определение соответствия деятельности некоммерческих организаций их целям создания. Законодатель дает широкий диапазон для толкования, выделяя лишь в общих чертах данное ограничение. Поэтому можно по-разному истолковать виды деятельности, которые будут соответствовать целям создания или противоречить им. Для повышения эффективности деятельности некоммерческих организаций (далее – НКО) необходимо закрепить нормативно примерный перечень допустимых видов деятельности некоммерческой организации, приносящих ей доход. А так как Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» содержат закрытый перечень организационно-правовых форм НКО, каждая из которых со своими определенными целями, разумно было бы определить допустимые виды деятельности соответственно для каждой организационно-правовой формы согласно их целям создания.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, организационно-правовые формы, юридические лица, устав, допустимость деятельности, некоммерческие организации, доход, Гражданский кодекс РФ

Для цитирования: Дороганова А. С. Правовая природа приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 110–117. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-110-117>. EDN MZPTJQ

Legal nature of income-generating activities of non-profit organizations

Anastasia S. Doroganova

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, anastasija-gold@rambler.ru

Abstract

Purpose

Analyze the concepts of "entrepreneurial activity" and "income-generating activity" in relation to non-profit organizations and correlate them relative to each other.

Work objectives:

analyze the regulatory legal acts regulating entrepreneurial activity and income-generating activities of non-profit organizations;

correlate the concepts of "entrepreneurial activity" and "other income-generating activities".

Materials and methods

The work uses a set of scientific research methods. In the course of the research, such general scientific methods as analysis, deduction, analogy, and the dialectical method were used. The theoretical basis of the work consists of the works of Russian scientists devoted to the study of entrepreneurial activity and other income-generating activities.

Results and conclusions

The lack of a fixed concept of "income-generating activity" generates a lot of contradictions, such as determining whether the activities of non-profit organizations correspond to their goals of creation. The legislator provides a wide range of interpretation, highlighting only in general terms this limitation. Therefore, it is possible to interpret in different ways the types of activities that will meet the goals of creation or contradict them. In order to increase the effectiveness of non-profit organizations (hereinafter referred to as NPOs), it is necessary to establish a normative approximate list of acceptable types of activities of a non-profit organization that generate income for it. And since the Civil Code of the Russian Federation and Federal Law No. 7-FZ dated January 12, 1996 "On Non-Profit Organizations" contain a closed list of organizational and legal forms of NPOs, each with its own specific goals, it would be reasonable to determine the permissible types of activities for each organizational and legal form, respectively, according to their goals of creation.

Keywords: entrepreneurial activity, organizational and legal forms, legal entities, charter, permissibility of activity, non-profit organizations, income, Civil Code of the Russian Federation

For citation: Doroganova A. S. Legal nature of income-generating activities of non-profit organizations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):110–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-110-117>. EDN MZPTJQ

Введение

В современном мире некоммерческие организации (далее НКО) приобретают все более важную роль в становлении гражданского общества. Они максимально самостоятельны в процессе создания или осуществления своей деятельности без особого вмешательства со стороны государства. Многие авторы оправдывают это тем, что НКО выполняют «полезные» функции для государства. Так, например, Д. И. Степанов справедливо пишет, что «это в известном смысле плата, индульгенция, которую государство дает некоммерческой организации за то, что последняя выполняет часть функций, которые в иных случаях пришлось бы брать на себя государству, поскольку социальные программы – это традиционно сфера ответственности государства» [1]. В то же время Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» наделяет НКО правом осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность, что несомненно требует контроля со стороны

государства¹. Важным условием является то, что такая деятельность должна быть указана в учредительных документах НКО. В настоящее время российское законодательство не содержит механизма регулирования вышеназванной деятельности НКО. Это непосредственно порождает множество дискуссий в научной доктрине относительно соотношений понятий «предпринимательская деятельность» и «иная приносящая доход деятельность». Нововведения в законодательстве оставляют актуальным вопрос разделения данных понятий и нецелесообразно, на взгляд автора, считать, что только коммерческие организации осуществляют предпринимательскую деятельность, а прерогативной некоммерческих является иная приносящая доход деятельность. Такой достаточно узкий подход к дефиниции вышеназванных понятий порождает проблемы при определении деятельности субъектов предпринимательства, а также влияет на сложность применений норм предпринимательского права.

Теоретические основы

Объектом исследования являются предпринимательская и приносящая доход деятельность некоммерческих организаций. В работе используется комплекс научных методов изучения. В ходе исследования были использованы такие общенаучные методы, как анализ, дедукция, аналогия, диалектический метод. Теоретическую основу работы составляют труды отечественных ученых, посвященные исследованию предпринимательской деятельности и иной приносящей доход деятельности. Среди них Степанов Д. И., Олейник О. М., Гутников О. В., Соيفер Т. В., Скворцова Т. А., Мамутов В. К., Хахулина Г.Л. и многие другие.

Результаты и обсуждение

Для начала необходимо разобраться с понятием «предпринимательская деятельность». Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ) дает нам легальное определение, в котором говорится, что это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг². В теории науки предпринимательского права есть и доктринальные понятия предпринимательской деятельности. Например, В. К. Мамутов считает, что «предпринимательство – одно из направлений хозяйственной деятельности, одна из черт которой является получение прибыли». Но, во-первых, десятки тысяч субъектов хозяйственной деятельности создаются и функционируют не ради извлечения прибыли, а в целях решения социальных задач. Во-вторых, промышленные, строительные, транспортные и другие предприятия создаются и осуществляют хозяйственную деятельность не только в целях получения прибыли» [2]. Данное определение противоречит определению, закреплённому в ГК РФ, что запутывает еще больше.

О. М. Олейник в своей статье выделяет две основные цели предпринимательской деятельности, причем определяя первую как не извлечение прибыли, а создание товара и только на его основе уже возможность получить прибыль [3]. Стоит обратить наше внимание на высказывание И. В. Ершовой о том, что, если «получение прибыли как цель не ставится изначально, деятельность нельзя назвать предпринимательской, она не носит коммерческого характера» [4].

ГК РФ рассматривает же некоммерческие организации через призму отрицания предпринимательских целей их создания. Согласно ГК РФ и Федеральному закону от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее ФЗ от 12.01.1996) НКО создаются для общественно полезных целей, но никак не для распределения прибыли³. Таким способом законодатель разграничивает коммерческие организации от некоммерческих. Но деятельность НКО находится в особом правовом поле и регулируется не только ГК РФ, но и специальным

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 30.09.2024) «О некоммерческих организациях».

² Ст. 2 "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).

³ Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 30.09.2024) «О некоммерческих организациях».

законом, а именно Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». И сложность такого правового регулирования заключается в противоречиях выше-названных НПА. ФЗ от 12.01.1996 наделяет НКО правом осуществлять предпринимательскую деятельность с поправкой, что такой деятельностью признается приносящее прибыль производство товаров и услуг, которое отвечает целям создания НКО, в то время как ГК РФ лишает их такого права.

Отсутствие закрепленного в законодательстве определения «приносящая доход деятельность» порождает массу противоречий, начиная от толкования смысла до соотношения его с понятием «предпринимательская деятельность». По сей день вопрос определения «приносящая доход деятельность» остается актуальным и наименее изученным. Гутников О. В. выделяет два варианта решения данного вопроса. В первом варианте он предлагает рассматривать данное понятие как извлечение прибыли, чтобы покрыть все расходы, но не как получение дохода. Во втором варианте он предлагает рассмотреть через призму предпринимательской деятельности, но отличающейся от нее не систематичностью, являющейся не основной, а рассмотреть как дополнительную деятельностью организации [5]. Законодателем были предприняты попытки унифицировать эти понятия, однако принятая Концепция реформы законодательства о юридических лицах не смогла этого сделать. Понятие «предпринимательская деятельность» в Федеральном законе от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» осталось без изменений.

В настоящее время ГК РФ разрешает НКО только осуществлять приносящую доход деятельность. На взгляд автора, подобная ситуация неверная, поскольку вышеназванная формулировка намного обширнее, чем те, что были предложены в Концепции. Законодатель предполагал ввести понятие «вспомогательная хозяйственная деятельность». Да и сами пределы осуществления приносящей доход деятельности довольно размыты. Концепция реформы предполагала привязать осуществляемую деятельность к специальной правоспособности НКО, в то время как ныне действующее законодательство ограничивает эту деятельность всего лишь рамками соответствия целям создания организации.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что современное законодательство расширяет границы экономической деятельности НКО, в то время как проект Концепции реформы предполагал бы сузить их. Отсюда вытекает автоматически и новая проблема, а что если не понимая рамок своей деятельности, НКО выйдет за них? Суды не могут ответить на этот вопрос. Некоторые суды высказывают свою позицию, что ограничений по видам деятельности законодателем не установлены. Такая позиция нашла свое закрепление и в НПА. Так, например, Федеральный закон от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ "Об автономных учреждениях" гласит, что основная деятельность автономного учреждения- это деятельность, которая направлена на достижение целей, ради которых учреждение создавалось¹. В вышеназванном случае нет запрета на осуществление коммерческой деятельности, ее ограничение выражается только в целях создания организации. Другие же, напротив, исходят из целевого назначения НКО. Например, недопустима деятельность религиозной организации по оснащению тренажерного зала, так как это не соответствует прописанным в уставе видам деятельности². Таким образом, оценивая каждый раз законность деятельности НКО, судам приходится рассматривать два момента: соответствует ли деятельность целям создания организации и соответствует ли прописанным в уставе разрешенным видам деятельности. Отсюда испытываются трудности при определении допустимости осуществления той или иной экономической деятельности.

Проанализировав ФЗ от 12.01.1996, можно также обратить внимание, что ч. 1 статьи 6 данного закона в отношении общественных и религиозных организаций употребляет термин «предпринимательская деятельность». Аналогичные формулировки просматриваются

¹ Ст. 4 Федерального закон от 3 ноября 2006 г. N 174-ФЗ "Об автономных учреждениях".

² Постановление АС Уральского округа от 6 сентября 2019 г. N Ф09-5338/19 по делу N А71-23875/2018.

и в других статьях закона в отношении многих организационно-правовых форм НКО. Но ранее здесь (в исследовании) упоминалось, что статья 2 ФЗ от 12.01.1996 наделяет некоммерческие организации правом осуществлять и предпринимательскую деятельность и иную приносящую доход деятельность. Получается, в одном и том же НПА есть противоречия статей и тем более нет соответствия ГК РФ. Отсюда можно сделать вывод, что сам законодатель не разделяет оба понятия. Подтверждение данной позиции можно найти и в Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25, где Верховный Суд РФ высказал позицию, что на приносящую доход деятельность некоммерческих организаций распространяется положение законодательства, применимое к лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью¹. Это еще одна проблема, которая существует в настоящее время.

На наш взгляд, предпринимательская деятельность не всегда означает только получение прибыли, но и может означать достижение социально значимых целей. Тому подтверждение экологическое и социальное предпринимательство, а также предпринимательская деятельность в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

О. М. Олейник высказывает свою точку зрения, что определение, данное в ГК РФ, посвящено отношениям, попадающим под регулирование гражданского законодательства, и что соответственно в нем не представлена интерпретация предпринимательской деятельности в целом. Получается, что по мнению вышеназванного автора, в статье 2 ГК РФ указана лишь сфера действия гражданского законодательства, под которую и попадают отношения предпринимателей [6]. Наделение НКО правом осуществлять предпринимательскую деятельность не носит противоправный характер. В научной доктрине уже достаточно долго ведутся споры о предоставлении НКО права заниматься предпринимательской деятельностью. Одни авторы полагают, что наделение таким правом станет решающим при создании НКО и по сути они станут коммерческими организациями [7]. Судебная практика свидетельствует об активном участии НКО в предпринимательских правоотношениях². Другие авторы полагают, что возможность осуществлять предпринимательскую деятельность позволит некоммерческим организациям развивать материальное обеспечение, без чего невозможно достижение общественно полезных целей. К таким авторам относится Степанов Д. И. По его мнению законодателю необходимо оставить одно ограничение, а именно запретить участникам НКО распределять прибыль между собой.

При этом законодатель устанавливает допустимые виды предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, а именно «...приносящее прибыль производство товаров и услуг, отвечающее целям создания НКО, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика»³. Но тут происходит путаница. Сравнивая понятия «предпринимательская деятельность» в ГК РФ и деятельность НКО, приносящая им доход, в ФЗ от 12.01.1996, просматривается, что сам законодатель ограниченно толкует предпринимательскую деятельность в Федеральном законе. Если в ГК получение прибыли происходит от продажи товаров, выполнение работ и оказание услуг, пользования имуществом, то получить прибыль по смыслу Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» можно только от производства товаров и услуг. Федеральный закон также гласит, что к деятельности НКО относится приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика. Модельный устав НКО,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Определение Верховного Суда РФ от 9 января 2020 г. N 309-ЭС19-24196 по делу N A71-23875/2018; Определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. № 306-ЭС19-22648 по делу N A12-32209/2018; решение Верховного Суда РФ от 25 ноября 2020 г. № АКПИ20-863.

³³ Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 30.09.2024) "О некоммерческих организациях"

разработанный Минюстом России, не закрепляет примерный перечень видов, но указывает о том, что виды деятельности должны быть закреплены в уставе и соответствовать целям создания НКО¹. Все это говорит о том, что вопрос о возможности включения того или иного вида деятельности в устав НКО остается на самостоятельное рассмотрение организации с последующим контролем Минюста России.

Толкуя смысл двух НПА относительно понятия «предпринимательская деятельность», мы не можем отнести понятие, данное в ФЗ от 12.01.1996 под категорию «предпринимательской деятельности», отраженное в ГК РФ, так как законодатель не указывает там подобные виды деятельности. Отсюда делаем вывод, что это иная приносящая доход деятельность, и определение, указанное в ч. 2 ст. 24 ФЗ от 12.01.1996, – это частный случай деятельности, приносящий доход. Также Конституционный Суд России подчеркнул, что деятельность обществ не является предпринимательской, но при этом п. 5 ч. 123.24 ГК РФ гласит, что автономная некоммерческая организация имеет право на предпринимательскую деятельность, создавая для ее осуществления хозяйственные общества или принимая участие в них². Помимо этого, если в отношении производства товаров и услуг законодатель указывает такое условие, как соответствие целям деятельности организации, то в отношении вышеназванных видов деятельности не счел нужным сделать это. Верховный Суд РФ в своем решении от 12.07.2017 года указал, что «не допускается деятельность, которая не отвечает целям НКО, даже если сам доход от нее служит этим целям».³ Суд апелляционной инстанции поддержал данный вывод⁴. Требование о соответствии целям создания НКО носит не формальный характер, а выражается в выполнении Минюстом России своих полномочий. На основании Приказа Минюста России от 30 декабря 2021 г. N 274 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Административного регламента осуществления Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) за соответствием деятельности некоммерческих организаций уставным целям и задачам, филиалов и представительств международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации» Минюст осуществляет проверки соответствия деятельности НКО его целям создания, которые проводятся при государственной регистрации организации или при регистрации новой редакции устава⁵.

О. В. Гутников высказывает свою точку зрения, что ограничение видов деятельности НКО в их уставах не означает совсем ограничения некоммерческой организации в ее правоспособности. Несомненно можно поддержать позицию вышеназванного автора, что «в устав НКО нетрудно включить любые виды деятельности, а так называемый целевой барьер является достаточно размытым и неопределенным» [8, с. 145]. Можно расценить один и тот же вид деятельности и как достижение общественно полезных целей, и как возможность получить прибыль, а это уже попадает под признаки коммерческой организации. Например, оказание юридической помощи гражданам можно рассмотреть как деятельность НКО, приносящая ей доход, и как деятельность коммерческой организации. Отсюда можно сделать

¹ Модельный устав некоммерческой организации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7733/#tdocumentcontent>

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 N 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона "Об акционерных обществах", регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании "Кадет Истеблишмент" и запросом Октябрьского районного суда города Пензы».

³ Решение Верховного Суда РФ от 12 июля 2017 г. N АКПИ17-525.

⁴ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20 сентября 2017 г. N АПЛ17-367.

⁵ П.4.1 ст.32 Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 30.09.2024) «О некоммерческих организациях».

вывод, что это свидетельствует об отсутствии единой концепции правового регулирования видов деятельности, приносящей доход НКО [9, с. 40]. Поэтому специалисты в научной доктрине указывали, что нецелесообразно закреплять допустимые виды приносящей доход деятельности. Такой позиции придерживается и Сойфер Т.В. [10, с. 29]. Таким образом, следует, что законодатель общими чертами определяет соответствие конкретных видов деятельности, приносящей доход, целям создания НКО, тем самым давая широкий диапазон для трактовки. Каждый может по-разному определить, какие виды деятельности поспособствуют достижению целей создания, а какие нет. Этот правовой пробел остается нерешенным в настоящее время и требует конкретики в НПА о допустимых видах деятельности НКО.

Заключение

Итак, путем проведенного исследования можно сделать следующий вывод.

Отсутствие закреплённого понятия «приносящая доход деятельность» порождает массу противоречий, например, таких как определение соответствия деятельности некоммерческих организаций их целям создания. Законодатель дает широкий диапазон для толкования, выделяя лишь в общих чертах данное ограничение. Поэтому можно по-разному истолковать виды деятельности, которые будут соответствовать целям создания или противоречить им. Целесообразно, на наш взгляд, для повышения эффективности деятельности НКО закрепить нормативно примерный перечень допустимых видов деятельности некоммерческой организации, приносящих ей доход. Для начала вышеназванный перечень можно было закрепить в модельном уставе НКО, а в дальнейшем внести изменения в законодательство, регулирующее некоммерческие организации. Это позволит организациям на этапе составления устава уже понимать разрешенные контролирующими органами границы допустимости деятельности. А так как Гражданский Кодекс РФ и Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» содержат закрытый перечень организационно-правовых форм НКО, каждая из которых со своими определенными целями, разумно было бы определить допустимые виды деятельности соответственно для каждой организационно-правовой формы согласно их целям создания.

Список источников

1. Степанов Д.И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. Т. 7. С. 13–60.
2. Хозяйственное право: Учебник / В. К. Макутов, К. С. Хахулина, Г. Л. Знаменский [и др.]; Под ред. В. К. Макутова; Автор предисловия и послесловия В. К. Макутов. Киев: Юринком Интер, 2002. 912 с.
3. Олейник О.М. Понятие предпринимательской деятельности и ее целей в российском праве // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ГОУ ВПО МГОУ. 2009. № 4. С. 42–49.
4. Предпринимательское право: Учебник для бакалавров / И. В. Ершова, Г.Д. Отнюкова, Л.В. Андреева [и др.]. М.: Проспект, 2014. 624 с.
5. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: Монография. М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2019 // СПС "КонсультантПлюс".
6. Олейник О. М. Формирование критериев квалификации предпринимательской деятельности в судебной практике // Предпринимательское право. 2013. № 1. С. 2–16.
7. Сойфер Т. В. Некоммерческие организации: некоторые проблемы гражданско-правового статуса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 2. С. 3–13.
8. Гутников О. В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 128–163. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.2.128.163>

9. Скворцова Т. А. Правовое регулирование предпринимательской и иной хозяйственной деятельности некоммерческих организаций // *Хозяйство и право*. 2023. № 6. С. 40–49.
10. Соифер Т. В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // *Журнал российского права*. 2016. № 1. С. 22–30. <https://doi.org/10.12737/17228>

References

1. Stepanov D. I. In search of a criterion for distinguishing legal entities into two types and the principle of separation of non-profit organizations. *Bulletin of Civil Law*. 2007;3(7):13–60. (In Russ.)
2. *Economic law: Textbook* / V. K. Mamutov, K. S. Khakhulina, G. L. Znamensky [and others]; Edited by V. K. Mamutov; Author of the preface and afterword V. K. Mamutov. Kiev: Yurinkom Institute; 2002. 912 p. (In Russ.)
3. Oleinik O.M. The concept of entrepreneurial activity and its goals in Russian law. *Bulletin of the Law Faculty of the Kolomna Institute (branch) State Educational Institution of Higher Professional Education of Moscow State University*. 2009;(4):42–49. (In Russ.)
4. *Business law: A textbook for bachelors*. I. V. Yershova, G.D. Otnyukova, L.V. Andreeva [et al.]. Moscow: Prospekt; 2014. 624 p. (In Russ.)
5. Gutnikov O. V. *Corporate responsibility in civil law: A monograph*. Moscow; 2019 (In Russ.).
6. Oleinik O. M. Formation of criteria for the qualification of entrepreneurial activity in judicial practice. *Business law*. 2013;(1):2–16. (In Russ.)
7. Soifer T. V. Non-profit organizations: some problems of civil status. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2010;(2):3–13. (In Russ.)
8. Gutnikov O. V. Classification of legal entities in modern corporate law: organizational and legal forms and criteria for their differentiation. *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2022;(2):128–163. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.2.128.163>. (In Russ.)
9. Skvortsova T. A. Legal regulation of entrepreneurial and other economic activities of non-profit organizations. *Economy and law*. 2023;(6):40–49. (In Russ.)
10. Soifer T. V. Economic activity of non-profit organizations and its civil law provision. *Journal of Russian Law*. 2016;(1):22–30. <https://doi.org/10.12737/17228>. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Дороганова – старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. S. Doroganova – Senior Lecturer, Department of Civil and Entrepreneurial Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 15.02.2025.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ, ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 118–129
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(1):118–129

Проблемы уголовного права и криминологии, процессуального права

Научная статья
УДК 340.12+343

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-118-129>

EDN ESSLWJ

Уголовное наказание в зеркале противоречивых подходов

Константин Викторович Корсаков

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-1516>

Аннотация

Цель. Данная статья посвящена рассмотрению ряда выработанных к настоящему времени и отчасти соперничающих и конкурирующих между собой криминологических, пенологических, юридических, социологических и философских подходов к уголовному наказанию как довольно сложному и многообразному социально-правовому явлению. Автор поставил своей задачей (как конкретизацией общей цели) рассмотреть разнящиеся между собой взгляды на уголовное наказание двух великих русских писателей – Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. В данной связи им были выделены и подчеркнуты глубина и утонченность взглядов Ф. М. Достоевского на вопросы, затрагивающие психологию преступников и людей, подвергающихся наказанию, отмечено, что в его книгах страдания, которые причиняет наказание, оказываются искуплением и очистительным благом в сравнении с теми терзаниями души, которые испытывает не подверженный наказанию преступник.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучный и частнонаучный методологический инструментарий: метод абстрагирования, сравнительно-исторический метод, метод ретроспекции, методы индукции и дедукции, а равно компаративистский, логико-семантический и функциональный методы.

Результаты. Представлена авторская критика некоторых сторон пенологической системы российско-американского социолога и культуролога П.А. Сорокина. Высказаны аргументы в защиту законодательной формулировки и сочетания целей уголовного наказания в тексте ныне действующего УК РФ. Показано авторское видение проблемы сочетания и разрешения противоречий между так называемыми абсолютными и относительными теориями наказания в пенологии (ретрибутивизмом и консеквенциализмом).

Выводы. В статье доказывается, что абсолютные и относительные теории наказания можно примирить и скооперировать, так как необходимость защиты общества и личности от преступлений не исключает подход к наказанию как к восстанавливающему справедливость и применения его на соразмерных (возмездных) началах, выступающих сдерживателем и ограничителем произвола в пенитенциарной деятельности. Современным ученым-пенологам предложено сосредоточить их научные усилия на разработке интегративных или смешанных (объединяющих в себе черты абсолютных и относительных теорий) концепций уголовного наказания.

Ключевые слова: криминология, основания уголовного наказания, пенология, содержание уголовного наказания, сущность наказания, теории наказания, уголовно-правовая доктрина, уголовное наказание, уголовное право, цели уголовного наказания

Для цитирования: Корсаков К. В. Уголовное наказание в зеркале противоречивых подходов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 118–129. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-118-129>. EDN ESSLWJ

Problems of Criminal Law and Criminology, Procedural Law

Original article

Criminal punishment in the mirror of contradictory approaches

Konstantin V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia, korsakovekb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-1516>

Abstract

Purpose. This article is devoted to the consideration of a number of criminological, penological, legal, sociological and philosophical approaches to criminal punishment that have been developed to date and are partly competing and competing with each other as a rather complex and diverse socio-legal phenomenon. The author has set as his task (as a concretization of a common goal) to consider the differing views on criminal punishment of two great Russian writers – L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky. In this regard, he highlighted and emphasized the depth and sophistication of views of F.M. Dostoevsky. In response to Dostoevsky's questions concerning the psychology of criminals and people who are being punished, it is noted that in his books the suffering caused by punishment turns out to be atonement and a purifying blessing in comparison with the torments of the soul experienced by a criminal who is not subject to punishment.

Methods. The methodological basis of the research was made up of general scientific and private scientific methodological tools: the method of abstraction, the comparative historical method, the method of retrospection, the methods of induction and deduction, as well as comparative, logical-semantic and functional methods.

Results. The author's criticism of some aspects of the penological system of the Russian-American sociologist and cultural critic P.A. Sorokin is presented. Arguments are made in defense of the legislative formulation and the combination of purposes of criminal punishment in the text of the current Criminal Code of the Russian Federation. The author's vision of the problem of combining and resolving contradictions between the so-called absolute and relative theories of punishment in penology (retributionism and consequentialism) is shown.

Conclusions. The article proves that absolute and relative theories of punishment can be reconciled and cooperated, since the need to protect society and individuals from crimes does not exclude an approach to punishment as restoring justice and applying it on a proportionate (retaliatory) basis, acting as a deterrent and limiter of arbitrariness in penitentiary activities. Modern penological scientists are invited to focus their scientific efforts on the development of integrative or mixed (combining features of absolute and relative theories) concepts of criminal punishment.

Keywords: criminal punishment, penology, criminology, criminal law, the essence of punishment, the purpose of criminal punishment, the grounds of criminal punishment, the content of criminal punishment, theories of punishment, criminal law doctrine

For citation: Korsakov K. V. Criminal punishment in the mirror of contradictory approaches. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):118–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-118-129>. EDN ESSLWJ

Введение

На рубеже XIX–XX столетий институт уголовного наказания подвергся серьезному испытанию, связанному с интенсивной критикой всего идейно-теоретического каркаса сложившейся к тому времени классической уголовно-правовой школы со стороны представителей научного позитивизма. Частью этой острой критики стали претензии и ламентации, объединенные и кратко выраженные в известной фразе итальянского криминолога Энрико Ферри: «Классическая школа не знает преступника, который между тем является началом и вместе с тем конечной целью деятельности общественной обороны от преступности» [1, с. 465]. Применительно к уголовному наказанию эта позитивистская позиция получила развитие у лидера социологического направления в криминологии Ф. фон Листа (в научной литературе это лидерство иногда оспаривается указанием на криминологов-социалистов Н. Колаянни и Ф. Турати как главных представителей и пионеров указанного направления), сформулировавшего тезис: «Наказанию подлежит не преступление, а преступник» [2, с. 48], и у А. Принса, писавшего, что «деяние учиненное может быть, взятое отдельно, менее опасно, чем учинивший его деятель. Наказывать такого виновника за данное нарушение, не принимая во внимание постоянных свойств деятеля, может быть приемом совершенно иллюзорным. Для выбора целесообразных мер нужно обращать большее внимание на постоянное состояние индивида, чем на совершенный поступок» [3, с. 71–72].

Глава антропологической школы в криминологическом позитивизме Ч. Ломброзо, говоря о вечности преступности как явления, проистекающего из внутренней природы человека [4, с. 200–201], и ставя во главу угла биологические причины этого феномена, требующие соответствующих внесудебных и некарательных мер фиксации, блокировки и купирования, не исключал из своей позитивистской модели уголовное наказание, рассматриваемое им в качестве одной из мер защиты общества (хотя в ломброзианском учении и содержится вывод о том, что уголовное наказание не может ни исправить, ни удержать «прирожденных преступников», к которым должны применяться меры, аналогичные используемым по отношению к больным). Э. Ферри рассуждал похожим образом: им лишь предлагалось отказаться от парадигмы возмездия (кары) за свободный нравственный выбор и концепции устрашения (общей превенции) в пользу нового пенологического подхода – устранения возможности антисоциального поведения с помощью правовых мер воздействия, включая уголовное наказание, и различных неюридических обеспечительных социальных мер (средств общественной профилактики), дополняющих правовые средства.

Однако, если в криминологических концепциях Э. Ферри и Ф. фон Листа понятие уголовного наказания присутствует, хотя и в переосмысленном с позиций теории социальной защиты виде, то учитель известного голландского криминолога-марксиста В. А. Бонгера детерминист Г. А. Ван Гамель выступал за полную отмену данного понятия: «Вместо теоретического уголовного права мы должны создать уголовное право практическое. ...Три понятия страшно мешают нам в этом. А именно: «вменяемость», «наказание» и «преступление»... Когда мы, наконец, от них освободимся, тогда все пойдет лучше» [5, с. 101]. Аналогичного мнения впоследствии придерживался основатель европейской школы «новой социальной защиты» – граф Ф. Граматика, у которого, как писала Н. Ф. Кузнецова, «система уголовного наказания подлежит замене гибкой системой мер безопасности и усовершенствования, которая предельно индивидуализирована к психофизическим данным преступника» [6, с. 155]. За ликвидацию наказания как формы «государственного насилия» и, собственно, самого государства вслед за утопистами (Р. Оуэн и др.) выступали теоретики анархизма М. А. Бакунин, К. Кафьеро и П. А. Кропоткин, изложивший свою позицию в известной работе «О смысле возмездия» в сборнике «Анархия и нравственность». Однако, несмотря на интеллектуальные усилия этих крупных ученых и незаурядных политических и общественных деятелей, институту уголовного наказания в классическом его понимании удалось устоять и не исчезнуть ни из научной доктрины, ни из законодательства, ни из юридической практики.

Теоретические основы

Подчеркнем, что не только ученые-криминологи и анархисты, но и многие популярные писатели-гуманисты и известные мыслители-моралисты XX в. выступали против уголовного наказания. Одним из них был граф Л.Н. Толстой, который вслед за правоведом Р. фон Иерингом, сказавшим, что «вся история наказания есть не более, как постепенное его вымирание» [7, с. 59], писал: «Наказание есть понятие, из которого начинает вырастать человечество. ...Придумывают очень многое, но не решаются сделать одного нужного, а именно того, чтобы ничего не делать, а оставить того, кто согрешил, каяться или не каяться, исправляться или не исправляться; самим же придумывающим теории и прилагающим их – жить доброй жизнью» [8, с. 84]. Полагаем, что толстовская позиция в корне не верна: человечество не может «вырасти» из наказания, потому что оно само выросло во многом благодаря наказанию и по-прежнему оберегает и сохраняет себя, используя его. Одним из ярких подтверждений этого служат уголовные наказания, назначенные преступникам по результатам самого, пожалуй, известного судебного процесса XX в. – проникнутого этосом возмездия и торжеством воздающей справедливости и концептуально основывавшегося на т.н. «формуле Радбруха» Нюрнбергского трибунала над фашистскими преступниками. В посвященной этому важнейшему юридическому событию монографии «Нюрнберг: приговор во имя мира» А.Н. Савенков определяет уголовное наказание с помощью категории возмездия [9, с. 199], что видится нам в теоретическом отношении верным и полностью оправданным.

Несмотря на поверхностную привлекательность морализаторских суждений Л. Н. Толстого, мы, поддерживая вступившего с ним в известную в науке дискуссию и утверждавшего, что требование противостояния злу этически приоритетнее требования ненасилия, российского философа И. А. Ильина, считаем, что толстовский подход к наказанию не может быть воспринят и осуществим на практике: он неминуемо приведет к разгулу преступности и общественному хаосу, в котором от криминальных действий пострадает множество беззащитных людей, так как их права, свободы и законные интересы в одночасье лишатся охраны посредством института уголовного наказания. В то же время нельзя не обратить исследовательское внимание на глубину и утонченность взглядов другого русского писателя – Ф. М. Достоевского на вопросы, затрагивающие психологию преступников и людей, подвергавшихся наказанию: в его книгах страдания, которые причиняет наказание, оказываются искуплением и очистительным благом в сравнении с теми терзаниями души, которые испытывает не подверженный наказанию преступник.

Философия гуманизма Ф. М. Достоевского, определяющей чертой которой выступает обращение к идеям добра и совести, большое внимание уделяет вопросу о свободе воли человека, накладывающей на него ответственность за все его поступки, и, конечно, теме самонаказания, к которой часто обращаются современные исследователи при анализе творчества этого выдающегося литератора и мыслителя [10, с. 63; 11, с. 108–109]. В романе «Преступление и наказание» идея самонаказания талантливо раскрыта путем описания сильных душевных мук и нравственных страданий его главного героя – бывшего студента-юриста Родиона Раскольникова, обрекшего себя на таковые уже с момента появления преступного умысла и получившего утешение, моральное очищение и духовное возрождение после явки с повинной и наложения на него уголовного наказания – восьми лет каторжных работ в Сибири.

Заметим, что в своих дневниках, повестях и романах Ф.М. Достоевский задолго до зарубежных криминологов (Ю. Гальтунга, Д. Ирвина, Д. Клеммера, Д. Кресси, Т. Морриса, Г. Сайкса, Р. Эйкерса и др.) поднял острую социально-криминологическую проблематику призонизации (отюрьмовления) – явления, которому, как он сумел показать, подвергаются не только заключенные, но и сотрудники пенитенциарных заведений: «Сама тюрьма стирала различие между теми, кому было поручено дело «исправления» преступников, и теми,

кто подлежал исправлению» [12, с. 383]. Также очевидные заслуги Ф. М. Достоевского заключаются в выделении в его публицистических произведениях множества преступных (криминальных) типов – в классификации преступников, мало чем уступающей научной, криминологической, и в призыве гуманизации пенитенциарной сферы – развития внутри нее человечности (прежде всего деятельного, неподдельного участия в судьбах людей вместо равнодушия и безразличия к оступившимся), который, безусловно, сохраняет свою актуальность и в наше время.

Сохраняет злободневность и, по нашему мнению, важность для современных криминологии и пенологии его написание представителям социологического направления в науке о преступности и позитивизма в целом: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке...» [13, с. 636]. Мы также считаем, что преступления и уголовные наказания за них будут существовать, пока не переменится не общество и социальная структура, а внутренняя сущность человека, пока не изменится его природа. Как верно замечает в данной связи А. И. Бойко, «индивид эволюционирует медленнее, нежели социальная организация, но вот консервирует мир как раз общественный, а не личный интерес (последний будоражит и разъедает общежитие)» [14, с. 27]. Добавим, что преступное поведение неразрывно связано с проблемой свободы человека – именно к ней стремится человеческая душа и ее двигательльно-направляющая сила, ее «мускулы» – воля: часто воспринимая любые разумные ограничители на своем пути как зло и насилие, она пытается вырваться из любых пут к ничем не лимитированной, абсолютной свободе, своеволию, чему мешает и препятствует в том числе и уголовное наказание – «ограничитель свободы ради свободы» – как элемент права, метко названного академиком РАН В. С. Нерсисянцем «математикой свободы».

Дискуссия

В начале XX в. абсолютные концепции наказания (в них наказание, как верно пишет индонезийский ученый Амируддин, предстает *res absoluta ab effectu futuro* (вещью, независимой от будущих результатов) [15, с. 33]) получили теоретическое упрочнение благодаря идеям о смысле и назначении уголовного наказания С.И. Гессена, изложенным им в работе «Философия наказания», и высоко оцениваемым многими учеными исследовательским разработкам российско-американского социолога и культуролога П. А. Сорокина, в которых уголовное наказание изучалось как юридическая категория в ракурсе его диалектического общественного развития. Оправдывая пенологический канон возмездия (воздаяния), в монографии «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» он писал: «даже самые слова возмездие (*Entgelten*) и воздаяние (*Vergelten*), происходящие от глагола *gelten* (стоять), обозначали предположение равноценности или действительную равноценность» [16, с. 144–145], а в работе «Человек. Цивилизация. Общество» подытожил, что принцип возмездия представляет собой общий закон социальной жизни [17, с. 104].

Находясь под значительным влиянием психологической теории права Л.И. Петражицкого и научных взглядов Э. Бирлинга, П. А. Сорокин сформулировал собственный оригинальный закон в поступательном развитии уголовного наказания, названный им «законом нисходящей прогрессии мотивационного давления». В соответствии с ним «степень жестокости кар, а равно число лиц, подвергаемых каре, стоит в обратной пропорции со степенью приспособленности человека к социальной жизни» [18, с. 116]. С этим законом можно было бы согласиться, если бы речь велась о типах общественной солидарности (по терминологии французского социолога Э. Дюркгейма), которые находятся в зависимости от уровня социально-культурного развития общества, однако в нем говорится о «приспособленности

человека к социальной жизни», что, на наш взгляд, не позволяет признать его верным по следующим причинам.

Во-первых, в XVIII–XIX вв. уровень общественной адаптации и крепость социальных связей в большинстве стран мира были выше, чем сейчас, в постмодернистском обществе, где наблюдаются усиление и нарастание социальной депривации и девиации, поляризации и атомизации общества, распространение различных асоциальных субкультур и меньшинств, протестных настроений и идей гражданского неповиновения, проявлений крайнего индивидуализма, культивирование идей ретризма, эскапизма и принципа невмешательства, синдромы изоляции, разобщения и отчуждения (деперсонализации личности, самопротивопоставления человека окружающей общественной среде и намеренного игнорирования правил социального поведения) и мн. др., между тем уголовные кары в тот период были более жестокими, чем сейчас, в период кризиса идей гражданственности, институтов брака и семьи, ослабления и разрушения общественных связей, тогда как в наши дни система наказаний гораздо более гуманна.

Степень жесткости кар уменьшается по мере развития цивилизации, культуры, духовности, этики, утончения натуры человека и смягчения общественных нравов, научно-технического прогресса, увеличения комфорта и качества жизни, ее благоустроенности; во многом процесс смягчения уголовных кар связан с повышением уровня культуры, правосознания, образования, морали и, что следует признать, развитием нравственных чувств у представителей правящих элит и законодателей, которые наполняют конкретным содержанием и изменяют уголовные законы (этот тезис возможно проиллюстрировать картиной, наблюдаемой в наши дни в некоторых африканских государствах, руководители которых воспитывались и получили образование за рубежом, где наблюдается несоответствие выстроенного по международным стандартам и гуманного уголовного законодательства сохраняющимся среди простого населения нравам и ментальности, порождающим жестокие стихийные и внесудебные расправы над преступниками, линчевание и другие проявления «народного правосудия» (например, в Конго и соседних с ним странах в наши дни распространена внеправовая форма казни, известная как «африканское ожерелье», когда на преступника надевается автомобильная покрышка, облитая бензином либо другим горючим веществом, и поджигается)). Нарастание этих процессов и явлений привело к отказу от грубых и жестоких наказаний в пользу ограничения и ущемления личных, гражданских и политических прав, которые стали вполне достаточным наказанием для большинства современных цивилизованных людей, а осознание особой ценности личной свободы как высшего блага обусловило повсеместное распространение и преобладание уголовного наказания в виде лишения или ограничения свободы.

Во-вторых, в существующих в наши дни традиционных («примитивных») обществах (обществах механической солидарности по терминологии вышеупомянутого Э. Дюркгейма) – сохранивших патриархально-родовой строй племенах и народностях Африки, Океании, Южной Америки и др. – уровень социальной адаптации гораздо выше, чем в постиндустриальных («цивилизованных») обществах, в них степень приспособленности человека к индивидуальной жизни в социуме не просто очень высокая: индивид неотделим от социального организма, в котором господствуют коллективистские установки, а индивидуальное сознание поглощено коллективным, однако величина жестокости кар заметно бóльшая (известный социолог и этнограф К. Леви-Стросс, в частности, писал, что представители австралийского племени вотьобалук «действительно внутри тотемической группы съедают человека, преступление которого заключается в том, что он похитил женщину, запрещенную законом экзогамии» [19, с. 275–276]). В развитых мусульманских государствах с высокой степенью приспособленности человека к социальной жизни в настоящее время также присутствуют жестокие уголовные кары (Саудовская Аравия, Иран и др.), что характерно и для некоторых светских высокоразвитых стран (в Японии и Сингапуре смертная казнь до сих пор осуществляется путем повешения).

В-третьих, вывод о том, что число лиц, подвергаемых каре, уменьшается с увеличением степени приспособленности человека к социальной жизни, доказываемый автором тем, что в древних обществах были распространены коллективная ответственность и круговая порука, а в современных – нет, опровергается текущим опытом: так, в частности, в настоящий момент в Индии (где степень приспособленности людей к общественной жизни достаточно высокая, но в то же время очень сильны традиции семейственности и большая индусская неразделенная (объединенная) семья рассматривается Верховным судом Индии как правовая категория) в ряде штатов (Ассам, Уттар-Прадеш и др.) в ходе реализации властями модели «правосудия бульдозером» разрушается не только жилище преступника, но и дома его близких родственников. Историческое развитие уголовного наказания демонстрирует, что институт коллективной ответственности утрачивал свое значение не из-за того, что человек приспособлялся к социальной жизни, а как раз наоборот – по мере нарастания процессов индивидуализации и персонификации, усиления автономии и самостоятельности личности, ее постепенного обособления и выделения из социального окружения (общины, рода и пр.).

Нельзя согласиться и с общей редуционалистской идеей П.А. Сорокина о том, что наказания и награды оказывают такое глубокое и интенсивное «дрессирующее» воздействие на человеческую природу, которое в будущем изменит ее к лучшему до такой степени, что они полностью исчезнут из общественной практики как лишние, более не нужные. Тысячелетний социальный и юридический опыт демонстрирует, что это далеко не так, людей нельзя попросту «выдрессировать» как животных подобными стимулами и мотиваторами, душа человека – не простой и открытый для всякого упреждающего вмешательства механизм, человеческая сущность слишком сложна и уникальна, и она не изменяется под действием метода «кнута и пряника» (не случайно свободная натура человека часто видит в правовых запретах, угрозах наказания и пр. нечто принижающее, оскорбительное, возмущительное, пытающееся уподобить ее животной покорности, поэтому зачастую даже исключительно законопослушные и благонадежные люди воспринимают такие запреты без какого-либо восторга и энтузиазма, скорее как некую «вынужденную горькую общественную пилюлю»), на что указывал еще З. Фрейд, отвечая на вопрос об искоренимости преступности строкой из Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Книга Екклесиаста, 1.9).

Необоснованной и слабо аргументированной выглядит и выводимая П. А. Сорокиным координация функционального порядка между подвигами и наградами, с одной стороны, и преступлениями и наказаниями, с другой, – эти специфические области отнюдь не симметричны, в реальной жизни они не взаимообуславливаются и не зависят друг от друга так, как это представляется данным исследователем (к этому же можно добавить, что уголовное наказание – правовое явление, тогда как награда, как верно подметил в работе «На водку» Р. фон Иеринг [20, с. 10], – нет, преступление – ординарное явление в любом обществе, даже достигшем высокого уровня благосостояния, а подвиг – экстраординарное).

Как известно, современный этап развития пенологической мысли, нередко называемый в российской юридической литературе неоклассическим, отличается плюрализмом мнений, концепций и подходов к уголовному наказанию, опосредованным представлениями о том, что ни одна из ранее разработанных и предложенных учеными теорий наказания не является универсальной, общепризнанной и безупречной, а большинство из них носит односторонне-ограниченный характер. При этом не только в юридических, но и в целом ряде философских и социологических исследований был сделан вывод о том, что выстроить единую, общую теорию наказания попросту невозможно. Сложившаяся в доктрине ситуация отражается в пенитенциарной практике и законодательстве разных государств, сочетающем в себе различные комбинации и гибриды целевых установок и задач, ориентиров, векторов развития, мыслимых результатов и социально-политических ожиданий от института уголовного наказания. В то же время, что интересно, сохраняется тенденция противопоставления

абсолютных и утилитарных моделей наказания (консеквенциализма и ретрибутивизма). Классическим примером такого противопоставления выступают суждения – отчасти примыкавшего, как известно, к ломброзианству – пенолога и криминолога С.В. Познышева о том, что «уже с первого взгляда ясно, что указанные две точки зрения (идея возмездия и идея предупреждения) враждебны друг другу... Принцип возмездия требует, чтобы наказание было в известном отношении к преступлению. Идея предупреждения преступлений приводит к постановке известных полезных целей, требования которых лишь случайно могут совпасть с требованиями принципа возмездия, как правило же, будут более или менее резко с ними расходиться. Следуя одному из данных принципов, неизбежно разойдешься с требованиями другого» [21, с. 81]. Современный криминолог лапландского (саамского) происхождения Матти Лайне выражает подмеченное выше финской пословицей «Kun nokka irtoo – niin pyrstö tarttuu, kun pyrstö irtoo – niin nokka tarttuu» (Нос вытащишь – хвост увязнет, хвост вытащишь – нос увязнет).

Мы (вслед за Ф. фон Листом, иронично заметившим, что «старый философский спор абсолютистов и релятивистов имеет точно такую же теоретическую и практическую ценность, как если бы врачам вздумалось спорить, лечат ли они для того, чтобы больной выздоровел, или потому, что он болен» [22, с. 79]) не разделяем данную парадигмальную установку, в особенности применительно к текущему моменту развития уголовно-правовой науки, и полагаем, что объединить, согласовать и интегрировать эти два исторически сложившихся и базовых пенологических подхода вполне возможно (как возможно и преодоление реальных и мнимых антиномий и контрверз между ними), тем более, что это является требованием насущных усложнившихся социально-правовых реалий – отобрать и умело, селективно, органично соединить все лучшее, рациональное и проверенное временем из известных к настоящему моменту концепций и моделей уголовного наказания. Считаем, что, не лишая уголовное наказание его возмездной сущности, на которой настаивали абсолютисты, ретрибутивисты и пенологи-гегельянцы, можно и нужно получать от него максимально возможную и допустимую общественную пользу.

Аналогичного мнения придерживался и примыкавший к уголовно-социологическому направлению в уголовном праве В. В. Есипов в отношении классической школы и позитивизма, когда писал, что «между так называемым старым, классическим направлением и новым, позитивным направлением в науке уголовного права не должно быть и не может быть никакой борьбы: это – две ветви одного и того же дерева, два потока одного и того же источника» [23, с. 288–289]. Добавим, что современное уголовное законодательство многих государств мира, берущее теоретическое начало из немецкой философии права XVIII–XIX вв. и имеющее в своем основании идеи и принципы классической уголовно-правовой традиции и гегельянства, вбирает в себя сегодня многие позитивистские положения (прежде всего социологического направления в позитивизме), которые наиболее выразительно и емко отражаются именно в институте уголовного наказания. По верному, как мы полагаем, пути осторожного сочетания интенций ретрибутивизма и консеквенциализма пошел и наш отечественный законодатель, закрепив перед уголовным наказанием в ч. 2 ст. 43 УК РФ цель восстановления социальной справедливости наряду с двумя утилитарными (прагматическими) целями (часть отечественных ученых (Д. А. Абдурахмонов, Д. А. Шестаков и др.) в последние годы требует дополнить эти цели ресоциализацией преступников, к чему мы относимся положительно).

Заключение

Полагаем, что абсолютные и относительные теории нельзя «примирить» лишь в одном – в истолковании исходного начала права наказания (*jus puniendi*), от которого они получили свое название: этот источник может быть либо абсолютным (Бог и его промысел, априорный моральный закон, природная (или космическая, всеобщая) справедливость, высшая нравственная сила и др.), либо относительным (необходимость социума в самосохранении,

право общества на самозащиту, потребность человека в безопасности, общественный договор, государственный суверенитет и т.п.). В остальном же их, убеждены, можно примирить и скооперировать: так, необходимость защиты общества и личности от преступлений не исключает подход к наказанию как к восстанавливающему справедливость и применения его на соразмерных (возмездных) началах, выступающих сдерживателем и ограничителем произвола в пенитенциарной деятельности. Примером подобного рода доктринальной интеграции могут служить распространенные ныне (российское уголовное законодательство содержит целых три разновидности таковых: принудительные, исправительные и обязательные работы) формы уголовного наказания, связанные с трудом: при сохранении элемента кары и назначении на справедливых (пропорциональных) началах они выполняют утилитарные по отношению к социуму и к самим исправляющимся посредством «трудовой терапии» преступникам задачи и приносят полезный обществу результат. На современном этапе социально-политического и морально-правового развития уголовное наказание не может быть самоцелью (*causa sui*) и некой рафинированной ретроспективно-репрессивной реакцией на запрещенное поведение – в наши дни очень важны профилактические и другие социально значимые результаты, которые достигаются его каждодневным применением.

Попытку соединения консеквенциалистских теорий и моделей возмездия предпринял в своей смешанной теории (т.н. доктрине компромисса) английский философ и теоретик права Г. Харт. Он писал, что цели наказания необходимо трактовать под консеквенциалистским углом зрения, однако при этом надо смириться с ретрибутивистскими ограничениями уголовного правосудия, даже если они препятствуют и мешают последнему достигать основных консеквенциалистских задач.

Г. Харт считал, что отдельно взятого преступника можно наказывать лишь за то, что он совершил, без каких-либо намерений и стараний предотвратить преступное поведение в будущем, однако на уровне общесоциальной практики наказание можно и нужно объяснять и оправдывать целями генеральной превенции [24, с. 8-22]. В этой двухуровневой картине нашли свое место возмездие и общее предупреждение (акты возмездия имеют прямой (в некоторых трактовках – косвенный) эффект устрашения и тем самым служат цели общей превенции, что учитывал и сам Г. Харт, когда писал, что страх уголовного наказания мотивирует не нарушать закон [25, с. 51]), однако частная превенция (предупреждение рецидива преступлений, исправление виновного и пр.) в нее не встроена, что неслучайно – именно в этой плоскости уголовного наказания крайне сложно (по мнению некоторых исследователей невозможно) сблизить и состыковать на компромиссных началах и консенсусно синтезировать консеквенциализм и ретрибутивизм. Между тем именно в последнем в наши дни нуждается не только уголовно-правовая доктрина, но и существующие законодательные конструкции и декларации (например, присутствующая в ч. 2 ст. 43 УК РФ и др. и содержащая – нуждающуюся в доктринальном обосновании и связывании с актами возмездия – неоднозначно воспринимаемую многими категорию «социальная справедливость»), поэтому современным ученым-пенологам следует в традиции «ремонта старых кораблей» Т. С. Элиота сосредоточить свои усилия на научной разработке интегративных (смешанных, селективных, функциональных, синтетических) концепций уголовного наказания, способных обеспечить реальным научно-теоретическим содержанием известный лозунг «субъект наказывается за прошлое во имя будущего», – за ними, думается, будущее доктрины уголовного наказания.

Также в заключении мы не можем обойти стороной давнюю дискуссию детерминистов и ретрибутивистов о справедливости уголовного наказания в следующей ее части: утилитаристы в обоснование своего мнения (являющегося одним из *petra scandalī* в разрешении их спора с абсолютистами и «классиками»), что представления о справедливости не могут браться за основу при определении меры уголовного наказания, так как они всегда относительны, неустойчивы и исторически изменчивы, часто приводят аргументы и доводы о том, что справедливым возмездием в прежние века считались жестокие и мучительные казни

за малейшие правонарушения. Однако данное доказательство, по нашему мнению, абсолютно неверно и относится к классу *argumentum ad hominem*, так как такие казни – практические проявления разошедшейся с принципом эквивалентности доктрины устрашения (модели гипертрофированной общей превенции) – в то время большинство людей как раз и не считало справедливым наказанием (это являлось одной из причин народных волнений, бунтов и восстаний (с призывами, лозунгами и напоминаниями по типу «Пепел Клааса стучит в мое сердце»), объединенных в криминологии в «синдром Вильгельма Телля»). Доктрина устрашения не имела ничего общего ни с наказанием как возмездием, ни со справедливостью, так как достигала своей главной цели – общей превенции, усиления страха в обществе – еще в большей мере при казни невиновных людей (что общечеловеческая справедливость и ретрибутивизм не допускают), которые подвергались пыткам и казнились без разбора в большом количестве, причем сама эта доктрина выработала юридическое «утилитарно-прагматическое» оправдание практики пыток и наказания невиновных, выраженное в следующей норме из ст. 61 Каролины 1532 г.: «...согласно праву, надлежит избегать не только совершения преступления, но и самой видимости зла, создающей дурную славу или вызывающей подозрения в преступлении. Тот, кто не делает этого, является сам причиной своих собственных страданий...» [26, с. 49].

Основанная на такой пенеологической концепции система уголовного правосудия была обречена и в конечном итоге рухнула, подобно развалившемуся аппарату для жестокой и мучительной казни из рассказа Ф. Кафки «В исправительной колонии», который, ломаясь, выцарапывал бороной – тем самым убивая – на теле последнего казнимого – офицера (долго обслуживавшего эту адскую машину, не мыслившего свое существование без нее и решившего добровольно оставить этот мир вместе с ней) нарушенную этим казнимым заповедь: «Будь справедлив!».

Список источников

1. Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. 591 с.
2. Лист Ф. Наказание и его цели. СПб., 1895. 72 с.
3. Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права. М., 1912. 157 с.
4. Lombroso C. L'Uomo delinquente: studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale ed alle discipline carcerarie. Milano, 1876. 256 p.
5. Лоба В. Е. «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4. С. 100–107.
6. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 231 с.
7. Сорочинский Н. П. К вопросу о праве наказания // Вестник права. 1905. № 6. С. 27–59.
8. Толстой Л. Н. Об истине, жизни и поведении. М., 2014. 992 с.
9. Савенков А. Н. Нюрнберг: приговор во имя мира. М., 2021. 760 с.
10. Козаченко И. Я., Корсаков К. В., Лещенко В. Г. Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. Гамбург, 2012. 264 с.
11. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. 446 с.
12. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома. Петрозаводск, 1979. 293 с.
13. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 2010. 880 с.
14. Бойко А. И. Юридическая пандемия (о чрезмерной юридизации общежития и забвении других нормативных систем) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 17–31.

15. Amiruddin. Analisis Pola Pemberantasan Korupsi Dalam Pengadaan Barang/Jasa Pemerintah // Jurnal Kriminologi Indonesia. 2012. Vol. 8. No. 1. H. 26-37.
16. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914. 456 с.
17. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
18. Сорокин П. А. Законы развития наказания с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого // Новые идеи в праве. Сборник 3: Эволюция преступлений и наказаний. СПб., 1914. С. 113–151.
19. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008. 520 с.
20. Иеринг Р. «На водку». Киев, 1883. 66 с.
21. Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. 447 с.
22. Liszt F. Lehrbuch des deutschen strafrechts. Berlin, 1899. 719 s.
23. Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. 419 с.
24. Hart H. L. A. Punishment and responsibility: essays in the philosophy of law. Oxford, 1968. 237 p.
25. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007. 300 с.
26. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / Отв. ред. С. З. Зиманов. Алма-Ата, 1967. 152 с.

References

1. Ferry E. *Criminal sociology*. Moscow; 1908. 591 p. (In Russ.)
2. List F. *Punishment and its goals*. Saint Petersburg; 1895. 72 p. (In Russ.)
3. Prince A. *Protection of society and the transformation of criminal law*. Moscow; 1912. 157 p. (In Russ.)
4. Lombroso C. L'Uomo delinquente: studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale ed alle discipline carcerarie. Milano; 1876. 256 p. (In Ital.)
5. Loba V. E. «Recipes» for combating crime of the sociological school of criminal law. *Bulletin of Tomsk State University. Law*. 2013;(4):100–107. (In Russ.)
6. Kuznetsova N. F. *Crime and criminality*. Moscow; 1969. 231 p. (In Russ.)
7. Sorochinsky N. P. On the issue of the right of punishment. *Bulletin of the Law*. 1905;(6):27–59. (In Russ.)
8. Tolstoy L. N. *On truth, life and behavior*. Moscow; 2014. 992 p. (In Russ.)
9. Savenkov A. N. *Nuremberg: verdict in the name of peace*. Moscow; 2021. 760 p. (In Russ.)
10. Kozachenko I. Ya., Korsakov K. V., Leshchenko V. G. *Church-religious influence on those sentenced to imprisonment*. Hamburg; 2012. 264 p. (In Russ.)
11. Laut R. *Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation*. Moscow; 1996. 446 p. (In Russ.)
12. Dostoevsky F. M. *Notes from the dead house*. Petrozavodsk; 1979. 293 p. (In Russ.)
13. Dostoevsky F. M. *The diary of a writer*. Moscow; 2010. 880 p. (In Russ.)
14. Boiko A. I. The legal pandemic (on excessive legitimization of the dormitory and the oblivion of other regulatory systems) // North Caucasian Legal Bulletin. 2023;(2):17–31. (In Russ.)
15. Amiruddin. Analisis Pola Pemberantasan Korupsi Dalam Pengadaan Barang/Jasa Pemerintah. *Jurnal Kriminologi Indonesia*. 2012;(8-1):26–37.
16. Sorokin P. A. *Crime and punishment, feat and reward. A sociological study on the basic forms of social behavior and morality*. Saint Petersburg; 1914. 456 p. (In Russ.)
17. Sorokin P. A. *Man. Civilization. Society*. Moscow; 1992. 543 p. (In Russ.)
18. Sorokin P. A. Laws of punishment development from the point of view of the psychological theory of law by L.I. Petrazhitzky. In: *New ideas in jurisprudence. Collection 3: The evolution of crimes and punishments*. Saint Petersburg; 1914:113–151. (In Russ.)

19. Levi-Strauss K. *Totemism today. Untamed thought*. Moscow; 2008. 520 p. (In Russ.)
20. Iering R. «On vodka». Kiev; 1883. 66 p. (In Russ.)
21. Poznyshev S. V. *The main issues of the doctrine of punishment*. Moscow; 1904. 447 p. (In Russ.)
22. Liszt F. *Lehrbuch des deutschen strafrechts*. Berlin; 1899. 719 s. (In Germ.)
23. Esipov V. V. *An essay on Russian criminal law. The part is common. Crime and criminals. Punishment and the punishable*. Warsaw; 1894. 419 p. (In Russ.)
24. Hart H. L. A. *Punishment and responsibility: essays on the philosophy of law*. Oxford; 1968. 237 p.
25. Hart G. L. A. *The concept of law*. Saint Petersburg; 2007. 300 p. (In Russ.)
26. Carolina. *The Penal Code of Charles V*. Ed. by S. Z. Zimanov. Alma-Ata; 1967. 152 p. (In Russ.)

Информация об авторе

К. В. Корсаков – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.

Information about the author

K. V. Korsakov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher of the Law Department of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 23.01.2025.

The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 22.01.2025; accepted for publication 23.01.2025.

Опыт фиксации квалифицирующих признаков состава преступления в странах СНГ

Владимир Владиславович Багаев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, V.v.bagaev@outlook.com

<https://orcid.org/0009-0003-8728-4308>

Аннотация

Цель

Проведение сопоставительного (компаративистского) анализа квалифицирующих признаков составов преступлений в обладающих общностью исторического и культурно-цивилизационного пути государствах.

Материалы и методы

В условиях деглобализации и регионализации международного права сделан акцент на Модельный УК для государств – участников СНГ, а также Уголовные кодексы таких дружественных для России республик, как Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан.

Результаты

Рассмотрены структурные и содержательные особенности фиксации квалифицирующих признаков составов преступлений в названных правовых актах. Выявлены специфические в сравнении с УК РФ примеры описания данных признаков. Оригинальная структуризация соответствующего законодательного материала осуществлена в УК Республики Беларусь: квалифицирующие признаки в ряде случаев перечислены альтернативным способом (без выделения пунктов). В свою очередь, в УК Республики Узбекистан выявлено «дробление» единого по сути признака на отдельные пункты. В содержательном отношении эксклюзивными законодательными решениями являются признание повышенной общественной опасности кражи с незаконным проникновением в транспортное средство, а также нарушения неприкосновенности частной жизни с использованием дистанционно управляемого беспилотного летательного аппарата. Заслуживает внимания и опыт дифференциации уголовной ответственности в зависимости от формы соучастия в преступлении, вида рецидива и вида умысла.

Выводы

Взяв за основу «классический» набор квалифицирующих признаков составов преступлений в Модельном УК для государств – участников СНГ, законодатели разных стран автономно оптимизировали их описание.

Выявлено сходство общих подходов законодателей к установлению квалифицирующих признаков; оценка же степени их общественной опасности, а также перечень в отдельных составах преступлений варьируются.

Дифференциацию уголовной ответственности на уровне квалифицирующих признаков состава преступления в УК РФ надлежит осуществлять с учетом не только позитивного зарубежного опыта, но и достижений отечественной уголовно-правовой доктрины.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, виды умысла, квалифицирующие признаки состава преступления, Модельный УК для государств – участников СНГ, опасный и особо опасный рецидив преступлений, проникновение в транспортное средство, уголовное законодательство стран СНГ

Для цитирования: Багаев В. В. Опыт фиксации квалифицирующих признаков состава преступления в странах СНГ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 130–137. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-130-137>. EDN FHILWL

Problems of Criminal Law and Criminology, Procedural Law

Original article

Experience of recording qualifying features of a crime in the Commonwealth of Independent States countries

Vladimir V. Bagaev

Kuban State University, Krasnodar, Russia, V.v.bagaev@outlook.com,
<https://orcid.org/0009-0003-8728-4308>

Abstract

Purpose. Conducting a comparative analysis of the qualifying features of crimes in states with a common historical, cultural and civilizational path.

Materials and methods. In the context of deglobalization and regionalization of international law, emphasis is placed on the Model Criminal Code for the CIS member states, as well as the Criminal Codes of such republics friendly to Russia as Azerbaijan, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan.

Results. The structural and substantive features of recording the qualifying features of crimes in the above-mentioned legal acts are considered. Specific examples of description of these features are identified in comparison with the Criminal Code of the Russian Federation. The original structuring of the relevant legislative material is implemented in the Criminal Code of the Republic of Belarus: qualifying features in a number of cases are listed in an alternative way (without highlighting points). In turn, in the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, a "splitting" of a single feature into separate points is revealed. In terms of content, exclusive legislative decisions are the recognition of the increased public danger of theft with illegal entry into a vehicle, as well as violation of privacy using a remotely controlled unmanned aerial vehicle. The experience of differentiating criminal liability depending on the forms of complicity in a crime, type of recidivism and the type of intent deserves attention.

Conclusions. Based on the "classic" set of qualifying elements of crimes in the Model Criminal Code for the CIS member states, legislators from different countries have independently optimized their description.

The similarity of the general approaches of legislators to the establishment of qualifying signs has been revealed; the assessment of the degree of their public danger, as well as the list of crimes in individual components, vary.

The differentiation of criminal liability at the level of qualifying elements of a crime in the Criminal Code of the Russian Federation should be carried out taking into account not only positive foreign experience, but also the achievements of domestic criminal law doctrine.

Keywords: qualifying features of the crime, Model Criminal Code for the CIS member states, criminal legislation of the CIS countries, entry into the courtyard of a residential building, unmanned aerial vehicle, dangerous and especially dangerous recidivism of crimes, types of intent

For citation: Bagaev V. V. Experience of recording qualifying features of a crime in the Commonwealth of Independent States countries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):130–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-130-137>. EDN FHILWL

Введение

Квалифицирующие признаки состава преступления как средство дифференциации уголовной ответственности находятся в поле пристального внимания ученых-правоведов. Современные исследователи раскрывают целый ряд проблемных аспектов их законодательного описания, в том числе указывают на дисбаланс их качественно-количественных параметров в различных главах Особенной части УК РФ, а также асинхронность распределения применительно к преступлениям, обладающим близкими социально-правовыми и криминологическими свойствами [1, с. 130–131].

При этом содержание данных признаков, отражая типовую общественную опасность преступления, формирует представление не только об основах построения Особенной части уголовного закона, но и об эволюции процессов, происходящих в обществе, требующих более жесткой реакции со стороны государства. Стало быть, система квалифицирующих признаков составов преступлений и отдельные ее элементы, закрепленные в обладающих общностью исторического и культурно-цивилизационного пути государствах, представляют особый интерес в условиях деглобализации и регионализации [2] международного права. В настоящее время приоритетными для проведения компаративистских исследований становятся Уголовные кодексы дружественных для России стран, существенное количество которых входит в СНГ.

Методы и материалы

В настоящем исследовании проанализированы Модельный УК для государств – участников СНГ, а также Уголовные кодексы таких дружественных для России республик как Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан. Сделан акцент на структурных и содержательных особенностях фиксации квалифицирующих признаков составов преступлений в названных правовых актах в сравнении с УК РФ.

Обсуждение и результаты

Отправной точкой для формулирования квалифицирующих признаков составов преступлений в законодательстве стран СНГ можно считать Модельный УК 1996 г.¹ Примечательно, что не во всех его статьях отражены квалифицирующие признаки: они отсутствуют, к примеру, в статьях о причинении легкого вреда здоровью (ст. 124), развратных действиях (ст. 149), незаконном распространении порнографических материалов или предметов (ст. 237). Однако в том или ином объеме квалифицирующие признаки составов преступлений представлены в каждой главе кодекса. Специфика статей Особенной части Модельного УК выражается также в отсутствии конкретных санкций: степень общественной опасности преступления определяется указанием на его категорию.

Максимальные по степени – III – квалифицирующие признаки [3, с. 155] имеют место в составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (а именно в организованную группу или преступное сообщество либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления) (ч. 4 ст. 167).

¹ Модельный Уголовный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств: принят Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. // Правоведение. 1996. № 1. С. 91–150.

Заслуживающим внимания видится решение разработчиков Модельного УК о дифференциации уголовной ответственности в зависимости от формы соучастия в преступлении. Так, совершенно оправданно по степени общественной опасности убийство, совершенное организованной группой (ч. 3 ст. 111), превалирует над тем же деянием в рамках группы лиц или группы лиц по предварительному сговору (п. «з» ч. 2 ст. 111). Данный алгоритм последовательно реализован и в целом ряде иных статей Модельного УК.

В целом же в Модельном УК набор квалифицирующих признаков стандартен. К специфическим по содержанию и звучанию в сравнении с УК РФ можно отнести следующие закрепленные в Модельном УК квалифицированные составы преступлений: убийство, совершенное лицом, ранее совершившим убийство (п. «о» ч. 2 ст. 111); изнасилование, совершенное с использованием условий общественного бедствия или в ходе массовых беспорядков (п. «в» ч. 3 ст. 145); получение взятки «по предварительному сговору группой публичных служащих» (п. «б» ч. 2 ст. 305); дача взятки «публичному служащему, занимающему ответственную государственную должность» (п. «а» ч. 3 ст. 306); заведомо ложный донос о совершении преступления «в интересах организованной группы» (п. «г» ч. 2 ст. 325).

В отдельных случаях признаки, являющиеся в УК РФ криминообразующими, то есть входящие в основной состав, в Модельном УК представлены как повышающие степень общественной опасности содеянного. Примером может служить уклонение от несения военной и альтернативной службы путем подлога документов или иного обмана (п. «б» ч. 2 ст. 322 Модельного УК). В свою очередь, в УК РФ схожий признак прямо указан в ч. 1 ст. 339.

Структуризация законодательного материала в различных странах хотя и в целом универсальна, может варьироваться в зависимости от воспринятой традиции юридической техники. Определенным своеобразием обладает как оформление статей, так и отдельных их компонентов.

В рамках настоящего исследования особенно выделяется УК Республики Беларусь¹. Если в Модельном УК и УК РФ квалифицирующие признаки составов преступлений зафиксированы на уровне пунктов соответствующей части статьи, то в уголовном законодательстве Беларуси алгоритм закрепления данного перечня зависит от количества входящих в него единиц. Пункты, имеющие, кстати, числовое, а не буквенное значение, наличествуют весьма редко и только в случаях значительного объема квалифицирующих признаков. Так, убийства в рамках ч. 2 ст. 139 представлены 16 пунктами; составы умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, изложенные в ч. 2 ст. 147 – 11; квалифицированные составы торговли людьми (ч. 2 ст. 181) – 8, использования рабского труда (ч. 2 ст. 181¹) – 6. В большинстве же случаев квалифицирующие признаки описаны в диспозиции альтернативно, что зрительно делает нормативный материал более компактным.

К структурным особенностям оформления законодательного материала можно отнести «дробление» единого по сути признака на отдельные пункты в УК Республики Узбекистан². Речь идет об «экстремистском» мотиве в убийстве (с. 97), умышленном тяжком (ст. 104) и средней тяжести (ст. 105) телесных повреждениях. Совершение данных деяний «из религиозных предрассудков» и «по мотивам межнациональной или расовой вражды» квалифицируется по разным пунктам, но в рамках одной части соответствующей статьи.

Анализ уголовных кодексов стран СНГ позволил в целом отметить сходство подходов законодателей к установлению квалифицирующих признаков. Оценка же степени

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>.

² Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.10.2024 г.). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110.

их общественной опасности может варьироваться. К. В. Дядюн, в частности, заметил, что, хотя «в УК всех рассматриваемых государств в качестве отягчающего наказание обстоятельства регламентируется совершение неосторожного причинения смерти в отношении двух и более лиц, только в РФ данный аспект закреплён в рамках особо квалифицированного состава» [4, с. 85].

Далее выделим примеры оригинальных по содержанию правотворческих решений. В частности, обман или злоупотребление доверием, не характерные для состава торговли людьми в УК РФ [5], нашли отражение в п. 8 ч. 2 ст. 128 УК Республики Казахстан¹. Кроме того, уголовное законодательство Республики Узбекистан ужесточает ответственность за изнасилование лица, заведомо для виновного имеющего признак инвалидности (п. «д» ч. 2 ст. 118), близкого родственника, бывшей супруги (бывшего супруга), лица, совместно проживающего на основе единого хозяйства, либо лица, имеющего общего ребенка, а также если оно совершено участником массовых беспорядков (п. «б», «г» ч. 3 ст. 118).

В УК Азербайджанской Республики² в качестве квалифицирующего признака торговли людьми признается совершение преступления с причинением страданий потерпевшему либо с жестоким, бесчеловечным либо унижающим его достоинство обращением (ст. 144-1.2.8). Кроме того, повышенной общественной опасностью обладает кража в отношении (из) не только нефтепроводов, линий природного газа, но и линий связи, электрической, тепловой энергии, воды, канализации, железнодорожных линий государственного или общественного значения (ст. 177.2.3-2).

В качестве примера эксклюзивного правотворчества в Кыргызской Республике³ можно привести закрепление квалифицирующего признака «с вовлечением детей» в составе незаконной организации игорной деятельности (п. 4 ч. 2 ст. 219-1). Специальный субъект – лицо, которому огнестрельное оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества были вверены в связи с его служебным положением или под охрану – характерен для квалифицированного состава хищения или вымогательства огнестрельного оружия (п. 1 ч. 2 ст. 271).

В уголовном законодательстве отдельных стран СНГ зафиксированы и иные распространённые на практике, но оставшиеся без внимания российского законодателя обстоятельства, свидетельствующие о повышенной общественной опасности преступного акта. В рамках дифференциации уголовной ответственности весьма удачными видятся решения казахстанского законодателя о, во-первых, признании повышенной общественной опасности кражи с незаконным проникновением в транспортное средство (п. 3 ч. 3 ст. 188), а во-вторых, об установлении квалифицирующего признака скотокрадства – «с проникновением во двор жилого помещения, предприятия, организации, учреждения, скотного двора, загона или иного хранилища» (п. 2 ч. 3 ст. 188¹).

Вопрос целесообразности включения в уголовное законодательство самостоятельной статьи об ответственности за скотокрадство не входит в предмет настоящего исследования. Однако заметим, что примечание к ст. 139 УК РФ не позволяет двор отнести к жилищу, а значит, кража чего-либо, в том числе скота, с незаконным проникновением во двор не влечёт в РФ более строгое наказание.

Весьма прогрессивным можно назвать УК Азербайджанской Республики, в котором предусмотрено более суровое наказание за нарушение неприкосновенности частной жизни

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.

² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.02.2024 г.). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353.

³ Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.08.2024 г.). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065.

«с использованием дистанционно управляемого беспилотного летательного аппарата» (ч. 2.2 ст. 156). В России дополнение отдельных составов преступлений квалифицирующими признаками сходной направленности (связанных с применением «беспилотников», с использованием технологии искусственного интеллекта) пока находится только на стадии обсуждения [6; 7].

В статьях Особенной части отдельных стран СНГ зафиксирован такой квалифицирующий признак как совершение посягательств преступной организацией (преступным сообществом). Степень общественной опасности содеянного, однако, оценивается на одном уровне с его совершением организованной группой. В качестве примера можно привести фиксацию данного признака в составе легализации имущества, полученного преступным путем в УК Азербайджанской Республики (ст. 193-1.3.1), а также в составе истязания – в УК Кыргызской Республики.

С точки зрения дифференциации ответственности отличается уголовное законодательство Республик Таджикистан¹ и Узбекистан, в котором последовательно признается повышенная общественная опасность рецидива преступлений. Более того, его вид предопределяет квалификацию преступления и наказание за его совершение. В частности, в УК Республики Таджикистан опасный рецидив образует квалифицирующий признак грабежа II степени (п. «г» ч. 3 ст. 248), а особо опасный рецидив – III степени (п. «а» ч. 4 ст. 248).

В позитивном ключе можно оценить осуществленную в УК Республики Беларусь градацию степени общественной опасности деяния не только в зависимости от формы вины, но и от их видов. Так, заражение другого лица по легкомыслию или с косвенным умыслом ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этого заболевания (ч. 2 ст. 157), максимально наказывается пятью годами лишения свободы, в то время как то же действие, но с прямым умыслом – десятью.

Примечательно, что для отдельных стран СНГ характерна различная степень обобщения (или напротив, детализации) схожих квалифицирующих признаков. Например, в УК РФ на уровне п. «б» ч. 3 ст. 131 оставлены без конкретизации тяжкие последствия при изнасиловании, и лишь ознакомление с постановлением Пленума Верховного Суда РФ по данной категории дел дает основание включить в их содержание беременность потерпевшей², а п. 1 ч. 3 ст. 154 УК Кыргызской Республики прямо указывает на последствие в виде наступления беременности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что, взяв за основу «классический» набор квалифицирующих признаков в Модельном УК, страны СНГ с учетом особенностей своей внутренней и внешней политики в дальнейшем автономно развивали уголовное законодательство в данном направлении, что подтверждается наличием эксклюзивных как в структурном, так и в содержательном отношении нормативных предписаний.

Безусловно, совершенствование описания квалифицирующих признаков составов преступлений в УК РФ, как и в законодательстве других стран СНГ, в перспективе должно осуществляться не только посредством восприятия позитивного зарубежного опыта. Новеллизация уголовно-правовых решений любого парламента должна базироваться на более прочном фундаменте, коим выступают достижения отечественной уголовно-правовой доктрины.

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024 г.). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325.

² О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 (п. 13) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 2, февраль 2015 г.

В этой связи стоит заметить, что в научной литературе встречаются различные предложения по оптимизации формы выражения квалифицирующих признаков, в том числе предлагается «вынести» те из них, что характерны для большинства составов преступлений, в Общую часть уголовного законодательства [8]. Кроме того, обширное количество научных работ посвящено содержанию квалифицирующих признаков составов преступлений в рамках отдельных глав Особенной части УК РФ. Их обобщение и последующий анализ необходимы для обеспечения системности уголовного законодательства и практики его применения.

Список источников

1. Мотин А. В. О некоторых вопросах дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 7-1. С. 127–141. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.57.97.017>
2. Коняхин В.П., Полтавец В.В. Карательный арсенал современного международного уголовного права // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: Мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. Донецк, 2023. С. 320–328.
3. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. М., 2014.
4. Дядюн К. В. Регламентация ответственности за неосторожное причинение смерти: сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86). С. 83-88.
5. Шипунова М. Н. Обман как способ совершения преступления: проблемы теории и практики // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 3. С. 169–181. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/169-181>
6. Кочои С. М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7 (128). С. 125–135. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.125-135>
7. Камалова Г. Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. Вып. 3. С. 382–388. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-3-382-388>
8. Асланян Р. Г. Дифференциация ответственности и систематизация предписаний особенной части уголовного права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 3. С. 87–94. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-87-94>

References

1. Motin A. V. On Some Issues of Differentiation of Criminal Liability for Crimes against the Person by Means of Qualifying Features. *Issues of Russian and International Law*. 2020;10 (7-1):127–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.34670/AR.2020.57.97.017>
2. Konyakhin V. P., Poltavets V. V. Punitive Arsenal of Modern International Criminal Law. *Actual Problems of Theory and Practice of Criminal Law and Procedure in Modern Conditions: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*. Donetsk: 2023. Pp. 320–328. (In Russ.)

3. *Russian Criminal Law. General Part: Textbook for Universities* / edited by Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation V. P. Konyakhin and Doctor of Law, Professor M. L. Prokhorova. Moscow; 2014. (In Russ.)

4. Dyadyun K.V. Regulation of liability for negligent causing of death: comparative legal analysis of the legislation of the CIS countries. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023;11-1(86):83-88. (In Russ.)

5. Shipunova M. N. Deception as a method of committing a crime: problems of theory and practice. *Asia-Pacific region: economics, politics, law*. 2024;26(3):169–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/169-181>

6. Kochoi S. M. Criminal-legal risks of using unmanned vehicles. *Actual problems of Russian law*. 2021; 16 (7(128)):125–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.125-135>

7. Kamalova G. G. Some issues of criminal liability in the field of application of artificial intelligence systems and robotics. *Bulletin of Udmurt University*. 2020;30(3):382–388. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-3-382-388>

8. Aslanyan R. G. Differentiation of responsibility and systematization of the provisions of the special part of criminal law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(3):87–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-87-94>.

Информация об авторе

В. В. Багаев – соискатель кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, заместитель начальника управления по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью – начальник отдела по надзору за следствием в следственных органах Следственного комитета РФ, советник юстиции.

Information about the author

V. V. Bagaev – applicant of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University, Deputy Head of the Department for Supervision of Investigation, Inquiry and Operational-Investigative Activities – Head of the Department for Supervision of Investigation in Investigative Bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, Justice Advisor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2025; принята к публикации 27.01.2025.

The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 26.01.2025; accepted for publication 27.01.2025.

Институт отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран

Владимир Викторович Чибизов¹, Данила Андреевич Старков²

^{1,2}Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева, Краснодар, Россия

¹ vchibizov@gmail.com

² danilastarkov30@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена уголовно-правовой характеристике института отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран, анализируется содержание и механизм его применения с учетом влияния действующей в государстве правовой системы и культурных традиций. Ключевым обстоятельством повышенного научного интереса к проведению исследования в рамках уголовного права Исламской Республики Иран является то, что исламское уголовное законодательство оказывает влияние на все сферы общественной жизни государства, что определяется важнейшим значением мусульманских религиозных законов в действующей правовой системе, а также весьма специфичными особенностями содержания нормативно-правовых актов.

Цель. Посредством анализа института отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран определить исключительные особенности содержания и механизма применения данного института. Оценить влияние действующей правовой системы и культурных традиций на формирование института отсрочки исполнения наказания. Проанализировать пределы судебного усмотрения при применении института отсрочки исполнения наказания.

Методы. Методологическую базу исследования составляет совокупность общенаучных и частнонаучных методов. В ходе научного исследования, в большинстве своем, применялись общенаучный метод познания, логико-структурный метод анализа правовых норм, аналитический и логический методы научного исследования.

Результаты и выводы. Проведение исследования правовой системы Исламской Республики Иран, в частности, института применения отсрочки исполнения наказания, с учетом наличия исторических и религиозно-нравственных особенностей арабского востока, представляет собой значимое исследование, результаты которой могут быть использованы для более глубокого понимания вопросов исламского уголовного права и оценки его влияния на общественные отношения, а также в будущих научных исследованиях по внесению предложений по заимствованию иными государствами опыта применения данного института, разработке новых подходов и внесению изменений в уголовно-правовое законодательство.

Ключевые слова: суд, приговор, преступление, наказание, исправление, отсрочка исполнения наказания, Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран

Для цитирования: Чибизов В. В., Старков Д. А. Институт отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 138–145. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-138-145>. EDN HGNOBK

Original article

The institute of deferred execution of punishment in the Islamic Republic of Iran

Vladimir V. Chibizov¹, Danila A. Starkov²

^{1, 2}The North Caucasus branch of Lebedev Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

¹ vchibizov@gmail.com

² danilastarkov30@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the criminal law characteristics of the institution of deferred punishment in the Islamic Republic of Iran, analyzes the content and mechanism of its application, taking into account the influence of the legal system in force in the state and cultural traditions. The key reason for the increased scientific interest in conducting research within the framework of the criminal law of the Islamic Republic of Iran is that Islamic criminal law has an impact on all spheres of public life of the state, which is determined by the crucial importance of Muslim religious laws in the current legal system, as well as very specific features of the content of normative legal acts.

Purpose. By analyzing the institution of deferred punishment in the Islamic Republic of Iran, to determine the exceptional features of the content and mechanism of application of this institution. To assess the impact of the current legal system and cultural traditions on the formation of the institution of deferred punishment. To analyze the limits of judicial discretion in the application of the institution of deferred execution of punishment.

Methods. The methodological basis of the research is a combination of general scientific and private scientific methods. In the course of scientific research, for the most part, the general scientific method of cognition, the logical-structural method of analyzing legal norms, analytical and logical methods of scientific research were used.

Results and conclusions. Conducting a study of the legal system of the Islamic Republic of Iran, in particular, the institution of the application of deferred punishment, taking into account the historical and religious and moral characteristics of the Arab East, is a significant study, the results of which can be used to better understand the issues of Islamic criminal law and assess its impact on public relations, as well as in future scientific research on making proposals for borrowing from other States the experience of using this institute, development of new approaches and amendments to the criminal law legislation.

Keywords: court, sentence, crime, punishment, correction, deferment of execution of punishment, Law on Islamic Criminal Punishments of the Islamic Republic of Iran

For citation: Chibizov V. V., Starkov D. A. The institute of deferred execution of punishment in the Islamic Republic of Iran. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):138–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-138-145>. EDN HGNOBK

Введение

Исламская Республика Иран, именовавшаяся до 1935 г. Персией, представляет собой динамично развивающееся государство с присущей ей обычаями, традициями и мировоззрением. Иранское законодательство, в условиях быстроразвивающихся общественных отношений и с учетом того, что в мире происходят глобальные, исторические события, которые не могут не оказывать влияние на Исламскую Республику Иран, сохранило свою идентичность и свойственный ей механизм использования мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступление. Тем не менее, при данных изменениях в государстве происходит законодательная коррекция уголовного права, что является примечательным для проведения исследования Исламского уголовного законодательства.

Международные отношения Исламской Республики Иран, ранее именуемой Персией, включали в себя и войны, и периоды тесного сотрудничества со многими государствами, однако, в это же время, исламское уголовное законодательство развивалось собственным путем и сохраняло свою уникальность.

Как следует из высказывания одного из лидеров Исламской Республики Иран – цель Исламской уголовной доктрины состоит в том, чтобы породить страх у лица перед законом, а не принести ему боль и страдания. Наличие действующего законодательства в таком виде, в каком оно представлено, показывает, что цель уголовной доктрины обусловлено сдерживающим средством, чтобы страх перед наказанием мог заставить человека воздержаться от нарушения закона [1].

Судебная деятельность, содержанием которой, в том числе, является и рассмотрение сложных ситуаций в уголовно-правовой сфере, требует от правоприменителей сбалансированного подхода к отправлению правосудия.

Одним из инструментов, направленных на исправление осужденного, не применяя к последнему наказание в той степени, которая указана в приговоре суда, является отсрочка исполнения наказания в Исламской Республике Иран.

Механизм применения отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран имеет свои исключительные особенности, характерные для данного государства.

Стоит отметить, что право Исламской Республики Иран базируется одновременно на романо-германской правовой системе и на мусульманском законе – Шариате, что делает особо примечательным проведение исследования института применения отсрочки исполнения наказания [2].

Материалы и методы

Немаловажное значение в научном исследовании было отведено функциональному методу, посредством которого выделялись структурные части института отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран, изучалась их практическая значимость, и логико-структурному методу анализа правовых норм, с помощью которого были достигнуты цели научного исследования [3].

Были исследованы положения Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран (далее – Закон), а также научные труды отечественных авторов по уголовному праву Исламской Республики Иран, научные статьи в периодических изданиях по исследуемой тематике, позволяющие выделить особенности в содержании и механизме применения института отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран [4].

Результаты

По итогам проведенного исследования стоит отметить, что регулирование общественных отношений в Исламской Республике Иран базируется на двух нормах – религиозной и правовой, которые направлены на достижение такого основного принципа системы наказаний в исламском уголовном законодательстве, как сакральность, то есть наказание должно восприниматься, как очищение от греха.

Закон является результатом взаимодействия шариата, как важного религиозного явления, потребностей развития общества и внешних факторов, что прослеживается в том, что Закон включает в себя две части, которые различаются по своей правовой природе – первая часть данного закона основывается на источнике вероучения – Коране и, в отличие от уголовных кодексов большинства европейских государств, Закону не присуща отраслевая классификация, отсутствует деление на Общую и Особенную часть.

Отсрочка исполнения наказания в Исламской Республике Иран преследует главные цели – реабилитацию осужденного и предотвращение рецидива преступлений, при этом, данная отсрочка не является исполненной до окончания испытательного срока. Особое внимание уделяется такому критерию, как покаяние осужденного и его готовности к исправлениям, с учетом религиозных и культурных традиций.

В Исламской Республике Иран пределы судебного усмотрения ограничены и прослеживается, что институт отсрочки исполнения наказания будет эффективен только в том случае, когда правоприменителями используется данный институт к лицам, которые впервые совершили преступление и действительно заслуживают назначения указанной меры уголовно-правового характера.

Считаем оправданным включение законодателем Иранской Республики Иран в перечень преступлений категории уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, при которых отсрочка исполнения наказания не применяется, поскольку данные общественно-опасные деяния всецело влияют на социальные и нравственные устои общества, представляют угрозу национальной безопасности государства.

Согласно Закону, суды в Исламской Республике Иран, при применении института отсрочки исполнения наказания, уделяют внимание соблюдению индивидуального подхода к каждому уголовному делу и проводят тщательный анализ конкретной юридической ситуации, иначе, в следствии шаблонного подхода, судебные решения могут быть подвергнуты корректировке в апелляционном порядке.

Выявленные содержание и механизм применения института отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран демонстрируют влияние действующей правовой системы и культурных традиций на формирование институтов уголовного права.

Обсуждение

Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран [1] (далее – Закон) включает в себе две части, которые различаются по своей правовой природе, поскольку первая часть данного закона основывается на источнике вероучения – Коране. Закону не присуща отраслевая классификация [5] и, в отличие от большинства уголовных кодексов европейских стран, в Законе не прослеживается деление на Общую и Особенную части. Также стоит отметить, что в Законе находится больше уголовно-процессуальных, нежели материальных норм и в статье 729 указано, что все законы и нормативные акты, вступающие в противоречие с Законом, подлежат отмене.

Принципиально важным является то, что первую часть Закона, как уже было отмечено, невозможно в полной мере понять без обращения к источнику вероучения – Корану. Считается, что текст Корана написан «арабским чистым языком», который, как считает исламская традиция, не поддается переводу. Это обстоятельство в полной мере относится и к первой части Закона, нормы которой нужно истолковывать с учетом исторических, мировоззренческих, географических и религиозно-нравственных особенностей арабского Востока [6].

Тем не менее, изучение правовой материи Исламской Республики Иран, в частности, института применения отсрочки исполнения наказания, с учетом наличия вышеуказанных особенностей и языкового барьера, представляет собой ценное исследование, результаты которой могут быть использованы для более глубокого понимания вопросов исламского уголовного права, а также законодателями иных государств путем заимствования зарубежного опыта применения данного института и внесении изменений в уголовно-правовое законодательство [7].

Вторая глава Закона именуется законодателями Исламской Республики Иран как «Наказание, предупредительные воспитательные меры». Считаем, что раздел «Отсрочка исполнения наказания» оправдано занимает место в данной главе, поскольку сочетает в себе, как и достижение целей наказания, так и оказание на лицо, совершившее преступление, воспитательных мер, по результатам которых лицо должно изменить свое поведение и не совершать более противоправные деяния.

В статьях 25 и 27 Закона указано, что суд, при вынесении обвинительного приговора, выносит отдельным судебным актом решение об отсрочке исполнения наказания.

В Законе указан перечень наказаний, при назначении которых во всех случаях возможно применение отсрочки исполнения наказания – судебное взыскание или сдерживающие меры, с соблюдением следующих условий:

1. Лицо ранее не имело окончательных приговоров о назначении наказаний, аналогичным тем, которые предусмотрены в данном Законе.

В данном случае отмечаем, что уголовное право Исламской Республики Иран содержит в себе норму, дающую лицу, впервые совершившему преступление, возможность на исправление;

2. Наличие убежденности суда о возможности неисполнения приговора на основе исследованного общественного положения осужденного и его прежней репутации, а также с учетом мотивов и обстоятельств совершения противоправного деяния.

Данная оценка суда носит сугубо индивидуальный характер и предполагает тщательный анализ конкретной ситуации.

В Иранской Республике Иран при применении исследуемого института учитываются документы, по которым возможно дать оценку личности, и обстоятельства, послужившие основанием совершения противоправного деяния [2].

В Законе указано, что отсрочка исполнения наказания может быть установлена на срок от двух до пяти лет, при этом, отсрочка исполнения наказания, в соответствии со статьей 30 Закона, не может быть применена в случае:

1. Совершения уголовно наказуемого деяния или осуществления пособничества, связанного с незаконным оборотом наркотических средств;

Исламская Республика Иран ежегодно ведет многоплановую антинаркотическую политику и не допускает возможность применения отсрочки исполнения наказания лицу при совершении данной категории преступлений;

2. Совершения преступлений, непосредственно посягающих на авторитет и законные интересы службы, изготовления или использования поддельных документов, мошенничества, а также кражи, наказание за которое не является нормированным.

Включение законодателем Исламской Республики Иран данных преступлений указывает, что государство нетерпимо относится к лицам, которые своими противоправными действиями подрывают общественный уклад общества и нарушают личные права граждан;

3. Любого рода пособничество в совершении преступлений, подлежащих нормированному наказанию.

В рамках сочетания в Исламской Республике Иран романо-германской правовой системы и мусульманского закона Шариата, Закон содержит в себе нормы религиозного характера и делает отсылки к религиозным законам, что и отражается в примечании к статье 25, исходя из которой исключения по условиям применения отсрочки исполнения наказания могут быть предусмотрены исламскими религиозными законами [5].

В Исламской Республике Иран суд вправе возложить на лицо, к которому применена отсрочка исполнения наказания, выполнение определенного рода обязанностей.

Так, в соответствии с положениями Закона, на лицо может быть возложена обязанность посещать врачебное учреждение для лечения заболевания или наркотической зависимости. Данная обязанность свидетельствует о том, что государство уделяет особое значение состоянию здоровья осужденных лиц [8].

В иранском законодательстве на лицо могут возложить обязанность проходить обучение в культурно-просветительском учреждении, что отражает тот факт, что государство, стремясь поддерживать динамику развития страны и образовательный уровень, небезразлично относится к лицу, совершившему преступление, уделяя внимание повышению уровня его культуры и знаний [9].

В Законе присутствует обязанность в виде запрета на посещение определенных мест, что, к примеру, может быть направлено на минимизацию рисков контактов осужденного с определенным кругом лиц.

В Законе обязанность с определенной периодичностью посещать уполномоченных лиц для сверки данных и удостоверения личности свидетельствует об осуществлении контроля за поведением осужденного.

Закон содержит ряд обязанностей, содержащих в себе религиозные положения. К таким обязанностям относятся запрет на публичное совершение запрещенных религией действий и воздержание от неисполнения обязательных религиозных предписаний.

В статье 29 Закона указано, что при первом факте уклонения лица от возложенных обязанностей суд вправе увеличить срок отсрочки исполнения наказания на один-два года, при повторном факте отменить ее.

Примечательно, что в Исламской Республике Иран в случае, если после предоставления отсрочки выяснится факт прежней судимости лица, то такая отсрочка отменяется [10].

Данный факт свидетельствует о суровом подходе иранского уголовного законодательства к рецидиву преступлений, даже при наличии ранее предоставленной отсрочки.

Примером применения отсрочки исполнения наказания в Исламской Республике Иран является вынесенный судом Ирана в 2023 г. приговор в отношении иранской актрисы Афсаны Байеган, которая была приговорена к двум годам лишения свободы с отсрочкой исполнения наказания на пять лет за несоблюдение закона о ношении хиджаба¹. Из материалов дела следует, что актриса появилась на общественном мероприятии, не надев исламский хиджаб, при этом, выставила данные фотографии в сеть Интернет, то есть нарушила общественные нормы морали, пропагандировала распущенность. Суд возложил на Афсану Байеган следующие обязанности:

1. Раз в неделю посещать официальные консультационно-медицинские учреждения для лечения психического заболевания антисемейной личности и по окончании курсов предоставить справку о состоянии здоровья.

2. Составить рукописный конспект книги о важности ношения хиджаба.

3. Не выезжать из Иранской Республики Иран в течении двух лет и на тот же срок не пользоваться социальными мессенджерами в сети Интернет.

В процессе проводимого исследования прослеживается явное влияние в Исламской Республике Иран местных религиозных и культурных факторов [11].

Заключение

Выявленные особенности содержания и механизма применения института отсрочки исполнения наказания в иранском уголовном законодательстве демонстрируют влияние действующей правовой системы и культурных традиций на формирование институтов уголовного права.

Закон является результатом взаимодействия мусульманских религиозных законов, потребностей развития общества и внешних факторов. Целью предоставления отсрочки исполнения наказания является предотвращение новых преступлений и исправление осужденных.

Первая часть Закона основывается на источнике вероучения – Коране и, в отличие от уголовных кодексов большинства европейских государств, Закону не присуща отраслевая классификация, отсутствует деление на Общую и Особенную часть.

В Исламской Республике Иран суды, при применении института отсрочки исполнения наказания, уделяют внимание соблюдению индивидуального подхода к каждому уголовному делу. Однако пределы судебного усмотрения ограничены. Институт отсрочки исполнения наказания будет эффективен только в том случае, когда правоприменителями используется данный институт к лицам, которые впервые совершили преступление и действительно заслуживают назначения указанной меры уголовно-правового характера.

¹ Иранскую актрису приговорили к условному тюремному сроку за отказ от ношения хиджаба // Издательский дом «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6111561>;

Список источников

1. Ахани А. И. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран: перевод с персидского. СПб., 2008. 342 с.
2. Сюкияйнен Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире: монография. М., 2022. 685 с.
3. Шатковская Т.В. Социальная реконструкция источников обычного права: опыт теоретико-эмпирического исследования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. №3. С. 13–19.
4. Ефремова И. А. Институт освобождения от наказания по Российскому и Иранскому уголовному законодательству: сравнительный аспект // Вестник Академии права и управления. 2015. № 4. С. 37–40.
5. Петровский А. В. Религиозно-философские основы мусульманского права // Юридическая наука. 2015. № 1. С. 20–26.
6. Степанова М. А., Креховец А. В. Общая характеристика уголовного закона Исламской Республики Иран // Вестник БелЮИ МВД России. 2020. № 4. С. 59–62.
7. Наумов А. В., Кибальник А. Г., Орлов В. Н., Волосяк П. В. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. 510 с.
8. Гордеева Е. М., Ворожцова О. А. Актуальные вопросы в изучении источников исламского права // Наука и образование сегодня. 2019. № 6-1. С. 1–4.
9. Акилов Ф. И. Уголовное право Исламской Республики Иран: становление, основные институты и тенденции развития: автореферат диссертации кандидата юридических наук. М., 2010. 23 с.
10. Амирханов А. А., Ахмедханова С. Т., Исамагомедов И. Современное исламское право: особенности и тенденции развития // Образование и право. 2024. № 1. С. 55–59.
11. Архипов В. В., Васильев И. А., Гусейнова П. А. Исламское уголовное право и процесс: учебное пособие. СПб.: СПбГУ, 2018. 180 с.

References

1. Akhani A. I. *Law on Islamic Criminal Punishments of the Islamic Republic of Iran: translation from Persian*. Saint-Petersburg, 2008. 342 p. (In Russ.).
2. Sukiyaenen L. R. *Islamic law and the dialogue of cultures in the modern world: a monograph*. Moscow, 2022. 685 p. (In Russ.).
3. Shatkovskaya T. V. Social reconstruction of sources of customary law: the experience of theoretical and empirical research. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2012;(3):13–19. (In Russ.).
4. Efremova I. A. Institute of release from punishment under Russian and Iranian criminal legislation: a comparative aspect. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2015;(4):37–40 (In Russ.).
5. Petrovsky A. V. Religious and Philosophical Fundamentals of Muslim Law. *Legal Science*. 2015;(1):20–26. (In Russ.).
6. Stepanova M. A., Krekhovets A. V. General characteristics of the criminal law of the Islamic Republic of Iran. *Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(4):59–62. (In Russ.).
7. Naumov A. V., Kibalnik A. G., Orlov V. N., Volosyuk P. V. *International Criminal Law: A Textbook for Bachelor's and Master's Degrees*. Moscow: Yurait Publishing House; 2016. 510 p. (In Russ.).
8. Gordeeva E. M., Vorozhtsova O. A. Topical issues in the study of sources of Islamic law. *Science and Education Today*. 2019;(6-1):1–4 (In Russ.).

9. Akilov F. I. *Criminal law of the Islamic Republic of Iran: formation, main institutions and development trends*: abstract of the thesis of the Candidate of Law. Moscow; 2010. 23 p. (In Russ.).

10. Amirkhanov A. A., Akhmedkhanova S. T., Isamagomedov I. Modern Islamic law: features and development trends. *Education and Law*. 2024;(1):55–59. (In Russ.).

11. Arkhipov V. V., Vasiliev I. A., Huseynova P. A. *Islamic criminal law and process*: a textbook. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2018. 180 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Чибизов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева.

Д. А. Старков – магистрант кафедры уголовного права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева

Information about the authors

V. V. Chibizov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines, The North Caucasus branch of Lebedev Russian State University of Justice.

D. A. Starkov – Master's Student of the Department of Public Law Disciplines, The North Caucasus branch of Lebedev Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 25.01.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Криминологические особенности личности преступника-мигранта

Ирина Анатольевна Семенцова¹, Екатерина Алексеевна Федорова²

¹Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия, irina_semen@inbox.ru

¹Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

²Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, Новороссийск, Россия, gelonkinaea@yandex.ru

Аннотация

Введение. Условия глобализации неизбежно привели к росту миграционных процессов во всем мире. Неминуемо происходит столкновение культурно-бытового, языкового, территориального, социально-экономического статусов между переселенцами и коренными жителями, что приводит к ухудшению криминологической ситуации. Высокая латентность и общественная опасность правонарушений, совершаемых мигрантами обусловлены, в частности, спецификой личности преступника.

Цель. Данное исследование направлено на обобщение основных криминологически-значимых характеристик личности преступника, прибывшего на постоянное или временное проживание из других стран, выявление социально-демографических, нравственно-этических, эмоционально-волевых и правовых особенностей, представляющих симптоматику, влияющую на совершение преступлений.

Методы. В процессе исследования применялись всеобщий диалектический, общенаучные и частнонаучные методы познания: статистический, системно-структурный анализ, аналогия, обобщение, сравнение, дифференциация, наблюдение.

Результаты исследования. Личность преступника-мигранта рассмотрена с учетом основных социально-демографических, потребностно-мотивационных характеристик. Наиболее активной и склонной к совершению преступлений является возрастная группа 26 – 35 лет, из которых большая часть холостых мужчин. Уровень преступности данной категории составляет более 60 % от общего количества совершенных преступлений. Типичный преступник-мигрант имеет среднее общее образование или не имеет его вообще, не имеет постоянного источника дохода несмотря на то, что трудоспособен. Основным мотивом преступных действий является корысть, чуть реже: анархистские и бытовые мотивы. Сложности в ходе социальной адаптации, незнание правовых норм и нравственных особенностей региона, куда мигрант приехал на заработки, приводят к импульсивному, враждебному и агрессивному поведению. Незаконное и незатруднительное пересечение государственной границы вселяет в сознание преступника чувство безнаказанности, и как следствие, готовность к новым более масштабным преступлениям.

Обсуждение и заключение. Изучив разные точки зрения криминологов на определение понятия личность преступника-мигранта, можно сделать вывод о том, что помимо общих признаков, необходимо учитывать национальные, этнические особенности и социально-психологические свойства, которыми характеризуется их преступное поведение. Решение профилактических задач по отношению к мигрантам, совершающим преступления,

либо имеющим склонность к их совершению, зависит от их духовно-нравственного воспитания, целью которого является выработка убежденности о необходимости соблюдать законы, принимаемые на федеральном уровне, но и законы общества. Возможность исключить вероятность совершения преступления лицами может быть достигнута тогда, когда их культурный и образовательный уровень будет сочетаться с твердой нравственной позицией.

Ключевые слова: криминогенный потенциал, криминологическая характеристика, личность преступника, миграция, преступность мигрантов, преступник-мигрант, причины преступности, профилактика преступности, уголовная ответственность, социальная адаптация

Для цитирования: Семенцова И. А., Федорова Е. А. Криминологические особенности личности преступника-мигранта // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 146–156. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-146-156>. EDN JBSRBG

Problems of Criminal Law and Criminology, Procedural Law

Original article

Criminological features of the personality of a migrant criminal

Irina A. Sementsova¹, Ekaterina A. Fedorova²

¹Moscow University named after S. Yu. Witte, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia, irina_semen@inbox.ru

¹Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

²Admiral F. F. Ushakov State Maritime University, Novorossiysk, Russia, gelonkinaea@yandex.ru

Abstract

Introduction. The conditions of globalization have necessarily led to the growth of migration processes throughout the world. Inevitably, there is a clash of cultural, everyday, linguistic, territorial, socio-economic statuses between migrants and natives, which leads to the deterioration of the criminological situation. High latency and social danger of offenses committed by migrants are due, in particular, to the specifics of the personality of the offender.

Purpose. This study is aimed at generalizing the main criminologically significant characteristics of the personality of a criminal who arrived for permanent or temporary residence from other countries, identifying socio-demographic, moral and ethical, emotional-volitional and legal features that represent symptoms that affect the commission of crimes.

Methods. In the course of the research, universal dialectical, general scientific and private scientific methods of cognition were used: statistical, system-structural analysis, analogy, generalization, comparison, differentiation, observation.

Results of the research. The personality of the criminal-migrant is considered taking into account the main socio-demographic, needs-motivational characteristics. The most active and inclined to commit crimes is the age group of 26-35 years, of which the majority are single men. The crime rate of this category is more than 60% of the total number of committed crimes. The typical criminal-migrant has secondary general education or does not have it at all, does not have a permanent source of income despite the fact that he is able-bodied. The main motive for criminal acts is greed, slightly less often: - anarchist and everyday motives. Difficulties in the course of social adaptation, ignorance of legal norms and moral characteristics of the region where the migrant came to work lead to impulsive, hostile and aggressive behavior. Illegal and easy crossing of the state border instills in the criminal's mind a sense of impunity, and as a consequence, readiness for new, larger-scale crimes.

Discussion and conclusion. Having studied the different points of view of criminologists on the definition of the concept of the personality of a migrant criminal, we can conclude that in addition to general features, it is necessary to take into account the national, ethnic characteristics and socio-psychological properties that characterize their criminal behavior. The solution of preventive tasks

in relation to migrants who commit crimes or have a tendency to commit them depends on their spiritual and moral education, the purpose of which is to develop a conviction about the need to comply with laws adopted at the federal level, but also the laws of society. The possibility of eliminating the likelihood of committing a crime by individuals can be achieved when their cultural and educational level is combined with a strong moral position.

Keywords: migrant crime, criminal personality, migrant criminal, migration, criminal liability, crime prevention, causes of crime, criminological characteristics, social adaptation, criminogenic potential.

For citation: Sementsova I. A., Fedorova E. A. Criminological features of the personality of a migrant criminal. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):146–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-146-156>. EDN JBSRBG

Введение

Миграция – естественная, зачастую необходимая часть человеческой жизни.

История человечества – это история переселения народов, завоевания территорий, их колонизация, освоение свободного (как правило, малозаселенного, но населенного) жизненного пространства.

История начиналась с противостояния оседлых (землепашцы, мастера) и кочевых народностей. Племен (скотоводы). Более отсталые в культурном и цивилизованном развитии кочевники захватывали, грабили цивилизованные государства. Так, германские племена (вандалы) в конечном итоге уничтожили один из центров цивилизации – Римскую Империю, монголы-кочевники покорили китайскую и среднеазиатскую (персидскую) цивилизацию) и на многие века оккупировали русские княжества. Другой вид колонизации: англичане, французы, испанцы и другие европейские народы захватывали значительно отсталые народы американского, африканского, австралийского континентов, лезтью и обманом, огнем и мечем. Покаяя местные племена и насаждая им свою культуру и цивилизацию. Аналогичным путем российский царизм осваивал и колонизировал Сибирь, Дальний Восток, Северную Америку. Это были глобальные, межнациональные и межгосударственные миграционные процессы, которые способствовали развитию современной цивилизации, ее насаждению насильственными путями.

Интересы организованной преступности определяют специфику значительной доли миграционных процессов [1, с. 32]. Тенденции миграционных процессов, особенно международной миграции, оказывают влияние на изменение тенденции и общеуголовной преступности.

Наблюдаемые пики роста миграционных потоков, особенно из стран СНГ связаны и с ростом организованной и групповой преступности этнических групп, процессами распределения криминальных рынков. Причем, когда мы говорим о преступности этнических групп, то в данном случае зачастую речь идет о законном въезде на территорию РФ, т.е. о законной миграции. Однако остановимся более подробно на тех подводных камнях, которые могут быть здесь обнаружены.

Преступления, совершаемые мигрантами, все чаще вызывают повышенный общественный резонанс и приводят к массовым беспорядкам, фактам самосуда, причем целью уже является не конкретный преступник, а группа лиц по определенному признаку [2, с. 119].

Неэффективный механизм урегулирования миграционных потоков в нашем государстве является частью комплекса детерминант преступности иностранцев в нашей стране [3, с. 190].

В ходе исследования преступности мигрантов необходимо также изучить личностные характеристика преступников мигрантов. Данное изучение позволит определить закономерности возникновения криминогенных факторов, принять соответствующие меры по предупреждению преступности. Институт личности преступника является одной из проблем как криминологии, так и иных уголовно-правовых наук.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили научные работы и учебная литература по уголовному праву и криминологии, юридической техники и иных областей социально-гуманитарного знания. Методологическую базу составляет диалектический метод познания, являющийся общенаучным, а также специальные методы. Системно-структурный метод применялся при изучении феномена личности преступника-мигранта; формально-логические методы обобщения, анализа, синтеза использовались при разработке теоретических основ изучения личности преступника-мигранта.

Результаты исследования

По утверждению И. И. Карпеца под личностью преступника понимается комплекс социально значимых факторов, отношений, которые призваны охарактеризовать лицо, виновно нарушившее уголовное законодательство, при одновременном сочетании с иными условиями и обстоятельствами, влияющими на его противозаконное поведение [4, с. 185].

При исследовании вопроса личности преступника-мигранта следует акцентировать внимание на то, что каждая из групп иностранцев имеет определенную неоднородность. Самыми основными признаками преступников, по которым можно произвести их классификацию, является:

- социально-демографические;
- нравственные, психологические;
- уголовно-правовые особенности [5, с. 140].

Применительно к преступникам-мигрантам можно предложить дополнительно другие основания для классификации их личности, к таковым можно отнести: время и цель пребывания, степень подчиненности, юрисдикция государства пребывания, признак гражданства того или иного государства и т.д.

Преступность мужчин, значительно выше, чем у женщин. Общее число преступлений, совершенных мигрантами мужского пола составляет 89,1%, а женского пола – 10,9 %. При этом доля женщин-преступниц рассматриваемой категории ежегодно увеличивается в среднем на 2-3%. Женщины чаще выступают пособниками либо подстрекателями, действуя в группе. Популяризация данных потребностей влечет умаление таких позитивных факторов как необходимость создания новой ячейки общества, продолжение рода [6, с. 37].

Интерес для исследований, представляет собой борьба с женской преступностью, особенно на территориях рынков, фабрик, в большей части из которых работниками являются мигрирующие женщины. Было замечено, что основная масса совершенных женщинами-мигрантами преступлений (56%) в этих местах связаны с мошенничеством. В настоящее время актуальность приобрела следующая схема мошенничества: женщины под видом гадалок, снимающих порчу, проклятие, похищают значительные суммы у потерпевших.

Одним из немаловажных элементов в криминологической характеристике преступников признается уровень образования. Но нельзя связывать и ставить в зависимость друг от друга уровень полученного образования и совершение преступного деяния. Необходимо отметить, что образовательный процесс является одним из важнейших факторов, сопутствующих формированию личности, но тем не менее оказывает опосредованное влияние на ее полноценное становление.

Криминология, как наука, содержит в себе информацию, которая в свою очередь подтверждает, что у лиц, совершающих общественно опасные деяния, уровень образованности, существенно понижен, чем у лиц с положительным правосознанием.

Мигранты, которые совершают преступления на территории Российской Федерации, в среднем имеют следующие уровни образования:

- среднее (полное) общее образование – 45 %,
- высшее – до 10 %,
- среднее профессиональное – 18%,

почти 20 % не имеют среднего общего образования (или данных об образовании нет) [7, с. 92].

Также одним из основополагающих социально-демографических криминологических признаков является возраст преступника. Только возрастные характеристики лица позволяют определить его физическое состояние, интересы, жизненные ценности.

Полученные статистические данные [8, с. 12] указывают на то, что:

наибольшую общественную опасность представляет данная возрастная категория в возрасте 26–29 лет, их доля в структуре преступности составляет 31 % преступлений;

не менее опасной является и возрастная категория лиц – 30–35 лет, которые имеют долю в структуре преступности мигрантов как 24,2 % общественно опасных преступных деяний;

отличается по уровню криминогенности группа лиц возраста 22–25 лет, доля которых в общем количестве преступлений, совершенными мигрантами, составляет 17,2 %.

Такие возрастные группы, как 18–21 год и 46 лет и старше, представляют собой меньшую общественную опасность в силу невысокой антисоциальной направленности, то есть такая категория лиц имеет наименьшую склонность к перемене места жительства. Их доля в общем количестве преступлений, совершенными мигрантами, составляет 5,7 % и 4,6 % совершенных преступлений.

Важный фактор, характеризующий личность преступника мигранта – это отсутствие постоянного места жительства, хотя изначально процесс миграции направлен на смену места жительства в целях улучшения уровня жизни. Однако невозможность мигранта обзавестись постоянным местом жительства, работой, социально-полезными связями побуждает его совершать преступления [9, с. 240]

Учитывая факт своеобразного влияния института брака и семьи на формирование личности преступника, необходимо рассмотреть семейное положение преступников-мигрантов. В ходе исследования установлено, что для всей изучаемой категории лиц характерно существенное преобладание неженатых преступников. Пренебрежение институтом семьи прежде всего связано с образом жизни, а точнее отсутствием жилья, алкоголизмом, наркоманией и иными факторами.

Семейное положение также является специфической чертой, характеризующей личность преступника-мигранта, потому как, по общим сведениям, большинство мигрирующих лиц на момент совершения общественно опасного деяния в Российской Федерации были холосты. Об этом говорит процент холостых преступников от общего числа совершенных преступлений мигрантами, который составляет 64,3 % [10, с. 10–11]. При этом в целом доля лиц, состоявших в браке, среди иностранцев-мигрантов в возрасте старше 14 лет достаточно высока – 51 %¹.

При характеристике личности преступника-мигранта, на наш взгляд, необходимо также учитывать национальность.

В 2022–2023 гг. граждане Узбекистана наиболее часто привлекались к ответственности за совершение преступлений среди иностранных граждан. Их доля составляла примерно 40 %. На втором месте находились граждане Таджикистана, чья доля составляла около 25 %. Граждане Кыргызстана занимали третье место с долей примерно 13 %².

¹ Росстат раскрыл «портрет» мигранта в России. Кто и с какими целями въезжает в страну из-за рубеж: сайт. – Режим доступа:

<https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486?ysclid=m71jegpcj968912446/> - Загл. с экрана. (Дата обращения: 11.02.2025).

² «Издержки толерантности». В МВД России назвали страны, граждане которых чаще всего совершали преступления: сайт. – Режим доступа: <https://rtvi.com/news/izderzhki-tolerantnosti-v-mvd-rossii-nazvali-strany-grazhdane-kotoryh-chashhe-vsego-sovershali-prestupleniya/> - Загл. с экрана. (Дата обращения: 05.02.2025).

Рис. 1. Число преступлений в 2022 г. и за 1-е полугодие 2023 г.

Fig. 1. The number of crimes in 2022 and for the 1st half of 2023

Наименьшее количество преступлений среди иностранных граждан фиксировалось в сводках МВД по гражданам Туркменистана, Грузии и Абхазии. В 2022 г. они совершили, соответственно, 325, 320 и 115 преступлений, что составляет менее 1% от общего количества преступлений.

Также необходимо отметить, что каждый десятый осужденный был апатридом.

Наибольшую криминальную активность нами было выявлено у лиц в возрасте 30-49 лет (49,1%). Группы 18-24 лет и 25-29 лет являются вторыми по численности среди преступников мужского пола — по 21% каждая¹.

Доля несовершеннолетних преступников (14-17 лет) составила 0,9% от общего количества исследованных нами осужденных граждан других государств и апатридов. Сама по себе преступность этой категории лиц не отличается такими признаками, как организованность или рецидивность. Как правило, это единичные преступления корыстной, корыстно-насильственной или насильственной направленности (от мелких краж до нанесения тяжких телесных повреждений), совершенные единолично и импульсивно.

Учитывая гражданство, место рождения и образование виновного, получим и соответствующие данные о возможности свободного общения лица на территории РФ. Так, для более чем половины осужденных граждан других государств русский язык является родным, или они свободно им владеют (61,3%). На бытовом уровне русским или другим распространенным в России языком общения (в т. ч. языком любого из национальных меньшинств) владеет каждый пятый преступник-иностранец. Высокие показатели знания русского языка среди осужденных иммигрантов можно объяснить доминированием среди них граждан бывших советских республик, где во времена СССР русский язык был официальным государственным и языком международного общения. И до сих пор он употребляется местным населением этих государств.

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013-2023 гг. // Судебные Департамент РФ: сайт. – Режим доступа: <http://cdep.ru/?id=79> – Загл. с экрана. (Дата обращения: 30.12.2024).

Мигранты-преступники, приехавшие в Российскую Федерацию, в адаптационном плане могут быть классифицированы на три группы [11, с. 92]:

Первая – изначально не имевшие намерения начинать преступную деятельность. На совершение уголовно-наказуемых деяний таких подталкивают объективно складывающиеся обстоятельства и субъективная неспособность к их преодолению.

Вторая группа. Мигранты, готовые не только законно трудиться, но и в удобном случае совершить корыстные преступления.

Третья. Лица, изначально имеющие при въезде в Россию преступные намерения. Желаящие наживы и осознающие свою роль в преступной деятельности, имеющие, как правило, криминальный опыт в родном государстве.

Следующей группой характеристик личности преступника-иностранца и преступника-апатрида являются уголовно-правовые черты, специфичность которых заключается в том, что они присущи только лицам, признанным виновными в совершении деяний, предусмотренных УК РФ.

Согласимся, что такие признаки раскрывают правовые характеристики последних, являются значимыми для правильной квалификации совершенного, индивидуализации и дифференциации наказания, назначаемого судом виновному лицу. Также анализ комплекса признаков, охватываемых этим понятием, позволяет сделать выводы о генезисе преступного посягательства, глубине и стойкости антисоциальной направленности преступника, его общественной опасности.

Граждане Азербайджана, Казахстана и Армении характеризуются совершением преступлений насильственного характера, а также хулиганств. В соответствии с полученными в ходе исследования статистическими данными, преступления указанных лиц составляют 73%, осужденные отбывают наказания в виде лишения свободы. Как правило, граждане Украины совершают преступления общеуголовной направленности: кража, мошенничество, незаконный оборот наркотиков и иных сильнодействующих веществ. По данным составов преступлений можно указать на то, что гражданами Украины совершается свыше 35% от общего количества аналогичных преступлений, совершаемых гражданами стран СНГ [12, с. 147–148].

Таблица 1 – Гражданами какой страны чаще совершаются преступления

Table 1 – Which country's citizens commit crimes more often.

Граждане какого государства	Доля совершаемых преступлений (в %)
Таджикистана	35,8%
Азербайджана	15,4%
Узбекистана	10,2%
Украины	8,6%
Молдовы	8,6%
Белоруссии	5,2%
государств Балтии	0,4%

Преступную деятельность мигрантов в России отличает так называемый «этнопрофессионализм» [13, с. 182]. Хотя в последнее время имеется тенденция к универсализации преступного промысла в связи с расширением спектра незаконной деятельности.

Гражданами Таджикистана, как правило, совершаются преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Доля таких преступлений составляет 26% от общего количества совершенных преступлений.

Гражданами Азербайджана наиболее часто совершаются такие общественно опасные деяния, как кража, мошенничество, а также контролирование торговли фальсифицированными акцизными товарами и незаконный оборот наркотиков и оружия – примерно 20% от общего количества совершенных преступлений.

Гражданами Грузии, как правило, совершаются такие преступные деяния, которые связаны с незаконным оборотом наркотических средств, оружия, фальсифицированными акцизными товарами, угонами автомобилей, также такой вид преступления как кража. Грузинами совершено около 28% преступлений против собственности от общего их количества. В качестве узкой специализации грузин и азербайджанцев выступает кража имущества и ценностей из автомобилей, иначе называются «барсеточки».

Армяне чаще всего совершают такие виды преступлений, как незаконный оборот наркотиков, мошенничество, также производство, приобретение, хранение, перевозка и сбыт не промаркированных товаров.

Стоит выделить в отдельную группу преступления, совершаемые гражданами из государств Азиатско-Тихоокеанского региона, так как они характеризуются повышенным коэффициентом латентности.

Сферой деятельности таджиков, узбеков, прежде всего, является сбыт контрабандного товара на различных рынках, уклонение от уплаты налогов, незаконный оборот наркотиков и оружия.

Преступная деятельность китайских мигрантов, в основном характеризуется, изготовлением поддельных документов, штампов.

Здесь важно оговориться, что признание преступной группировки этнической не всегда соотносится с однородностью ее национального состава. Этническую принадлежность группировки определяют те, кто занимает в ней лидирующее положение¹. Таким образом, проводимые исследования [14, с. 295] свидетельствуют о наличии в профессиональной преступности этнических группировок, со свойственными им криминологическими особенностями, берущими начало в национальной культуре.

Обсуждение и заключение

Согласимся с мнением, что социум, образ жизни, факторы жизнедеятельности, влияющие на мигрантов, в существенной степени влияют на формирование криминогенной личности [15, с.82]

С учетом вышеизложенного, под личностью преступника-мигранта понимается лицо без гражданства либо иностранные граждане, совершившие преступление на территории Российской Федерации, в котором явно отражена противоправная направленность, выражающаяся в комплексе отрицательных значимых свойствах, качествах, подкрепленные национальными, этнопсихологическими особенностями, оказывающих влияние одновременно с внешними условиями, на характер его преступной деятельности.

Анализируя личность преступника-мигранта, можно сделать вывод о том, что личностные характеристики имеют наибольшее значение, потому как именно эти сведения определяют специфические черты различных групп мигрантов. Большинство потребностей человека отражают его цели и мотивацию по жизни, будь то социальные, нравственные, духовные или иные. При невозможности удовлетворить какую-либо потребность человек может в корне изменить свое поведение и даже пойти на преступления ради достижения задуманных целей. Поэтому личность преступника-мигранта можно охарактеризовать как лицо, не способное удовлетворить свои потребности. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что каждый из преступников совершает общественно опасные деяния в целях удовлетворения своих потребностей, даже если для этого требуется нарушить уголовное законодательство.

¹ Организованные преступные группы на этнической основе // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: сайт. – Режим доступа: <https://234.56.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11920814/> – Загл. с экрана. (Дата обращения: 10.02.2025).

Исследование личности преступника-мигранта позволяет сделать следующие суждения о криминологическом портрете преступника, совершающего уголовно-правовые деяния на территории Российской Федерации.

Таблица 2 – Статистические данные по исследованию личности преступника-мигранта

Table 2 – Statistical data on the study of the identity of migrant criminals

Мужчина 22-35 лет	72,4%
Гражданин страны	91%
Имеющий среднее (полное) общее образование	44,8%
Проникший на территорию РФ нелегально	85,8%
Официально не работающий	37%
Ранее имевший трудовой стаж	73,2%
Имеющий низкий доход в месяц	60,3%
Ранее не совершавший преступления	86,8%
Исполнитель преступления	66,5%
Отбывший наказание в ИК	3,4%
Совершивший преступление в группе	47,1%
Не имеющий источника дохода	87,8%
Холост	64,3%
Совершивший преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения	24,8%
Движимый корыстными мотивами	87,1%
Совершающий умышленные преступления	76,8%
Имеющий отягчающие обстоятельства	60,8%

Анализ преступлений, совершенных мигрантами, позволяет сделать вывод о том, что для преступников молодого возраста, по сравнению с более зрелой категорией лиц, характерно совершение преступлений группами. Национальность является одним из значимых криминологических факторов, характеризующих личность преступника-мигранта. В процессе исследований был установлен факт отличия преступной направленности лиц, объединяющихся как по этническим, так и национальным основаниям.

Обозначенные признаки наиболее часто встречаются при совершении мигрантами преступлений и требуют особого внимания к этим характеристикам при составлении программ и реализации мер по предупреждению преступности мигрантов.

Список источников

1. Горелов И. П. Преступность мигрантов и ее влияние на криминогенную обстановку в государстве // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 37–41.
2. Кравцов Д. А. К вопросу о предупреждении преступности мигрантов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4 (18). С. 118–121.
3. Корсикова Н. А. Криминологический анализ противодействия миграционной преступности // Закон. Право. Государство. 2023. № 2(38). С. 189–190.

4. Криминология : учебник / коллектив авторов ; под общ. ред. В.И. Гладких. М.: ЮСТИЦИЯ, 2017. 422 с.
5. Криминология: учебник и практикум для академического бакалавриата / О.Р. Афанасьева, М.В. Гончарова, В.И. Шиян. М. : Издательство Юрайт, 2021. 360 с.
6. Маркова О.А., Кошелев М.С. Личность трудового мигранта как объект криминологического исследования (по материалам Забайкальского края) // Миграционное право. 2018. № 4. С. 35–39.
7. Хакимуллина Л. М. Проблемы профилактики молодежной преступности среди иностранных граждан // Казанский педагогический журнал. 2007. № 2. С. 89–93 .
8. Военкова Е. А. Криминологическая характеристика преступника-мигранта // НПЖ «Диалог». 2017. №1 (6). С. 12–15.
9. Маммадов Р. Э.о. Криминологические особенности личности преступника-мигранта и его психологическая характеристика // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. №3 (61). С. 239–245.
10. Кузнецов К. В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Кузнецов Константин Владимирович; [Место защиты: Ун-т прокуратуры РФ]. М., 2018. 32 с.
11. Капинус О. С. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №1. С. 145–151.
12. Магомедов Э. Б. Криминологическая характеристика личности преступника мигранта-иностранца и его психологических особенностей // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 91–99.
13. Кондратенко Ю. В. Криминологическая характеристика этнической организованной преступности // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 1. С. 295–297.
14. Аветисян А. С. Проблемы преступности мигрантов // Территория новых возможностей. 2011. №4 (13). С. 181–186.
15. Костюк М. Ф., Кунц Е. В. Специфические признаки личности мигранта – преступника // Евразийская адвокатура. 2023. № 1 (60). С. 81–84.

References

1. Gorelov I. P. Crime of migrants and its impact on the criminogenic situation in the state. In: *Actual problems of legislative regulation of migration processes in the territory of the CIS member states*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2021:37–41. (In Russ.)
2. Kravtsov D. A. On the issue of preventing migrant crime. *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2018;4(18):118–121. (In Russ.)
3. Korsikova N. A. Criminological analysis of countering migration crime. *Law. Right. State*. 2023;2(38):189–190. (In Russ.)
4. *Criminology : textbook*. Collective of authors; under the general editorship of V.I. Gladkikh. Moscow: LAW SCHOOL; 2017. 422 p. (In Russ.)
5. *Criminology: textbook and practical course for academic baccalaureate*. O.R. Afanasyeva, M.V. Goncharova, V.I. Shiyan. Moscow: Yurayt Publishing House; 2021. 360 p. (In Russ.)
6. Markova O. A., Koshelev M. S. The identity of a migrant worker as an object of criminological research (based on the materials of the Trans-Baikal Territory). *Migration law*. 2018;(4):35–39. (In Russ.)
7. Khakimullina L. M. Problems of youth crime prevention among foreign citizens. *Kazan Pedagogical Journal*. 2007;(2):89–93. (In Russ.)
8. Voenkova E. A. Criminological characteristics of a migrant criminal. *Dialog*. 2017;1(6):12–15.
9. Mammadov R. E.o. Criminological features of the personality of a migrant criminal and his psychological characteristics. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2020;3(61):239–245. (In Russ.)
10. Kuznetsov K. V. *Criminological characteristics and prevention of organized ethnic crime* : abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.08 / Kuznetsov Konstantin Vladimirovich; [Place of

protection: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Moscow; 2018. 32 p. (In Russ.)

11. Kapinus O. S. Crime of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):145–151. (In Russ.)

12. Magomedov E. B. Criminological characteristics of the personality of the criminal migrant-foreigner and his psychological characteristics. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;(5):91–99. (In Russ.)

13. Kondratenko Yu. V. Criminological characteristics of ethnic organized crime. *Problems of economics and legal practice*. 2008;(1):295–297. (In Russ.)

14. Avetisyan A. S. Problems of migrant crime. *Territory of new possibilities*. 2011;4(13):181–186. (In Russ.)

15. Kostyuk M. F., Kunts E. V. Specific personality traits of a criminal migrant. *Eurasian Advocacy*. 2023;1(60):81–84. (In Russ.)

Информация об авторах

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону; Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Е. А. Федорова – кандидат юридических наук, Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Information about the authors

I. A. Sementsova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow University named after S. Yu. Vitte, branch in Rostov-on-Don; Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

E. A. Fedorova – Cand. Sci. (Law), Admiral F. F. Ushakov State Maritime University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 27.02.2025.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 27.02.2025.

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 157–168
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(1):157–168

Плагиатоведение

Научная статья
УДК 343

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-157-168>

EDN JTTVWM

Имитация диссертационных исследований в праве

Александра Ивановна Ситникова

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, orgcrimpravo@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-1951-4309>

*Посвящается памяти моего научного консультанта,
профессора Владимира Сергеевича Комиссарова*

Аннотация

Введение

Об актуальности выбранной темы свидетельствует такое опасное в науке явление, как имитация научного творчества, под которой понимается воспроизведение внешних признаков диссертационных работ ради создания видимости научного исследования. В настоящее время имитация научных исследований приобретает характер бедствия, которое способно полностью обезнаучить диссертации любого уровня.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении признаков имитации, имеющих место в диссертационных исследованиях.

Методологическая основа исследования: диалектический подход в совокупности с инструментальными методами познания и приёмами законодательной текстологии уголовного права.

Результаты исследования

Признаками имитации в диссертациях являются, во-первых, неспособность полноценно обосновать актуальность темы исследования; во-вторых, нарушение связи между задачами исследования и выводными положениями; в-третьих, наличие многочисленных неправомерных заимствований в положениях, выносимых на защиту, а также в основном тексте диссертации; в-четвёртых, отсутствие новизны в положениях, выносимых на защиту; в-пятых, объемный пересказ нормативных актов, не имеющих отношения к теме исследования, наличие неопределенных терминов и повторов, не имеющих смысловой нагрузки; в-шестых, преимущественно компилятивный характер диссертационных текстов; в-седьмых, отсутствие в заключении результатов научного исследования; и наконец, диссертационные тексты, претендующие на высокую научность, имеют низкую речевую культуру и содержат множество смысловых неувязок и ошибок языкового характера, которые характерны для имитационных работ.

Вывод

Несовершенная организация диссертационных исследований по праву и беспринципное отношение к диссертациям, которые имеют имитационный характер, неизбежно ведет к дискредитации научной деятельности в целом и свидетельствует о глубоком кризисе этической составляющей юридической науки.

Ключевые слова: имитация актуальности, имитация защищаемых положений, имитация научных исследований, имитация новизны, неправомерные заимствования, низкая речевая культура изложения, обезнаучивание диссертаций, ошибки языкового характера, смысловые неувязки

Для цитирования: Ситникова А. И. Имитация диссертационных исследований в праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 157–168. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-157-168>. EDN JTTVWM

Plagiarism studies

Original article

Imitation of dissertation researches in law**Alexandra I. Sitnikova**

Southwestern State University, Kursk, Russia,

orcrimpravo@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1951-4309>

*Dedicated to the memory of my scientific adviser,
professor Vladimir Sergeevich Komissarov*

Abstract**Introduction**

The relevance of the chosen topic is evidenced by such a dangerous phenomenon in science as imitation of scientific creativity, which means reproducing the external features of dissertations in order to create the appearance of scientific research. Currently, the imitation of scientific research is becoming a disaster that can completely de-educate dissertations of any level.

The purpose of this study is to identify the signs of imitation that take place in dissertation research.

The methodological basis of the research is a dialectical approach combined with instrumental methods of cognition and methods of legislative textual criticism of criminal law.

Research results: signs of imitation in dissertations are, firstly, the inability to fully substantiate the relevance of the research topic; secondly, disruption of the connection between the objectives of the research and conclusions; thirdly, the presence of numerous illegal borrowings in the provisions submitted for defense, as well as in the main text of the dissertation; fourthly, the lack of novelty in the provisions submitted for defense; fifth, a voluminous retelling of regulatory acts that are not related to the topic of the research, the presence of vague terms and repetitions that have no semantic load; sixth, the predominantly compiled nature of dissertation texts; seventh, the absence of the results of scientific research in the conclusion; and finally, dissertation texts that claim to be highly scientific have a low speech culture and contain many semantic inconsistencies and linguistic errors that are characteristic of imitation works.

Conclusion: imperfect organization of dissertation research on law and an unprincipled attitude to dissertations that are of an imitation nature inevitably leads to discrediting scientific activity as a whole and indicates a deep crisis in the ethical component of legal science.

Keywords: imitation of scientific research, de-scientization of dissertations, imitation of relevance, imitation of defended provisions, imitation of novelty, illegal borrowings, semantic inconsistencies, linguistic errors, low speech culture of presentation

For citation: Sitnikova A. I. Imitation of dissertation research in law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):157–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-157-168>. EDN JTTVWM

Введение

В настоящее время представители философии и гуманитарных наук бьют тревогу по поводу имитационных явлений, которые охватили систему высшего образования, проникли в преподавание, квалификационные работы студентов и магистрантов, научные публикации аспирантов, докторантов, преподавателей и диссертационные исследования кандидатского и докторского уровня [1, с. 334–335; 2, с. 80–86]. Это означает, что феномен имитации в гуманитарной сфере представляет собой реальную проблему, которая проявляется в многообразии форм и вербальных стратегий, направленных на подмену научных знаний упрощенными подобиями, имеющих внешнее сходство с научными результатами. В этой связи Р. Л. Лившиц отмечает, что имитация науки представляет собой воспроизведение внешних признаков научных трудов при преднамеренном отступлении от принципов научного познания или элементарном их непонимании [2, с. 86].

Т. А. Шалюгина трактует имитацию как манипулятивную практику, которая призвана сформировать «кажимость» подлинного научного исследования, тем самым проявляет себя в сознании и поведении субъекта имитации [3, с. 34]. Она отмечает, что имитации наиболее явно проецируются в массовое сознание политиками, идеологами и деятелями культуры, которые не озабочены научностью распространяемой ими информации [3, с. 35].

В науке, в отличие от политики, идеологии и культуры, имитации маскируются цитациями, ссылками, изощренной трансформацией текста, чтобы скрыть неправомерные заимствования и бессодержательность. Однако полностью замаскировать подделку не удаётся, так как имитация имеет характерные признаки, которые распознаются при внимательном ознакомлении с текстом. Одним из таких признаков является плагиат, который С. В. Савельев именует как интеллектуальный паразитизм. Автор отмечает, что первичный интеллектуальный паразитизм имеет тривиальный характер и легко различим, так как чужой текст используется без каких-либо ухищрений. Вторичный паразитизм, в отличие от облигатного, определить сложнее, поскольку неправомерно заимствованные тексты субъект имитации изменяет до такой степени, чтобы предельно затруднить распознавание плагиата [4, с. 102].

Имитацией диссертационных исследований занимаются лица, не обремененные глубокими знаниями по своей специальности, высокой языковой и речевой культурой, поэтому имитационные работы подтверждают неспособность авторов полноценно обосновать актуальность темы, сформулировать научные гипотезы и провести их проверку, обеспечить новизну защищаемых положений. Анализ юридических диссертаций показывает, что признаками простой имитации выступает малограмотная речь, низкая языковая культура, множество ошибок и смысловых неувязок. Для привычной имитации характерны объемные пересказы, не имеющие прямого отношения к теме исследования, многочисленные повторы, лишённые смысловой нагрузки, а также обилие неопределённых терминов, используемых для придания наукообразия бессодержательному тексту. Искусная имитация имеет место в тех случаях, когда авторы почти до неузнаваемости трансформируют исходный текст, намеренно используя запутанную манеру изложения.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования в настоящей статье использованы докторские диссертации с признаками имитации по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые (юридические) науки и 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, а также публикации по теме данной статьи. В процессе выявления признаков имитации в юридических диссертациях использовались инструментальные методы, описанные в работах, посвященных методам, применяемым в правопознании [5, с. 3–28]. Особое внимание уделено законодательно-текстологическим методам и приемам анализа юридических текстов, применение которых дает возможность определить их качество и выявить дефекты [6, с. 17–23].

Результаты и обсуждение

В литературе справедливо отмечается, что диссертационные исследования призваны способствовать развитию юридической науки и дают возможность судить о реальных научных достижениях и существующих недостатках. Вместе с тем в последние десятилетия нередко фабрикуются научно-квалификационные работы, которые имеют имитационный характер [7, с. 42]. Такие диссертации имеют формальное сходство с творческими научными исследованиями, так как их авторы оформляют свои опусы в соответствии с правилами, предусмотренными ВАК и ГОСТ в отношении диссертаций. Однако имитационные работы при всём их сходстве с диссертациями, имеющими творческий характер, бессодержательны и не соответствуют критериям, предъявляемым к кандидатским и докторским диссертациям.

Типичный пример имитации диссертационного исследования представляет собой научно-квалификационная работа М. Н. Урда на тему «Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции», представленная на соискание учёной степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки), которая прошла защиту 4 апреля 2024 г. в диссертационном совете 24.2.336.03.

При оценке автором настоящей статьи обоснования актуальности темы исследования установлено, что в тексте диссертации не обозначены важнейшие факторы, связанные с незаконной миграцией; не отражены насущные проблемы, требующие комплексного решения, фрагментарно приведены статистические данные, касающиеся необходимости решения уголовно-правовых проблем, связанных с незаконной миграцией. В качестве таковых формально указаны: «совершенствование мер уголовной ответственности», разрешение «конфликта между законодателем и правоприменителем» (с. 5), а также обозначены второстепенные факторы, не имеющие отношения к актуальности темы, в том числе такие обстоятельства, как «пандемия коронавирусной инфекции», «ухудшение ситуации в Афганистане» (с. 3, 4), «американская политика демократизации» (с. 23–25).

Кроме того, в число обстоятельств, аргументирующих актуальность темы исследования, включены не только второстепенные обстоятельства, но и такой субъективный фактор, как «необходимость **осмысления** рекомендаций Пленума Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 09.07.2020 №18» (с. 4).

Отмеченные особенности свидетельствуют о том, что обоснование актуальности темы имеет имитационный характер, поскольку вместо значимых факторов, обуславливающих важность и своевременность исследования уголовно-правового противодействия незаконной миграции, указаны лишь незначительные либо второстепенные ситуации наряду с посторонними обстоятельствами, не имеющими никакого отношения к актуальности темы.

Обращает на себя внимание рассогласованность темы диссертации с объектом и предметом исследования, а также отсутствие должной корреляции между объектом исследования и его предметной областью. Существенные недостатки введения заключаются

в том, что в указанных структурных частях работы сформулированы разные сущностно-содержательные элементы: в названии диссертации обозначено «*уголовно-правовое противодействие незаконной миграции*», в объекте исследования фигурируют «*общественные отношения по формированию и реализации уголовно-правовой политики противодействия незаконной миграции*», а предметом выступают «*нормы международного права, уголовного законодательства зарубежных стран, российского уголовного права (а не законодательства – выделено А. С.) и связанных с ним отраслей*» (с. 9).

Использование термина «право» вместо «закона» в отношении уголовно-правовых предписаний, сформулированных в УК РФ, свидетельствует об игнорировании различий между правом и законом. Подобные упущения имеют место при формулировании предмета исследования, в качестве которого указаны «нормы российского уголовного права» (с. 9), в содержании работы (с. 3), в заголовке параграфа 1 главы 3 раздела 2 «Институты Общей части уголовного права ...» (с. 255 и далее по тексту диссертации).

К тому же, **в диссертации не проводится различие между уголовно-правовой политикой противодействия незаконной миграции и миграционной политикой.** В этой связи официальный оппонент, профессор Н.А. Лопашенко, отмечает в своём отзыве, что М. Н. Урда даёт в диссертации две не согласующиеся между собой дефиниции противодействия незаконной миграции (положение №1 (с. 11-12) и в тексте диссертации (с. 71))¹.

Обращает на себя внимание, что обширный материал диссертации посвящён компилятивному пересказу функций Федеральной миграционной службы, несмотря на то, что 05.04.2016 г. ФМС России упразднена, обзору документов, закрепляющих те или иные права человека, не имеющие отношения к теме уголовно-правового противодействия незаконной миграции, такие как Доклад по итогам конференции «Международная миграция», Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, Конвенция о статусе беженцев, а также приводится пример гибели мигрантов у берегов Лампедузы, даётся подробный пересказ Декларации по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии, Конвенции о работниках-мигрантах, Конвенции о достойном труде домашних работников и других Конвенций, участницей которых Россия не является (с. 41–60).

Компилятивный пересказ нормативно-правовых актов, не имеющий прямого отношения к теме исследования, причём в запредельном объеме (более 70 % текста параграфа 2 главы 1 раздела 1), выступает достоверным признаком имитации, так как автор для повышения «солидности» текста использует воспроизведение и ссылки на общеизвестный нормативный материал, который в справочном порядке может быть вполне изложен на одной-двух страницах.

Постановка научной проблемы в диссертации имеет сугубо имитационный характер и не сопровождается выдвижением научной гипотезы, то есть гипотетической теории, а также подведением итогов, которые должны корреспондироваться с целью и задачами научно-квалификационной работы, к тому же вписываться в метатеорию объекта исследования.

Обращает на себя внимание, что в качестве цели исследования, имеющего теоретико-прикладной характер, указано «разрешение научной проблемы путём создания концепции уголовно-правового противодействия незаконной миграции» (с. 6). Некорректность заявленной цели заключается в том, что обозначенная цель касается только теории противодействия без указания на ее прикладной аспект.

Научные положения, выносимые на защиту, должны являться основой диссертации, обладать научной новизной и практической значимостью. Характеризуя положения, выносимые на защиту, следует отметить, что они сформулированы без учёта задач исследования, не отличаются новизной, аргументированностью, значимостью и концептуальностью, а представляют собой имитацию научных достижений, о чём свидетельствуют:

¹Отзыв официального оппонента Н. А. Лопашенко. С. 11.

1. Отсутствие должной реализации задач исследования в защищаемых положениях. Заявленные автором задачи не нашли в полной мере подтверждения их реализации в положениях, выносимых на защиту:

1) не сформулировано обоснование противодействия незаконной миграции как направления уголовно-правовой политики; 2) не отражены закономерности и особенности развития уголовно-правовых средств противодействия незаконной миграции по законодательству зарубежных стран; 3) не указаны положительные и отрицательные тенденции противодействия незаконной миграции; 4) не определены границы и критерии криминализации соответствующих деяний; 5) не упомянута и не обоснована методологическая основа выделения законодательных и правоприменительных проблем правовой оценки уголовно-правовых запретов незаконной миграции.

2. Имитация научной новизны в выводных положениях. Пункт 10 Положения о присуждении учёных степеней обязывает предоставить новые положения, которые свидетельствуют о личном вкладе автора в науку. Однако в тексте диссертации имеют место неправомерные заимствования при формулировании трёх положений, выносимых на защиту:

во-первых, **положение № 1** диссертации дословно воспроизводит п. 5 ст. 1 Закона республики Казахстан¹. При этом термин «иммиграция» заменён на термин «миграция», а «Республика Казахстан» на «Российскую Федерацию»;

во-вторых, **в положении № 7** изложен как свой собственный текст пункт 11 постановления № 28 Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г., в котором речь идет о квалификации действий лица, организовавшего незаконный въезд на территорию РФ иностранных граждан или лиц без гражданства путём незаконного пересечения ими Государственной границы, по ст. 322.1 УК РФ, и дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 30 и ст. 322 УК РФ не требуется²;

в-третьих, **в положении № 18**, в котором представлен проект главы 15.3, дословно воспроизведены административно-правовые предписания, сформулированные в ч. 1,5,6 ст. 3.10 КоАП РФ, без каких-либо ссылок на источник заимствования³.

В соответствии с п. 9 Положения о присуждении учёных степеней соискатель обязан изложить новые научно обоснованные решения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. Однако положения, выносимые на защиту в диссертации, не соответствуют критериям, указанным в данном Положении:

Не имеет признаков новизны положение № 5, в котором основой уголовно-правового противодействия незаконной миграции объявлены уголовно-правовые запреты (с. 12). В этой связи профессор Н. А. Лопашенко в своём отзыве справедливо отмечает отсутствие новизны в данном положении, поскольку речь идет о перечислении статей, которые, по мнению соискателя, составляют основу уголовно-правового противодействия незаконной миграции⁴.

В положениях № 7–9 предприняты неудачные попытки сформулировать правила квалификации, касающиеся: 1) действий лица, организовавшего незаконный въезд иностранного гражданина (лиц без гражданства) на территорию РФ в целях миграции (с. 15), 2) действий лица по оказанию услуг по перевозке иностранных граждан стран безвизового

¹ Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 г. «О миграции населения». URL: <http://online.zakon.kz> – дата обращения 22 ноября 2024 г.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ №18 от 9 июля 2020 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» URL: <http://vsrf.ru/documents/own/29122/> - дата обращения 3 декабря 2024 г.

³ Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 №195-ФЗ. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ - дата обращения 1 декабря 2024 г.

⁴ Отзыв официального оппонента Н. А. Лопашенко. С. 13.

режима за пределы РФ с последующим их ввозом на территорию РФ в нарушение сроков (с. 15), 3) в положении № 9 фактически пересказаны сформулированные в уголовном законе (ч. 3 ст. 17 УК) общеизвестные правила квалификации при конкуренции общей (ст. 322¹ УК) и специальной норм (ст. 322³ УК) (с. 15-16).

В положении № 12 изложено расхожее представление о том, что организация незаконной миграции в целях совершения преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 322¹ УК РФ, «предшествует деянию, ради которого совершается» (с. 17), что свидетельствует об отсутствии научной новизны и практической значимости защищаемого положения.

Предложение считать организацию незаконной миграции в качестве вида преступной деятельности, который предшествует совершению готовящегося преступления, является имитацией научной новизны, так как этот постулат изложен в комментариях к УК РФ, учебниках по уголовному праву, ряде монографий, множестве статей и не требует доказывания.

В положении № 13 автор предлагает заменить такой законодательный признак как перемещение потерпевшего через Государственную границу РФ или незаконное удержание его за границей, содержащийся в п. «г» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ, на новый вариант – «с нарушением миграционного режима в отношении потерпевшего» (с. 242). Предлагаемая замена указанного признака не имеет уголовно-правового значения, так как не влияет на квалификацию содеянного.

Положению № 14 также имеет имитационный характер, так как автор приходит к банальному выводу о том, что «должностные злоупотребления могут иметь имманентную связь с организацией незаконной миграцией¹ (ошибка выделена А. Ситниковой), выступая в качестве способа его совершения, поэтому дополнительной квалификации не требуют» (с. 253). Однако законодатель предусмотрел уголовную ответственность должностного лица при организации незаконной миграции (п. «в» ч. 2 ст. 322¹ УК) ещё в 2004 г.

В положении № 15 сделана неудачная попытка провести дифференциацию квалификации действий должностного лица, получившего взятку за организацию незаконной миграции, в рамках квалифицированного состава, и квалификацию по правилам реальной совокупности. При этом в данном положении не определены случаи применения правил совокупности, а указаны лишь некие «иные случаи». Такой подход свидетельствует об отсутствии у автора осведомленности о существовании теории соотношения соучастия и учтённого соучастия.

Обращает на себя внимание, что **значительная часть положений, выносимых на защиту (№№ 7, 8, 9, 14, 15)**, касается квалификации миграционных преступлений, причем без признаков новизны и отношения к цели и задачам исследования. Кроме того, рекомендации по квалификации преступлений не отражают содержания заявленной автором концепции. В целом вопросы квалификации, рассмотренные в диссертации, присущи учебным пособиям по уголовному праву.

Особо стоит отметить, что защищаемые положения не имеют криминологического обоснования. В данной работе автор явно не ставил перед собой цель исследовать миграционную преступность, что свидетельствует о существенном изъяне, так как отсутствие криминологического обоснования предлагаемых мер, является признаком их имитационного характера.

Многочисленные имитации содержатся и в основном тексте диссертации. Так, в параграфе 3 главы 1 (с. 60-77) отсутствуют тексты уголовно-правовых предписаний зарубежных уголовных кодексов, лишь в некоторых случаях отмечены отдельные признаки составов преступлений. При этом «описание» криминальных законов романо-германской и

¹ Нарушение грамматических норм языка.

англо-саксонской правовых семей осуществлены путём формального перечисления статей без проведения сравнительного анализа текстов уголовно-правовых предписаний, содержащихся в зарубежных кодексах и в отечественном уголовном законодательстве. В диссертации нет ни одной цитаты, свидетельствующей об ознакомлении с первоисточниками, хотя в указанном параграфе имеются ссылки на 28 криминальных кодексов, опубликованных на английском, немецком и французском языках. *Имитационный характер* такого текста очевиден.

Параграф 1 главы 2 раздела 1 (с. 81–92) в очередной раз включает в себя компилятивный пересказ нормативных актов, не имеющих отношения к теме «Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции», таких как Федеральные законы № 114, 115, 109, 4528-1, 4730-1, международные соглашения, Концепция миграционной политики и её проект, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах.

В параграфе 2 главы 2 раздела 1 (с. 93) диссертации по уголовному праву фактически изложен обзор главы 18 КоАП РФ, а также представлена классификация административно-правовых нарушений, описан бланкетный способ изложения административно-правовых предписаний. К тому же автор тенденциозно объявил ст. 18.1 КоАП РФ *«прообразом»* ст. 322 УК РФ (с. 97) без учёта того, что ст. 322 УК РФ принята Государственной Думой 24 мая 1996 г., а ст. 18.1 КоАП РФ введена в 2001 г.

Вопреки названию параграфа 2 *«Согласование норм уголовного и административного законодательства об ответственности за нарушение миграционного режима»* автор, рассматривая недостатки ст. 322² и ст. 322³ УК РФ, приводит материалы судебной практики, связанные с применением административных предписаний, сформулированных в ст. 18.15 КоАП РФ. При этом в диссертации отсутствуют результаты исследования, касающиеся уголовно-правовых средств противодействия незаконной миграции.

В тексте диссертации часто фигурируют такие термины, как «инструменты миграционного контроля», «инструменты контроля над миграционными процессами», «миграционные правоотношения», «миграционная политика», «неконтролируемая миграция», «уголовно-политические основания», «социально-политические основания» (глава 2 раздела 1). Существенным дефектом этой главы является отсутствие дефиниций указанных понятий и неопределённость содержания данных терминов. Указанное обстоятельство является наглядным признаком диссертационных текстов, имеющих *имитационный характер*.

Обращает на себя внимание, что в диссертации отсутствует параграф, посвященный предупреждению миграционных преступлений, хотя в рубрике «Научная новизна исследования» автор утверждает, что им обоснована *целесообразность и перспективы предупреждения миграционных преступлений с позиций решения политических задач* (с. 11). Это означает, что теоретическая и практическая значимость исследования, в котором провозглашается, но не рассматривается предупреждение миграционных преступлений, всего лишь имитируется.

Необходимо отметить, что наряду с положениями, выносимыми на защиту, в тексте диссертации имеют место **многочисленные фрагменты неправомерного заимствования чужих текстов, прощупывая, плагиат:**

1) М. Н. Урда предлагает дополнить уголовный закон ст. 314² следующего содержания: *«Уклонение иностранного гражданина или лица без гражданства от выдворения в форме самостоятельного контролируемого выезда из Российской Федерации, наказывается...»* (с. 295). В научной статье Н. П. Левина это предложение сформулировано аналогичным образом и намного раньше [8, с. 30–34]. Причём повторы этого фрагмента содержатся в диссертации неоднократно (с. 295, 302, 373);

2) недобросовестное заимствование без ссылки на докторскую диссертацию А. Ю. Ястребовой (9, с. 418) содержится в диссертационном тексте М. Н. Урда (с. 83).

3) неправомерное заимствование из кандидатской диссертации Л.Р. Рашитова имеет место в диссертации, где М. Н. Урда предлагает иную редакцию п.13 постановления Пленума Верховного Суда РФ №18 от 9 июля 2020 г. В 2019 г. Л.Р. Рашитов изложил формулировку, которая воспроизведена М. Н. Урда дословно [10, с. 245]. Повторы этого фрагмента имеют место в рассматриваемой диссертации еще дважды (с. 211, 377)

Подобные неправомерные заимствования содержатся в анализируемой диссертации более 70-ти раз, в том числе фрагменты текстов учебников, монографий, статей, студенческих квалификационных и курсовых работ. Кроме того, в рубрике «Апробация результатов исследования» указано общее количество опубликованных работ, но при этом не отмечено, что семь публикаций написаны в соавторстве с другими лицами. Пункт 14 Положения о присуждении учёных степеней обязывает соискателя при использовании результатов научных работ в соавторстве отметить долю участия автора в написании статьи. Однако в указанной рубрике отсутствует выделение личного вклада М. Н. Урда в разработку темы исследования, что также свидетельствует о недобросовестном заимствовании чужих материалов, так как коллективные работы воспроизведены в диссертации как единоличные (с. 21–22).

Такого рода диссертация не может быть оценена как научное достижение, поскольку в ней не сформирована полноценная научная концепция, включающая в себя ядро и периферию уголовно-правового противодействия незаконной миграции. В этой связи трудно признать, что в квалификационном материале присутствуют научные положения, совокупность которых можно квалифицировать как значительный вклад в доктрину уголовного права. В диссертации отсутствуют теоретические положения, которые образуют систему научных взглядов, обеспечивающих выявление закономерностей развития уголовно - правового противодействия незаконной миграции. Более того автор не различает закономерности и тенденции развития уголовного законодательства. Вместо закономерно существующих объективных и существенных связей уголовно-правовых явлений с социальными, экономическими и политическими факторами в диссертации затронуты лишь направления, в которых происходит изменение уголовного законодательства.

В отношении практической значимости исследования необходимо отметить имитацию научного вывода о том, что создана *«частная методика квалификации миграционных преступлений»* (с. 20). Со всей очевидностью, автор не различает такие понятия, как «методика» и «правила квалификации», а также области применения методических приемов (криминалистика) и правил квалификации (уголовное право). Заявление о создании частной методики квалификации преступлений равносильно утверждению о создании особой инструкции по квалификации миграционных преступлений, что само по себе не выдерживает критики. Квалифицируя отдельные миграционные преступления, М. Н. Урда использует общеизвестные правила квалификации.

Степень обоснованности и достоверности научных положений, выводов и рекомендаций, которые должны быть отражены в докторской диссертации, вызывает серьёзные сомнения. Вместо определения степени достоверности даны лишь ссылки на круг использованных источников, что само по себе степень искомой достоверности не определяет. Обращает на себя внимание, что вне поля зрения соискателя остались монографии М. Н. Ахметова, А. В. Богданова, М. И. Венедиктова, А. М. Исхакова, Л. Р. Рашитова, Т. А. Смашниковой и В. М. Ульянова по тематике уголовно-правового противодействия незаконной миграции. Указанные факты свидетельствуют о недостаточной теоретической обоснованности и сомнительной достоверности заявленных соискателем результатов.

Согласно ГОСТ 7.0.2011 в заключении диссертации должны быть изложены итоги выполненного исследования и рекомендации (п. 5.3.1). Однако вместо результатов исследования автор в очередной раз перечисляет недостатки законодательной деятельности (с. 297). Далее сказано, что определение незаконной миграции должно служить **концептом** формирования всей системы противодействия незаконной миграции (там же). Данное утверждение свидетельствует о том, что автор недостаточно владеет общенаучной терминологией, поскольку не различает такие термины, как «концепт» (понятие) и «концепция» (система научных взглядов). Серьёзным недостатком является также отождествление уголовно-правового понятия «**миграционные преступления**» с криминологическим концептом «**миграционная преступность**» (с. 303). Но главным недостатком заключения является полное отсутствие итогов выполненного исследования, то есть тех научных результатов, которые должны коррелироваться с целью и задачами исследования, сформулированными во введении диссертации. Вместо итогов в заключении дана критика уголовно-правовой политики и фигурируют предлагаемые автором редакции статей (с. 298–303). Судя по содержанию заключения, автору просто нечего сказать о результатах исследования, поэтому приходится *имитировать* этот раздел диссертации.

Особого внимания заслуживает **оценка смысловых неувязок и языковых ошибок, имеющих место в диссертации**, так как эти дефекты являются признаками имитационных текстов:

1) во введении утверждается, что Верховный Суд РФ решает «*вопросы применения миграционных преступлений*», а не уголовно-правовых норм, противодействующих незаконной миграции (с. 5, последний абзац); 2) к уголовно-правовым запретам незаконной миграции ошибочно отнесены «*нарушения режимов пересечения физическими лицами государственной границы*» и другие миграционные преступления (с. 211), в то время как уголовно-правовые запреты представляют собой запрещающие уголовно-правовые предписания, а не нарушения, на которые указывает автор; 3) неверным является вывод о том, что «*вспомогательное значение в механизме противодействия незаконной миграции имеют посягательства на официальный документооборот и должностные преступления*» (с. 211). Указанные преступные деяния по своей правовой природе не являются элементом механизма противодействия каким-либо преступлениям; 4) смысловые искажения имеют место в тех высказываниях, где используется словосочетание «*имманентная связь*» (с. 79, 134, 207, 253), так как «имманентность» наряду с «трансцендентностью» является ключевым понятием идеалистической философии, не имеющей отношения к отечественному уголовному праву; 5) смысловой ошибкой является отождествление концепта (понятия) с концепцией (системой научных взглядов), допущенное соискателем (с. 297, второй абзац).

Диссертация изобилует большим количеством стилистических неточностей. Множество излишне и неоправданно громоздких конструкций лишает текст ясности, доступности и доходчивости. Обращает на себя внимание, что более сотни предложений, которые следуют за сложноподчиненными синтаксическими конструкциями с несколькими придаточными, начинаются с указательного местоимения «это». Неумение правильно выстраивать сложноподчиненные и осложнённые предложения с несколькими причастными оборотами нарушает смысловую определённость, законченность, цельность и связность текста. Многословие свидетельствует о стремлении автора к так называемому наукообразию.

Положение о присуждении учёных степеней (п.15) предписывает представлять диссертацию на русском языке. Это означает, что в соответствии с Федеральным законом о государственном языке РФ от 1 июня 2005 г № 53-ФЗ (в последующих редакциях) в диссертации не должно быть ошибок языкового характера. Тем не менее в тексте квалификационной работы содержится **263** ошибки именно языкового характера, в том числе грамматические – **68**, пунктуационные – **185**, орфографические – **10** (при наличии встроеного

словаря), что свидетельствует о явной малограмотности текста. Обращает на себя внимание, что в докторской диссертации множество раз сделана ошибка при написании термина «Государственная граница». Следует отметить, что беспрецедентное количество допущенных ошибок является одним из признаков имитационной работы, ибо научность и малограмотность никоим образом не сочетаются.

Рассмотренная диссертация, имеющая имитационный характер, далека от научной, языковой и речевой культуры изложения материала подлинного научного исследования.

Довольно характерно, что признаки имитации имеют диссертационные исследования не только в теоретико-прикладных отраслях, но и в работах по общей теории права. Так, в докторской диссертации О. В. Танимова «Теория юридических фикций» имеются изъяны теоретико-методологического и фактического характера. В представленной диссертации отсутствует концептуальная проработанность негативного аспекта юридической фикции, имеют место неоднозначность категориально-понятийного аппарата, многочисленное изложение посторонних вопросов, не относящихся к юридическим фикциям, наличие избыточности и отвлечённости от основного предмета исследования, а также отсутствуют целостные предложения по совершенствованию действующего российского законодательства. В этой связи В. М. Баранов и И. А. Абдулханьянов справедливо отмечают, что серьёзные недостатки диссертационной работы О. В. Танимова не позволяют сделать вывод о создании полноценной теории юридических фикций [11, с. 320–326].

Заключение

Факты, указанные в настоящей статье, показывают, что имитация диссертационных исследований в гуманитарных науках представляет собой распространенное явление, причем в юриспруденции имитациям подвергаются даже докторские диссертации без каких-либо опасений быть изобличенными в тривиальной подделке в процессе обсуждения на кафедре, в процессе защиты в диссертационных советах и рассмотрения в экспертных советах ВАК. Распространению имитаций способствует дружественная комплементарность оппонентов и ведущих организаций, предпочитающих не замечать даже явные признаки имитации (плагиат, отсутствие новизны и малограмотность диссертаций), формальное отношение членов диссертационных советов к своим обязанностям и членов экспертных советов, не осознающих своей ответственности за соучастие в обезнаучивании юридических диссертаций. Негативные последствия этой деструктивной деятельности не за горами и не за лесами: они неизбежно наступят там и тогда, где представители юридической науки не откажутся от практики имитации научных исследований.

Разумеется, причины, порождающие имитацию научных исследований в гуманитарных науках, требуют отдельного рассмотрения, так как факторы общего порядка, образующие специфику периферийного капитализма, создают запрос на всевозможные имитации, в том числе и в сферах образования и науки.

Список источников

1. Кононенко Е. И. Ещё раз о симуляции научной деятельности в гуманитарных дисциплинах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2021. Т. 11. № 2. С. 327–349.
2. Лившиц Р. Л. Формы имитации науки // Интеллект. Инвестиции. 2015. № 4. С. 80–86.
3. Шалюгина Г. А. Имитация в обществе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 33–36.
4. Савельев С. В. Личный мозг. М.: Веди, 2024. 160 с.
5. Назаренко Г. В. Методология правопознания: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 39 с.
6. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология: монография. М.: Проспект, 2016. 304 с.
7. Назаренко Г. В. Роль современной юридической науки в жизни российского общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 39–46. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-39-46>. EDN ZYMEYI

8. Левин Н. П. Административное выдворение и депортация как средство реализации функций иммиграционного контроля // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 2 (23). С. 30–34.

9. Ястребова А. Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 580 с.

10. Рашитов Л. Р. Преступления против управления миграционной деятельностью в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 249 с.

11. Баранов В. М., Абдулханьянов И. А. Инструментарий юридической техники в контексте частно-правовых теорий. Рецензия на диссертацию О. В. Танимова «Теория юридических фикций» (М., 2023. 438 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 320–330.

References

1. Kononenko E. I. Once again about the simulation of scientific activity in the humanities. *Bulletin of St. Petersburg University. Art Criticism*. 2021;11(2):327–349. (In Russ.)

2. Livshits R. L. Forms of imitation of science. *Intellect. Investments*. 2015;(4):80–86. (In Russ.)

3. Shalyugina G. A. Imitation in society. *Theory and practice of social development*. 2011;(8):33–36. (In Russ.)

4. Saveliev S. V. *Personal brain*. Moscow: Vedit; 2024. 160 p. (In Russ.)

5. Nazarenko G. V. *Methodology of legal knowledge: a tutorial*. Moscow: Prospect; 2017. 39 p. (In Russ.)

6. Sitnikova A. I. Criminal-legal textology: monograph. Moscow: Prospect; 2016. 304 p. (In Russ.)

7. Nazarenko G. V. The role of modern legal science in the life of Russian society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):39–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-39-46>. EDN ZYMEYI

8. Levin N. P. Administrative expulsion and deportation as a means of implementing the functions of immigration control. *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;2(23):30–34. (In Russ.)

9. Yastrebova A. Yu. *International legal mechanisms for regulating migration*: dis. ... Doctor of Law. Sciences. Moscow; 2018. 580 p. (In Russ.)

10. Rashitov L. R. *Crimes against the management of migration activities in the Russian Federation: criminological and criminal-legal aspects*: dis. ... candidate of legal sciences. Kazan; 2019. 249 p. (In Russ.)

11. Baranov V. M., Abdulkhannyanov I. A. Instrumentation of legal technique in the context of private law theories. Review of the dissertation of O.V. Tanimov "The Theory of Legal Fictions" (Moscow, 2023. 438 p.). *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;3(67):320–330. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Ситникова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета.

Information about the author

A. I. Sitnikova – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Criminal Law, South-Western State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 24.01.2025; принята к публикации 25.01.2025.

The article was submitted 18.12.2024; approved after reviewing 24.01.2025; accepted for publication 25.01.2025.

РЕЦЕНЗИИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 169–172
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(1):169–172

Рецензии

Рецензия

УДК 342.8

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-169-172>

EDN PHHSVT

Политико-правовое исследование институтов избирательного права, избирательного процесса и технологий (рецензия на учебник Алексеева Р. А. «Избирательное право, избирательный процесс и технологии»)

Сергей Викторович Королёв^{1, 2}

¹Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, sko.05@mail.ru

²Государственный университет по землеустройству, Москва, Россия

Аннотация

В рецензии на учебник «Избирательное право, избирательный процесс и технологии» содержится развёрнутая характеристика его структуры и содержания, включающего в себя вопросы понятия и сущности избирательного права, избирательных систем и избирательного процесса, особенностях электорального поведения российских избирателей, различиях между традиционными и инновационными избирательными технологиями и их применении на выборах различного масштаба и уровня, освещены вопросы становления и развития избирательной системы советской, постсоветской и современной России, проблемы развития и функционирования таких политико-правовых институтов, как избирательное право и избирательный процесс. Отличие данного учебника заключается в том, что политико-правовые институты изучались во взаимосвязи с точки зрения правовых и политологических аспектов, поэтому он представляет интерес с междисциплинарной точки зрения. Учебник может представлять интерес не только для учащихся, получающих юридическую специальность, электоральных юристов и работников избирательных комиссий, политологов и действующих политиков; но и для социологов, занимающихся исследованием электорального поведения и электоральной статистикой избирательных кампаний, а также для всех, кто интересуется проблемами трансформации и реформирования избирательной системы России.

Ключевые слова: выборы и референдумы, зарубежный опыт избирательного права, избирательное право, избирательные практики, избирательные технологии, избирательный блокчейн, избирательный процесс, российское избирательное право, советское избирательное право, электронное дистанционное голосование,

Для цитирования: Королёв С. В. Избирательное право, избирательные технологии и процесс в актуальном прочтении (рецензия на учебник Алексеева Р. А. «Избирательное право, избирательный процесс и технологии») // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 169–172. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-169-172>. EDN PHHSVT

**Political and legal research of institutions of electoral law,
electoral process and technologies
(review of the textbook by R. A. Alekseev
"Electoral law, electoral process and technologies")**

Sergey V. Korolev^{1, 2}

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, sko.05@mail.ru

²State University of Land Management, Moscow, Russia

Abstract

The review of the textbook "Electoral Law, electoral process and Technologies" contains a detailed description of its structure and content, which includes issues of the concept and essence of electoral law, electoral systems and the electoral process, the peculiarities of electoral behavior of Russian voters, the differences between traditional and innovative electoral technologies and their application in elections of various scales and levels, The issues of formation and development of the electoral system of Soviet, post-Soviet and modern Russia are highlighted., problems of the development and functioning of such political and legal institutions as electoral law and the electoral process. The difference between this textbook is that political and legal institutions have been studied in interrelation from the point of view of legal and political science aspects, therefore it is of interest from an interdisciplinary point of view. The textbook may be of interest not only to students studying law, electoral lawyers and employees of election commissions, political scientists and current politicians.; but also for sociologists who study electoral behavior and electoral statistics of election campaigns, as well as for anyone who is interested in the problems of transformation and reform of the Russian electoral system.

Keywords: electoral law, electoral technologies, electoral process, electoral blockchain, electronic remote voting, electoral practices, Russian electoral law, Soviet electoral law, foreign experience of electoral law, elections and referendums

For citation: Korolev S. V. Electoral law, electoral technologies and process in a relevant reading (review of the textbook by Alekseev R. A. "Electoral law, electoral process and technologies"). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):169–172. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-169-172>. EDN PHHSVT

Учебник Алексеева Р. А. «Избирательное право, избирательный процесс и технологии» [1] даёт развёрнутое представление о понятии и видах избирательных систем, сущности избирательного права, стадиях избирательного процесса, особенностях электорального поведения российских избирателей, различиях между традиционными и инновационными избирательными технологиями и их применении на выборах различного масштаба и уровня, освещает вопросы становления и развития избирательной системы советской, постсоветской и современной России, проблемы развития и функционирования таких политико-правовых институтов, как избирательный процесс и избирательное право.

Написание учебника «Избирательное право, избирательный процесс и технологии» обусловлено научно-техническим прогрессом, новыми вызовами времени, необходимостью учета действующих норм, в том числе образовательных стандартов. Учебник будет востребован при проведении лекционных и практических занятий для студентов, обучающихся по специальностям «юриспруденция» и «политология», с целью формирования у них представления о сущности избирательного права (как отрасли права, науки и учебной дисциплины), институтах непосредственной (прямой) демократии – выборах, референдумах и иных формах волеизъявления в электоральной практике России, стадиях избирательного

процесса, понятии и видах избирательных систем, особенностях электорального поведения избирателей, а также о применяемых на выборах различного уровня избирательных технологиях.

В представленном учебнике были использованы различные виды источников: нормативно-правовая база, диссертационные исследования, посвященные избирательной системе, избирательному процессу и избирательным технологиям, монографии, научные статьи, электронные ресурсы по предвыборной и итоговой электоральной статистике. Проведенный автором анализ научной литературы наглядно продемонстрировал, что на настоящее время практически отсутствуют учебники и учебные пособия по исследуемой проблематике - взаимосвязи избирательной системы, избирательного процесса и технологий. Большинство авторов аналогичных исследований изучались либо правовые, либо политические аспекты в области избирательных систем, избирательного процесса и избирательных технологий, во взаимосвязи же эти политико-правовые институты не изучались. Именно поэтому данный учебник представляет интерес с междисциплинарной точки зрения.

Структура учебника обусловлена целью, задачами, логикой исследования, включает в себя: предисловие (теоретические основы курса), шесть глав, состоящих из двадцати параграфов, послесловие и библиографический список. В учебнике освещены следующие основные вопросы:

- понятие «избирательная система» и её виды. Избирательная система рассматривается автором как государственно-правовая целостность [2, с. 18]. Она включает в себя: источник (избирательное право), механизм (избирательный процесс), результативность (способы подсчёта голосов избирателей);

- институт избирательного права. Автор рассматривает его в качестве одного из ключевых политических прав граждан [3, с. 6]. Именно это право позволяет им принимать участие в государственном управлении, пусть и опосредовано, т.е. через избранных ими представителей;

- детальная характеристика стадий электорального (т.е. избирательного) процесса и их сопоставление в нормах действующего российского и советского избирательного законодательства, с учётом избирательной практики зарубежных государств.

Автором выявлены пробелы в действующем законодательстве, снижающие прозрачность избирательных процедур и практик, предложены пути их устранения. Дана характеристика избирательных процедур, рассмотрены положительные и отрицательные стороны электронного голосования (его разновидностей, в том числе и избирательного блокчейна).

При изучении институтов избирательного права и процесса, избирательных технологий, применялись такие научно-исследовательские методы, как аналогия и моделирование, структурно-функциональный и историко-правовой подходы, что позволило определить категориальный аппарат и теоретико-познавательную составляющую данного издания. Также применялись и частнонаучные методы, среди которых особо можно выделить: метод компаративистики, метод формализации (т.е. формально-юридический) и системный подход. Использование методологического плюрализма позволило автору охарактеризовать избирательную систему, избирательное право и процесс, избирательные технологии во взаимообусловленности и взаимозависимости.

Учебник Алексеева Р. А. представляет интерес как для студентов, получающих юридическую и политологическую специальности, правоведов, занимающихся вопросами конституционного и избирательного права и законодательства, политтехнологов и политологов, принимающих участие в разработке предвыборных стратегий и программ кандидатов и партий, электоральных социологов изучающих вопросы избирательной явки и электоральных

предпочтений, а также для рядовых российских избирателей, интересующихся проблемами трансформации и реформирования избирательной системы России [1, с. 8].

Ценность проведённого научного исследования состоит в том, что представленные в учебнике рекомендации, содержательные данные и предложения позволяют применять его в ходе преподавания таких учебных дисциплин, как избирательное право и процесс, и конституционное право. Рецензируемый учебник можно рекомендовать в учебном процессе в высших учебных заведениях, т.к. он адресован студентам разных форм обучения, а также всем интересующимся проблемами современного избирательного права.

Список источников

1. Алексеев Р. А. Избирательное право, избирательный процесс и технологии. М.: ООО Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2025. 175 с.
2. Алексеев Р. А. Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии (сравнительное политико-правовое исследование). Монография. М.: ООО Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2019. 211 с.
3. Алексеев Р. А. Избирательная система, избирательный процесс и технологии. М.: МГОУ, 2020. 136 с.

References

1. Alekseev R. A. *Electoral law, electoral process and technologies*. Moscow: Scientific Publishing Center INFRA-M; 2025. 175 p. (In Russ.)
2. Alekseev R. A. *Electoral system as a factor in the formation and development of Russian democracy (comparative political and legal study)*. Monograph. Moscow: Scientific Publishing Center INFRA-M; 2019. 211 p. (In Russ.)
3. Alekseev R. A. *Electoral system, electoral process and technologies*. Moscow: MGOU; 2020. 136 p. (In Russ.)

Информация об авторе

С. В. Королёв – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук; заведующий кафедры публичного права Государственного университета по землеустройству.

Information about the author

S. V. Korolev – Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher at the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Public Law at the State University of Land Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Поступление в редакцию 20.01.2025. Одобрение после рассмотрения 10.02.2025.

Принятие к публикации 11.02.2025.

The article was submitted 20.01.2024. Approved after review 10.02.2025. Accepted for publication 01.02.2025.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем оригинальной научной статьи должен быть от 15 страниц. В указанный объем включены таблицы и список литературы (на кириллице и латинице). Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы).

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»;

- аннотация (200-250 слов). Аннотация должна быть структурирована, в ней обязательно указываются: Введение, Цель, Методы, Результаты, Выводы (кратко). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (не менее 10). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 20 до 30 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». **Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.**

Набор статей в текущий номер прекращается 20 числа первого месяца текущего квартала:

№ 1 – прием статей до 20 января;

№ 2 – прием статей до 20 апреля;

№ 3 – прием статей до 20 июля;

№ 4 – прием статей до 20 октября.

Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

**Мы не запрещаем позитивизм,
но стремимся определить его действительное место в познании права**

ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ
СТАТЕЙ В ТЕМАТИЧЕСКИЙ НОМЕР

«Цифровизация избирательного процесса: перспективы и риски»

**Приглашение к опубликованию статей в тематический номер/рубрику
«Цифровизация избирательного процесса: перспективы и риски»
на базе журналов:**

«Журнал политических исследований»

<https://naukaru.ru/ru/nauka/issue/5526/view>

и «Северо-Кавказский юридический вестник»

<https://vestnik-uriu.ranepa.ru/index.php/vestnik/about>

(вторые номера 2025 г., время выпуска июнь-июль)

Журналы «Северо-Кавказский юридический вестник», «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки» и «Журнал политических исследований» (журналы из перечня ВАК, К 2) приглашают к сотрудничеству, объявляют прием научных статей для тематического номера (рубрики), посвященного цифровизации избирательного процесса в России и зарубежных странах, проблемам и рискам, связанным с внедрением в электоральный процесс различных инновационных избирательных технологий, перспективам совершенствования и использования на практике.

Сроки приема статей в тематический номер/рубрику:

«Северо-Кавказский юридический вестник» не позднее 30 апреля 2025г.;

«Журнал политических исследований» не позднее 31 мая 2025 г.

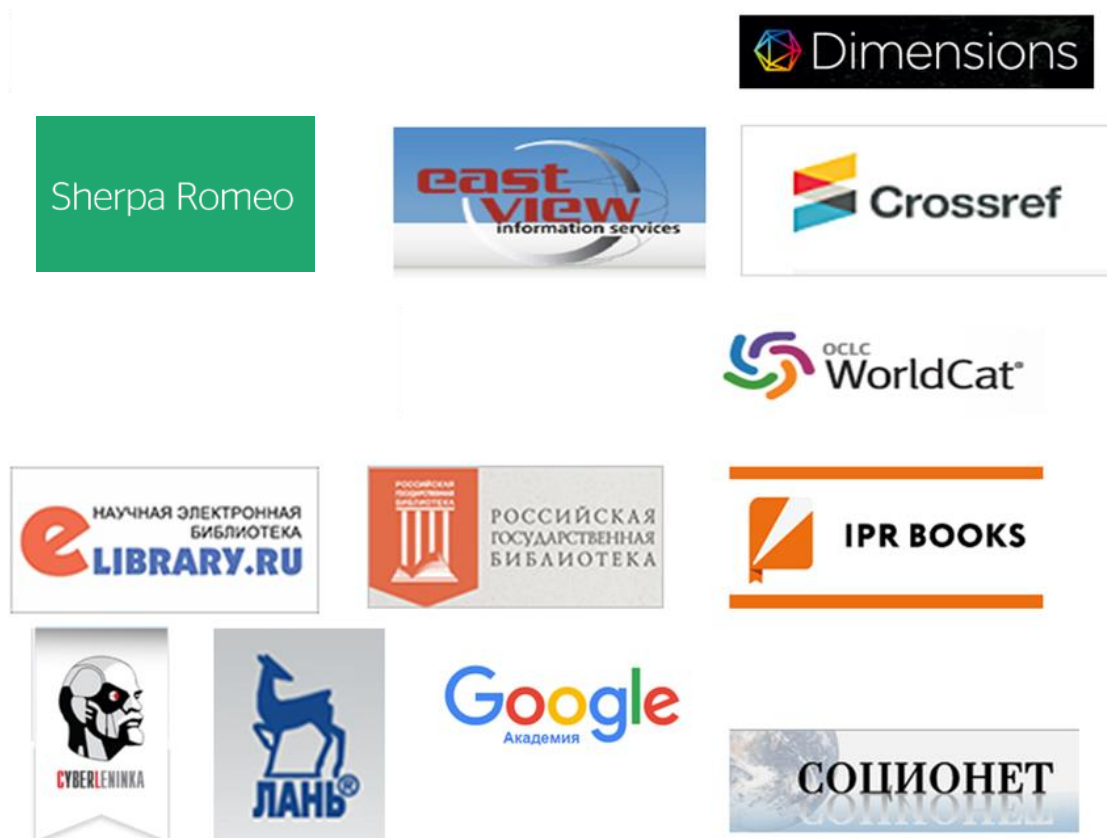
Статьи по проблематике тематического номера/рубрики принимаются к публикации на бесплатной основе, при условии соответствия требованиям проверки на Антиплагиат (оригинальность текста – свыше 85 %) и при положительных отзывах двойного рецензирования.

Публикации могут быть посвящены вопросам использования цифровых технологий (дистанционное электронное голосование, избирательный блокчейн и т.д.) в избирательном процессе, государственной автоматизированной системы «Выборы», КОИБов, системы «Мобильный избиратель» и ряду других актуальных вопросов по заявленной проблематике.

Статьи принимаются на электронные почты журналов: yurvestnik-uriu@ranepa.ru (с пометкой: статья в тематическую рубрику) и Alekseev.r555@mail.ru.

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

№ 1, 2025

Выход в свет 28.03.2025. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 1300-25

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru